

European Journal of Literature and Linguistics

Nº 3 2017



«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2017**

European Journal of Literature and Linguistics

Scientific journal
№ 3 2017

ISSN 2310-5720

Editor-in-chief

International editorial board

Erika Maier, Germany Doctor of Philology

Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology

Allakhverdyan Tamara Nikolaevna, Ukraine, Doctor of Philology

Belous Viktor, Ukraine, Ph.D. of Philology

Dmitrieva Olga Alexandrovna, Russia, Doctor of Philology

Ivanyan Elena Pavlovna, Russia, Doctor of Philology

Halipaeva Imperiyat Arslanbekovna, Russia, Doctor of Philology

Jasna Potočnik Topler, Slovenia, PhD of Literature

Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology

Marszałek Paulina, Poland, Doctor of Philology

Montoya Julia, Spain, Doctor of Philology

Muhamed Mustafi, Macedonia, PhD in Philology

Obraztsova Olena, Ukraine, Doctor of Philology

Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology

Rechad Mostafa, Morocco, PhD in Linguistic

Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology

Vorobyova Olga Ivanovna, Russia, Doctor of Philology

Zholshayeva Maira Satibaldiebna, Kazakhstan, Doctor of Philology

Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology

Kristin Theissen

Andreas Vogel

Stephan Friedman

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies

and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

info@ew-a.org

www.ew-a.org

Proofreading

Cover design

Additional design

Editorial office

Email:

Homepage:

European Journal of Literature and Linguistics is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:



eLIBRARY.RU



ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY



Registry of Open Access
Repositories (ROAR)



© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Linguistics

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-3-6>

*Hakobyan Anoush Vahanovna,
Doctor of Sciences (Philology)*

Yerevan State University, Faculty of Russian Philology

E-mail: hakobyananoush@yahoo.com

E-mail: anush.hakobyan@ysu.am

FUNCTIONAL SPECIFICITY OF UNION ЕСЛИ

Abstract: The functional specificity of union если in complex sentence is explored on the basis of the properties of Boolean functions. It is shown that logical laws of idempotency and transitivity have a direct or indirect reflection in the corresponding complex linguistic statements.

Keywords: statement, function, implication, idempotency, transitivity.

Акопян Ануш Вагановна,

доктор филологических наук

Ереванский государственный университет,

факультет русской филологии

E-mail: hakobyananoush@yahoo.com

E-mail: anush.hakobyan@ysu.am

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОЮЗА ЕСЛИ

Аннотация: На основе свойств булевых функций исследована функциональная специфика союза *если* в сложноподчиненном предложении. Показано, что логические законы идемпотентности и транзитивности имеют прямое или косвенное отражение в соответствующих сложных языковых высказываниях.

Ключевые слова: высказывание, функция, импликация, идемпотентность, транзитивность.

В структуре естественного языка важное место занимают условные конструкции, в частности, сложноподчиненные предложения с условным значением, которым с формальной точки зрения в определенной мере соответствует имплицативное высказывание *если А, то В* и описываются логической функцией следования $A \rightarrow B$ [3, 192]. Условные отношения между этими двумя ситуациями подразумевают, что значение антецедента

служит достаточным основанием для реализации консеквента.

Так, предложению:

Если ты здоров да поработал до усталости, то хлеб с водой тебе слаще покажется, чем богачу все его приправы, солома для постели мягче всяких пружинных кроватей и кафтан рабочий приятнее на теле всяких бархатных и меховых одежд (Л. Толстой «Путь жизни»).

– соответствует имплицативное высказывание *если A, то B*, где $B = B_1, (и) B_2 и B_3$.

Функциональная специфика союза *если* опирается на контекстуальную истинность всего высказывания.

Рассказы о чудесах не могут подтвердить истину. Если бы, не то что рассказы, но на моих глазах человек воскрес из гроба и улетел на небо и оттуда уверял бы меня, что $2 \times 2 = 5$, я все-таки не поверил бы ему (Л. Толстой «Путь жизни»).

Возможная истинность ситуации главной части сложноподчиненных предложений с условным значением зависит от информации о потенциальной осуществимости ситуации в придаточной.

Но в чем состоят эти условия, историки эти не говорят нам, или если и говорят, то постоянно противоречат один другому. (Л. Толстой «Война и мир»).

Это сложное предложение интересно тем, что в нем совмещаются дизъюнктивное и имплицативное высказывания, и в его первой части в явном виде (*в чем состоят эти условия*) сообщается о наличии потенциального условия во второй части (*если*). Здесь значения имени существительного *условие* и союза *если* имеют тождественное лексическое значение.

Потенциальность или нереальность осуществимости ситуаций зачастую уточняется контекстуально или включением слова с временным значением в состав одной из частей предложения, к примеру:

Если бы я эту икону, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто? (Бунин «Окаянные дни»).

В сложноподчиненных предложениях с условным значением возможны случаи, когда корреляты обладают разными коэффициентами корреляции и помогают более четкому определению рассматриваемых отношений.

Коль скоро в первом акте на сцене висит ружье, тогда в заключительном оно обязано выстрелить.

(Из письма Чехова к литератору Лазареву-Грузинскому от 1 ноября 1889 г. В оригинале: *Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него.*)

... к тому по уложению велено, ежели кто чужую землю засеет или усадьбу загородит, и на того о неправильном завладении станут бити челом, и про то сыщется допрямо, тогда правому отдавать тую землю и с посеянным хлебом, и городьбою, и строением... (Пушкин «Дубровский»).

Союз *если* может также представлять собой часть вводного предложения.

Он чувствовал, что формально, если можно так выразиться, он был прав перед нею ... (Л. Толстой «Воскресение»).

В следующем сложноподчиненном предложении с условным значением первый союз *если* содержит функциональную имплицативную специфику, а второй является частью вводного предложения.

Если уж наш дом такой опасный для гимназистов, то мы его, если хотите, и пускать не будем. (Сологуб «Мелкий бес»).

Функциональной спецификой союза *если* объясняется факт сближения условных предложений с другими видами сложноподчиненных предложений с обусловленным значением [1, 100; 2, 24; 4, 19; 5, 585]. Такое сближение наблюдается, в частности, в предложениях с несобственно-условным значением, где условие в придаточной части не является достаточным основанием для главной части, поэтому оно ослаблено или утрачено совсем, и носителем достаточного основания может стать сама главная часть. Ситуации в придаточной и главной частях таких предложений недостаточно связаны и относительно независимы друг от друга. В таких предложениях ослабление или утрата условия выражается применением составного союза *если уж* (*уж если*), что совпадает с союзом *раз* (*раз уж*) и семантически специализированных коррелятов (*значит, следовательно, очевидно, по-видимому,*

видимо, должно быть, наверно, поистине, без сомнения и т. п.), расположенных в главной части. Это сопровождается, как правило, семантическим сближением условного предложения с предложениями со значением уступки, причины, цели, следствия. Зачастую в уступительных конструкциях условная информация контекстуально скрыта и не носит явного имплицативного характера, или же она может быть интерпретирована как информация, которая передает недостаточное или отвергнутое условие.

Условные предложения индикативного типа, где связь между обуславливающей и обусловленной частями определяется прошедшим и настоящим временными планами, могут быть контекстуально близки к причинно-следственным. Когда же связь определяется будущим временным планом, этим предложениям соответствуют предложения неиндикативного типа, выражающие потенциальность.

Она не прервет молчание вопросом, хотя бы ей пришлось молчать до утра (Л. Толстой “Война и мир”).

Функция импликации тесно связана с другими логическими функциями (конъюнкции, дизъюнкции, отрицания и др.) [3, 149; 264; 421], чем объясняется тесное семантическое сближение и переплетение условных сложноподчиненных предложениях с сложносочиненными соединительными и разделительными предложениями. Имплицативное высказывание возможно трансформировать в конъюнктивное или дизъюнктивное высказывание, и в этом случае соответствующие сложноподчиненные и сложносочиненные предложения сближаются. Формальная трансформация имплицативного высказывания в дизъюнктивное приводит к образованию сложносочиненного предложения только с несобственно или соединительно-разделительным значением, т. к. в противном случае (с собственно разделительным значением) суждения *A* и *B* противоречат друг другу и суждение *A* не может являться условием выполнения суждения *B*.

Для имплицативных высказываний *если A, то B* справедливы логические законы **идемпотентности** (высказывание *если A, то A* равносильно высказыванию *A*, и **транзитивности**) (если высказывания *если A, то B* и *если B, то C* принимают истинное значение, то высказывание *если A, то C* принимает истинное значение).

Если люди женятся, когда могут не жениться, то они делают то же, что делал бы человек, если бы падал, не споткнувшись. Если споткнулся и упал, то что же делать, а если не споткнулся, то зачем же нарочно падать? Если можешь без греха прожить целомудренно, то лучше не жениться. (Л. Толстой «Путь жизни»).

В приведенных предложениях первые два содержат цепочки транзитивно связанных четырех имплицативных высказываний, и последним в неявном виде подводится итог транзитивной связи. Аналогичным примером является также интересная с логико-философской точки зрения следующая транзитивная цепь имплицативных высказываний с промежуточным и завершающим выводами, где существенную роль играют антонимичные пары *светло — темно*, *свет — тьма*, *чисто — худо*.

Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло. Если же око твое будет худо, то все тело будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? (Л. Толстой “Так что же нам делать?”).

Следует отметить, что в общем случае для имплицативного высказывания не выполняются как закон **коммутативности**, так и закон **ассоциативности**.

Известно, что двухместное союзное соединение *если ... то* может не иметь имплицативной специфики и при этом выражать сопоставительное, сопоставительно-противительное, противительное, присоединительное, изъяснительное значения. Такая многозначность проявляется в следующих двух предложениях, в которых мы можем

наблюдать формальную коммутативность сопоставляемых и противопоставляемых ситуаций.

Если патриотизм добро, то христианство, дающее мир, — пустая мечта, и чем скорее искоренить это учение, тем лучше. Если же христианство действительно дает мир и мы действительно хотим мира, то патриотизм есть пережиток варварского времени, который не только не надо возбуждать и воспитывать, как мы это делаем теперь, но который надо искоренять всеми средствами: проповедью, убеждением, презрением, насмешкой. (Л. Толстой «Патриотизм или Мир?»).

И если душа моя незадолго перед тем благоговейно обращена была к неземному, то теперь меня радостно обступала жизнь с ее пестрыми картинами. (Гофман «Эликсиры сатаны»).

Отметим, что имплицативное высказывание является формально коммутативным в том и только в том случае, когда составляющие ситуации *A* и *B* равнозначны.

Таким образом, язык представляет собой определенную структурную систему, имеет содержательно-логическую внутреннюю организацию и описывает окружающую нас действительность. При этом, для более точного и адекватного отражения действительности могут быть широко использованы сложноподчиненные и сложносочиненные предложения с функциональными имплицативными, негативными, дизъюнктивными и конъюнктивными связями.

Список литературы:

1. Акопян А. В. ЕСЛИ и только ЕСЛИ. Монография. – Ереван, Изд. ЕГУ, – 2012.
2. Апресян В. Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки // В. Я. М., Наука, – 1999, – № 5. – С. 24–44.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М., Наука, – 1975.
4. Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами // В. Я. М., Наука, – 1999, – № 1. – С. 17–36.
5. Русская грамматика. Т. II, – М., Наука, – 1980.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-7-11>*Gabibullaeva Nigar Fikret qizi,
PhD Student,**Azerbaijan University of Tourism and Management,**The Department of English Language**E-mail: matlabm@yandex.ru*

METAPHORICAL REPRESENTATION OF IDEOLOGY IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Abstract: The article deals with the role of metaphorical phrases in american political discourse. We analyzed the role and importance of metaphors in political life of the USA. The metaphorical or metonymical phrases are usually selected by the politicians in that way, in order to cover all the events and emphasize the role of this events in the history of the formation of the government.

Keywords: political discourse, metaphorical phrase, ideology, “New Deal”.

*Габидуллаева Нигяр Фикрет кызы,**Докторант Кафедры английского языка**Азербайджанского Университета Туризма и Менеджмента**E-mail: matlabm@yandex.ru*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: В данной статье мы подчеркнули роль метафорических выражение в американском политическом дискурсе. Мы проанализировали роль и важность метафорических выражений в политической жизни США. Метафорические и метонимические выражения подобраны так, что охватывают все события и подчеркивают роль и важность данного события в истории государства.

Ключевые слова: политический дискурс, метафорическое выражение, идеология, «Новый курс».

Идеологический анализ языка и дискурса широко практикуется учеными и критиками. При изучении дискурса, как объекта когнитивной и социальной психологии, а также в целом гуманитарных наук, мы не можем точно определить насколько глубоко идеология выражается дискурсом или насколько идеология влияет на формирование дискурса [1, С. 136].

Политика является неотъемлемой частью социальной жизни общества. Согласно Чилтону,

политика это социальная деятельность, в первую очередь как борьба за право, между теми кто правит и теми кому хотелось бы, хотя в то же время политику можно определить как совокупность стратегий для решения многих социальных конфликтов [2, С. 3].

Согласно определению Энквиста; дискурс означает текст плюс контекст, где контекст вбирает в себя ситуативные компоненты. Текст и контекст являются двумя главными факторами,

так как без них не может быть и дискурса [3, С. 372].

Различные риторические стратегии определенных грамматических, лексических и стилистических приемов широко используются в политическом дискурсе, в первую очередь привлекая внимание читателей или слушателей.

В нашей статье, мы рассматриваем метафорические слова и выражения, как одну из важных риторических приемов. Метафорические и метонимические выражения играют вполне значимую роль в политическом дискурсе, так как она помогает определить скрытое значение различных субсистем, которые функционируют в данной системе [4, С. 69–75].

Анализ метафоры является центральным звеном в анализе политического дискурса [5, С. 25]. Политический дискурс, в первую очередь строится используя концепции которые отображают взгляды на мир, идеология же в свою очередь неразрывно связана с концептом социальная дифференциация.

Каждый политик, создавая свой текст, в первую очередь думает о своей аудитории, и в особенности об их идеологических и культурных взглядах своих реципиентов. Главной целью политического дискурса это создать консенсус среди граждан [3, С. 4]. Обычно, считается что политики знают свою потенциальную аудиторию и согласно этому создают свою речь и используют определенные риторические приемы для привлечения внимания слушателей.

Процесс глобализации также повлиял и на современную аудиторию слушателей или читателей политического текста в американском дискурсе. Из-за глобального интереса к американской политике ситуация в американском политическом дискурсе становится все более сложной с точки зрения учета интересов различных слоев населения внутри страны, а также интересов различных регионов и государств мира. Политикам приходится тщательно выбирать слова и строить свой

политический дискурс так чтобы оправдать надежды, а также соответствовать ожиданиям своих слушателей. Речь политика является его главным оружием, с помощью которого он должен суметь не только убедить аудиторию, но иногда и манипулировать ею [4, С. 73].

Политический дискурс в первую очередь строится путем использования таких концептов которые являются глобальными. Главной задачей здесь является как вербализировать эти концепты в различных политических дискурсах, которые относятся к различным культурам, и как решить конфликт между культурой, личностью и глобальными ценностями, так как восприятие, выводы и передача одного и того же концепта может отличаться, как внутри одной культуры так же и между разными культурами.

В политическом дискурсе, метафорические и метонимические выражения это весьма значительные элементы, который помогают ассоциировать эксплицитную информацию с имплицитным значением.

Метафора и другие стилистические приемы считаются более эффективными и убедительными, а также одним из важных приемов политиков. Такие лингвистические приемы важны и даже являются необходимым звеном политического дискурса, так как именно метафоры помогают передать и понять различные политические процессы, и почувствовать себя частью этих процессов. Общество не всегда может следить или оценивать происходящие политические процессы, и вот в этом случае именно благодаря стилистическим приемам используемые политиками в своих речах, помогают слушателям или аудитории оценить и сформировать свою точку зрения о происходящих политических процессах.

Согласно определению Ван Дайка, убеждение это процесс где слушатель может изменить свое мнение под влиянием дискурса. Весьма очевидным фактом является то что говорящий влияет не только на сознание слушателей, а также на их последующие поступки и роль в обществе [7, С. 355].

Это доказывает то, что язык – играет не мало важную роль в убеждении и управлении, а также является одним из важных средств контроля и доминирования (господства).

Рассмотрим следующий пример: “Senator Mc Cain just doesn’t get it — he doesn’t get that, this crisis on Wall Street hit Main street” (B. Obama, President Election, 2008).

В американском дискурсе ранее для дифференциации социальных групп использовались фразы “White Collar” и “Blue Collar”, которые позднее были заменены фразами “Wall Street” “Main Street”. В данном тексте отправитель использует метафорическое выражение «Main Street», которая концептуализирует идеологию.

Идеология представляет собой треугольную форму, которая соединяет общество, дискурс и социальное сознание [8]. Согласно этому подходу, идеология является основой для организации социального сознания разделяемый членами различных групп, организаций. Концепция идеологии позволяет соединить группу людей которые разделяют одинаковые мнения, веру, взгляды и имеют одинаковые социальные ценности. Другими словами, идеология находится между социальной структурой и структурой мышления членов общества. Они позволяют им передать свои социальные ценности, которые создают модели повседневной жизни. Идеология это не просто система идей, она также формирует сознание человека, сознание общества, а также имеет когнитивную и социальную функцию.

В литературе метафора также определяется не только как «стилистический прием» но также и как «метод убеждения». В первую очередь метафора помогает передать политические процессы более ярким и понятным методом. Во-вторых, позволяет создать связь между логическим и эмоциональными формами убеждений.

Согласно Лакоффа и Джонсону [9] сущностью метафоры является понять и передать смысл одного слова посредством другого слова. Метафоры

это стилистические приемы, охватывающие все виды дискурса.

Одной из главной цели политического дискурса является найти и использовать ту метафору, которая передаст мнение общества. Политики обычно используют метафору чтобы передать скрытую точку зрения, и таким образом создают символические или закодированные фразы.

Согласно мнению Эдельмана, метафора это средство передачи информации, он считает, метафорические и метонимические выражения дают не только широкое, но и более упрощенное название проблемам или вопросам которые пробуждают внимание [10; С. 65]. Метафоры становятся символом более широких проблем. Например, Франклин Рузвельт в один из самых сложных периодов в истории США, «Великая Депрессия», в своей речи призвал народ к соучастию в новой, разработанной им политической стратегии «Новый Курс»; “I pledge you, I pledge myself, to a “New Deal” for the American people” (Franklin Roosevelt, July 2, 1932, Capitol Plaza, Presidential Elections).

В этот период когда все надежды были исчерпаны, специально-разработанная программа, названная метафорическим выражением «Новый Курс», показала свою силу во всех сферах страны. За короткий период уверенность в стране возросла, и Соединенные штаты удачно перетерпели эти сложные годы «Великой Депрессии».

Метафорические и метонимические выражения помогают слушателям воспринимать тексты политической речи, и узнать цель политиков, а также как они соотносят себя с народом, насколько они заинтересованы мнением общества, так как всякий политический текст обладает информативным значением.

Анализируя речь политиков, мы можем заметить, что адресуя свою речь большой аудитории, политики используют в два или больше раз метафорических или метонимических приемов, чем если речь адресуется малой группе. Так как если, обращаясь большой группе людей, речь должна охватывать интересы

и мнения всей аудитории, и поэтому для убеждения и поддержки, политики обращаются к метафорам. Преимуществом речи обращенной малой группе является то, что здесь обе стороны разделяют общие

интересы, и целью политика не является убедить свою аудиторию, они лишь делятся общими интересами. Функционирование данной метафоры мы можем проследить по следующей схеме:



Схема 1.

Метафора ранее считалось как прием для литературного языка, особенно в поэзии. Но в своих работах, лингвисты, как например Лакофф и Джонсон [9], убедительно настояли и доказали что это неправильный подход. Метафоры соответствуют практически всем сферам и всем видам дискурса. Нужно учесть то, что метафорические и метонимические выражения, способны влиять на понятийную систему человека и на его поведение, поэтому вполне очевиден интерес не только политиков,

но также деятелей многих других сфер к метафорическим и метонимическим выражениям.

Главной целью данной статьи является выявить и показать неотъемлемую роль метафор в политической жизни государств. Важные исторические моменты государств, запоминаются путем метафорических или метонимических выражений, которые подобраны так, что охватывают все события и подчеркивают роль и важность данного события в истории государства.

Список литературы:

1. Van Dijk T. A. (1995 b). Discourse semantics and ideology. *Discourse & Society* 6: 2. 243–289.
2. Paul Chilton: *Analysing Political Discourse*, – 2004, – P. 3.
3. Enkvist, Nils Erik. From Text to Interpretability: A Contribution to the Discussion of Basic Terms in Text linguistics. In: *Research in Text Theory*, – Vol. 12. Berlin / New York: Walter de Gruyter. – 1989. – P. 369–398.
4. Mammadov Azad *Metaphors in the american and russian political discourse* P. 69–75.
5. Ahrens Kathleen. *Analysing Conceptual Metaphors in Political Language*. In: *Politics, Gender and Conceptual Metaphors*. Ed. By Kathleen Ahrens. London: Palgrave Macmillan. – 2009. – P. 1–5.
6. Johnson David W. & Johnson Roger T. – 2000. *Civil Political Discourse in a Democracy: The Contribution of Psychology*. URL: <http://www.co-operation.org/pages/contro-pol.html>.
7. Van Dijk, Teun A. *Critical Discourse Analysis*. In: *A Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell. – 2001. – P. 352–371.

8. Van Dijk, Teun A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage Publications. – 1998.
9. Lakoff G. and Johnson M. *Metaphors we live by*. London: The university of Chicago press – 1980 / 2003. – P. 20–35.
10. Edelman M., *January Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence* – 1971. – P. 65.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-12-17>

Gadimova Leyla Shovlat,

AUL, Azerbaijan

E-mail: xatireaslanova@yahoo.com

“LOVE” CONCEPT IN SHAKESPEARE SONNETS

Abstract: The article explores “love” concept in Shakespeare sonnets. It consists of semi titles including introduction, lingvo-pragmatic analysis of Shakespeare sonnets, and the emergence of sonnet as a poetic form, pragmatic-communicative analysis, conclusion and references.

In the introduction, the author gives information about the formation and the structure of sonnets.

In the part dealing with lingvo-pragmatic analysis of Shakespeare’s sonnets the author makes attempts to substantiate the lingvo-pragmatic features of “love” concept in linguistics and describes the main character of Shakespeare sonnets.

The author of the article in dealing with the emergence of sonnet as a poetic form, gives information about the development and contrubition of sonnets to linguistics. The author mentions the main ideas of sonnets and substantiates her ideas with sonnets from Shakespeare’s work.

In the part, dealing with pragmatic-communicative analysis, the author analyses sonnets from the pragmatic-communicative point of view and provides samples. The author emphasizes the meaningful changes of lexical units in the sonnets and the emotional aspects influencing the poetry are discussed.

In the conclusion, the attained results from the processes of investigation have been summarized.

Keywords: Shakespeare, sonnets, lingvo-pragmatic analysis, love, feelings, Renaissance.

Introduction

The sonnet form was established in ancient times. Most likely, it was developed by Provencal poets, but the classic development of sonnet has been in renaissance period in Italy. The sonnet form had been established as a result of difficult and laborious efforts of inspired poets.

The repetition of words is not allowed in sonnets (except phrases, word combinations and articles) [1, P. 63]. The first quatrain should maintain the exposition, id est. should explain the theme. So that, the first hemistich should explain the other couplets of poem to the reader. The next part of the theme is recorded in the second quatrain, sometimes the contrast of theme is also a recording. The result of the author’s opinion about theme is mentioned in the third couplet of quatrain.

Form complexity, further exacerbation of composition principles coincides with the Renais-

sance period. In England sonnet had been established by White (Uayt). Formerly English writers were writing sonnet in Italian style, but later they established their own form in line with their own themes. The English form of sonnet consists of two couplets containing three quatrains and chorus. There are always 14 couplets in sonnet. The couplets are grouped in this form: abab cdcd efef gg.

Shakespeare grouped the sonnet proper to simple system: the first part of quatrain reflects the content of theme, the second part reflects its development, the third part reflects the explanation of meaning and finally the result finds its lyrical reflection in the last part. The crucial point of the formerly spoken theme is opened finally at the last part of quatrain, thoughts completely change, and after the theme is fully opened the meaning is delivered to the readers in a more obvious way.

Lingvo-pragmatic features of "love" concept in Shakespeare sonnets

William Shakespeare, one of the most prominent members of renaissance period in Europe praised humanism, national character and cheerfulness ideas in his works. He knew secrets to the human heart in great depths and as a result, usually has a great impact on readers by details of complex events in his writing. He places great dramatic content, the harmony of feelings, thoughts and objections in 14 hemistichs in his sonnets. As it is known, only one theme is disputed in each sonnet.

The father of Renaissance and all modern European lyrics, distinguished with dedication of his sonnets to man's inner world of love. Most of the characters in Shakespeare's sonnet suffer from an inner loneliness. The content of conception is that thought, feeling or mood in a mental capacity which can be difficult to express. In this case it is clear that, there are endless similar qualities between the material and spiritual worlds.

The content of sonnet is related to mood or feelings formed as result of any event. The name of the event is called or pointed out, but sometimes an unexpected cause emerges in sonnets- poetry emerges from the mood of a poet. Finding words and characters in expression of emotions not only reflects the mental condition of a lyrical hero, but also delivers it to the reader.

As usual in poems, some events serve broad masses belonging to life as a whole and this is evident in sonnets. Sometimes it seems that, the theme is about a person reflecting a personal mood. But the poet connects it with something greater that does not really exist. We encounter such personal and public problems in dramas and tragedies of Shakespeare [1, P. 142].

On the whole, Shakespeare wrote 154 sonnets (maybe this is only the amount known to literature). In his sonnets, the author sometimes enters into polemics with himself, sometimes addresses his swarthy lover and sometimes his sincere friend is his interlocutor. As such, themes of sonnets as; the world's

perishability, approval of good deeds, pure and false love, hypocrisy, betrayal... all provide a colourfulness that ensures the readers are not faced with any monotony. Every next sonnet, just the poetic sample consisting of 14 hemistiches puts its light in the heart of the reader. (Only 126th sonnet consists of twelve hemistiches and the scientists investigating the creativity of Shakespeare do not understand this strangeness and suppose that those two hemistiches of sonnet were lost).

While focused on a multidimensional analysis of language use in Shakespeare's sonnets, English prose and poetic works in terms of cognitive linguistics, it can be more involving in terms of research required in the field of linguistics and the results emerging at this time allow us to come to the following opinions. The basis of "Sonnets" consists of a poet's friendship with a handsome, young man and at the same time, falls in love with the not beautiful but charming lady. Subsequently we will learn that, the friend and lover of the poet were betraying him. But this situation does not kill his love for the lover or destroy his loyalty to his friend.

The selectivity of sonnets is not only distinguished in the plot, but also with emotions. These differ with the personality of the poet, a lyrical hero. We meet 3 characters in drama-"the Sonnets" ontology-friend, swarthy lady and poet. We see the first two characters in the eyes of the poet. His attitude to them is his endurance to their betrayal and in "Sonnets" the difficult and great image of a lyrical hero is highlighted in his attitude towards these characters before us. [12, P. 115].

There is some irregularity in parts of "Sonnets" known to us, their content is not clear. This is seen vividly while grouping them as a form of poetry with regards to their subject matter. Generally, "Sonnets" are divided into two great parts: the first part-126 sonnets had been devoted to his friend while 127-154 sonnets had been devoted to his lover. The sonnets devoted to his friend are more than the sonnets devoted to his lover.

The main thing is that, each time you read sonnets, you become impressed with the poetic expressions of deep, ideological, aesthetic and philosophical feelings of the poet's spiritual wealth. He spoke about unusual and unique beauty in his sonnets. "The black colour had to be a symbol of beauty" — in this phrase, the poet enthusiastically described the beauty of a woman.

It seems that the sonnets devoted to a friend and lover are two different things connected with phases. In general, "Sonnets" are not considered to be lyrical poems, thought out in advance and the result planned beforehand. For this reason, the thought about irregularity of sonnets began to occur in the first versification in 1609. It is obvious from the introductory part that, the logic of lyrical plot was followed everywhere. For example, we knew about betrayal of the poet by his friend in 40th, 41st, 42nd sonnets, but we knew about his lover later in 127th sonnet [12, P. 126].

The "Sonnets" of Shakespeare are related to the outstanding members of lyric poetry. Lyrics usually show personal feelings and emotions of the poet.

The second character in "Sonnets" is the lover of poet. She was not mentioned by name in the sonnet. The poets were addressing their adored ladies with poetic names. Sydney-Styella, Denyela -Deliya, Drayton-Idea and etc. in their works were calling female heroes proper to the name of woman in their dreams. But Shakespeare did not give a poetic name to his lover. We will know from the "Sonnets" just that, she is swarthy, black-haired and differs only by being away from loyalty in love. Referring to this, the name of "The Dark Lady of the Sonnets" was used.

The emergence of sonnet as a poetic form

The sonnet genre has attracted attention with its philosophical content from former times, it is enough to remind Shakespeare's sonnets as the most obvious sample. It is not taken into consideration to say any philosophical thought in any sonnet, to present the provisions of philosophy in the form of verse while speaking about philosophical sonnet. The greatest

philosophical thoughts mostly appear from poetry. To be born and die, good and evil, love and hatred, war and peace conflicts are philosophy of life, are not they? But the hero of Shakespeare cannot die.

In accordance with the opinion of Shakespeare, actually, the man connected to the life with thousands of wires does not want to leave alone someone in this world and gives priority to live. The main point increasing the artistic influence of 66th sonnet is that, there is not concreteness under whose concept of the letter. Thus, this sonnet becomes the general property of all sufferers.

The sonnets written about platonic friendships are included in the group of sonnets devoted to the divergence [9, P. 44–47]. The feelings and emotions are so high in these sonnets that, even in the absence of the friend is lived with him.

If formerly, friend was considered to be connector for all creatures, from 33rd sonnet till 96th sonnet his bright appearance is neglected. The seeds of friendship are replaced with disappointment, the temporary alienation begins. But the feeling of love wins at the end. The poet even forgives his friend's taking his lover from him. It is more painful for him to be deprived of friend than to be deprived of love.

Then if for my love thou my love receivest,
I cannot blame thee for my love thou usest;
But yet be blamed, if thou thyself deceivest
By wilful taste of what thyself refuseth [3, P. 27].

The last parts of sonnets, from 127 till 152 had been devoted to the woman seen to him in the dark smoke. If the friend was described as an ideal person, his lover was described as a real person.

Though he was sure of betrayal, he keeps his loyalty to the woman. Lie takes its place in their relationship. The feelings between the lover and friend are obviously seen. Feelings of pain and distress are clearly visible for his friend.

When my love swears that she is made of truth
I do believe her, though I know she lies,
That she might think me some untutor'd youth,
Unlearned in the world's false subtleties [3, P. 76].

The love to the lover becomes unbearable and it is converted into pain. Love confuses the mind, deprives the people and the world of a chance to see the truth.

Thou blind fool, Love, what dost thou to mine eyes,

That they behold, and see not what they see?

They know what beauty is, see where it lies,

Yet what the best is take the worst to be [3, P. 75].

It should be mentioned that, unlike other examples of creativity the lyrical hero does not look for ways to kill himself/herself in the sonnets. Even if the lyrical hero of "Sonnets" calls the death, he/she finds something that forces him/her to live: it is his friend and love which makes him happy. He does not to leave his friend in this mortal world.

It was possible to be sure that the placement of sonnets was given in a chronological order, in which case the end of lyric story would be tragic, because the life of love is cursed if it depreciates the person, forces them to be liars or reconcile with lies. The way for escaping from suffering is through the renewal of friendship, which has been strengthened by life experiments. The platonic idea of love prevails as moral feelings in Shakespeare's "Sonnets". Time is not only the certain part of matter in Shakespeare, but it is also a managing power of the world and stimulates all creatures.

In 130th sonnet, Shakespeare praises a common woman in the form of Earth. She is more pleasant for him than angel faced beauties sounded in songs.

My mistress' eyes are nothing like the sun;

Coral is far more red than her lips' red;

If snow be white, why then her breasts are dun;

If hairs be wires, black wires grow on her head [7, P. 72].

Shakespeare describes real love in his sonnets, he describes his life with children, jealousy, resentment for betrayal, torment of lingering separation and pleasant feelings while being close with his lover as wishes. Shakespeare thinks even the most profound subtleties of love.

Love –is a valuable feeling. In 25th sonnet comparing love with titles, position and powers, Shakespeare comes to the conclusion that, the love of others towards you is the most beautiful and valuable gift of destiny.

Let those who are in favour with their stars

Of public honour and proud titles boast,

Whilst I, whom fortune of such triumph bars,

Unlook'd for joy in that I honour most [2, P. 19].

Sometimes the author describes his sufferings, paradoxical condition arisen from love. But even in the most difficult moments love remains as a bright feeling for poets. "... Heart is love, there is no place for hostility...". The happiness of mutual love is more great and beautiful. Shakespeare states that, it should be protected and not be lost. "Not misery, but there is just one grief-being forever deprived of your love", he thinks that love becomes stronger in separation.

Pragmatic-communicative analysis

In order to analyse Shakespeare sonnets in pragma-communicative terms, the sonnets can be divided into three groups. In the majority of sonnets included in the first group, nearly 20 sonnets are about this theme. In here, the hero addresses his lover on his own behalf and the first and second person pronouns are used in the speeches of both of them.

O, how thy worth with manners may I sing,

When thou art all the better part of me?

What can mine own praise to mine own self bring?

And what is 't but mine own when I praise thee? [6, P. 26].

There are four sonnets in the second group. These sonnets can be related both to the broadest auditorium, and to the heart of only one lady.

Let me not to the marriage of true minds

Admit impediments. Love is not love

Which alters when it alteration finds,

Or bends with the remover to remove [4, P. 64].

In the third group of sonnets addressing "love", each of the three sonnets, "love" may be used as noun and as a pronoun especially in the second group.

Sweet love, renew thy force; be it not said
Thy edge should blunter be than appetite
[11, P. 35].

But in each reviewed sonnet, the hero acts as a first group person pronoun. The predicate stating the meaning of “love” for sonnets strengthen the meaning. The main sign for realization of sonnet is availability of dynamics based on analysis. Dynamics may be carried out in sonnets in the grammatical, lexical-semantic, syntactic and cognitive-semantic level. The distances are not an obstacle between the lovers and it took a wider range in this theme.

Mine own true love that doth my rest defeat,
To play the watchman ever for thy sake:
For thee watch I whilst thou dost wake elsewhere,
From me far off, with others all too near [6, P. 37].

And thus, it is obvious that, the mutual relations between lovers are not so significant in texts, and they are dynamic developments arising during major events. Consequently, it has a great role in the development of stable feelings.

The hero is described as a viewer of the events and discusses the relations with the lover. These two sentences containing the Sonnet describe expressiveness of speech. The last two expressions forming the end of the sonnet were mostly praised with emotional phrases. These phrases praise expressiveness.

And that thou teachest how to make one twain,
By praising him here who doth hence remain!
[5, P. 26].

Conclusion

This article highlights the formation and development of sonnets in linguistics, lingvo-pragmatic features of “love” concept in Shakespeare’s sonnets. From studying sonnets, it can be noted that love and friendship are the main issues. Investigations show that, however, Shakespeare’s sonnets have been investigated from lingvo-pragmatic point of view, it is still the area waiting for its complete research.

The love of Shakespeare is a way leading to happiness and harmony of the life, sample of real life. Because, the human legacy continues and beauty is repeated from love. While paying attention to the whole poetic creativity of Shakespeare, we can see that, he really do not try to be formal. Their aim is not an image, but the manifestation of thoughts and feelings in different forms of reality.

Shakespeare’s sonnets are completely deprived of explanatory motives. Shakespeare, a unique innovator poet, did not hesitate to violate the tradition of writing traditional beauty metaphors as in poetic creativity, stimulated the time, he stated that, human is the most necessary and beautiful character created by nature, but is also fatal, the creativity is immortal.

References:

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. – Т. 2. – М.: Школа «Языки русской культуры», – 2005. – 766 с.
2. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях Текст / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.
3. Fillmore Ch. J., Kay P. Construction grammar course book. Berkeley: Univ. of California, – 1992.
4. Lakoff G. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive linguistics, 1, – 1990, – P. 39–74.
5. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: Univ. of Chicago, – 1987.
6. Langacker R. Active zones // Proceedings of the 10-th annual meeting of the BLS. – 1984.
7. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. – Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: SUP, – 1987.
8. Langacker R. The limits of continuity: discreteness in cognitive semantics // Fuchs C. Victorri B. (eds), Continuity in linguistic semantics. Amsterdam: Benjamins, – 1994, – P. 9–20.

9. Məmmədov A., Məmmədov M. Diskurs təhlilinin koqnitiv perspektivləri, Çəşioğlu nəşr., Bakı, – 2010, – 270 p.
10. Talmy L. How language structures space // Pick H., Acredolo L. (eds.). Spacial orientation: theory, research, and application. N. Y.: Plenum, – 1983, – P. 225–282.
11. Vandeloise C. Length, width and potential passing // Rudzka-Ostyn (ed.). – 1988, – P. 647–677.
12. Verdiyev Z., Ağayev F., Adilov M., Dilçilik problemləri, Bakı, Maarif, – 1982., – 478 p.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-18-21>

*Gerasymiv Liliya Yaroslavivna,
Post-Graduate Student, English Philology Department
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
E-mail: gerasymiv91@ukr.net*

THEORETICAL BACKGROUND OF STUDYING ACCUSATION AND EXCUSE IN A DIALOGIC UNITY

Abstract: The article analyses the theoretical background of studying accusation and excuse in their dialogical unity. The research is conducted in the communicative and pragmatic frameworks, highlighting the speech act discourse perspective in the English-language children's literature. In the dialogic unity accusation and excuse are treated as interconnected by the utterances of the "stimulus-response" type and the excuse is illocutively prompted by the accusation.

Keywords: accusation, excuse, dialogical unity, pragmatic, communicative situation, speech acts.

The issue of dialogic speech has been studied by many researchers, including M. M. Bakhtin, L. S. Vygotsky, T. G. Vinokur, O. A. Romanov, T. N. Kolkoltsev, M. L. Makarov, I. P. Susov, N. D. Arutyunova, S. O. Sukhyi, A. M. Baranov, G. Ye. Kreydlin.

In the communicative aspect that is crucial in our study, the dialogic interaction of the sender and the addressee has been highlighted. The dialogue in this context is defined by the following parameters: directness/indirectness, discreteness in time and space, complicated coding, thesauruses incoherence, correlation of motives, intentions and interpretants, the degree of the correctness of the strategic program, etc. [5, 138]. Thus, **the Aim** of the article lies in the analysis of the accusation and excuse in a dialogical unity. Following this aim, the research will present a theoretical background of the problem and reinforce the theoretical conclusions with the analysis of the empirical data, i. e. the dialogues from the English fiction books targeting at junior audience.

The dialogue consists of utterances that are units of communication with a relative semantic and formal grammatical perfection. The utterances can contain one or several communicative moves [6, 161–180]. Being united, the utterances form a dialogic unity, in which the first one is an initiating utterance,

and the second one — a reaction-utterance. The utterances are united by means of intentional connection of the "stimulus-reaction" type.

N. D. Arutyunova says that second utterances are very significant not only as a fact of communication; they have several important consequences for the development of the logical and grammatical categories of language, as well as for the formation of the rhetorical figures of poetic speech [1, 176].

In the second utterance the response tactics are implemented, which connects the speech reactions of dialogical communicants into one whole, when "I" (the sender) creates "Another" (the recipient). The communicative skills of the recipient are influenced by the addressee, they are developing and improving, so the first and second utterances are essential and equivalent elements of the dialogic unity: "At the psychological level the dialogue utterances are easily observed and oriented at each other. They correlate as stimulus and response" [4, 305].

The phenomenon of the second utterance lies in the fact that it correlates not with the reality, but with the judgments of the reality. However, in order to verify this statement one should be aware of the state of affairs in the world, which is analyzed in the initiating utterance.

Within this classification the utterances of accusations and excuse are realized in the dialogue that aims at establishing or regulating interpersonal relations (interpersonal-relations discourse): on its basis “judicial” propositional settings, such as accusation and excuse are formed [2, 664]. So it is implied that the prerequisites of accusation and excuse are not only dialogically caused, but they are also interrelated utterances of the “stimulus-response” type.

Accusation and excuse belong to the patterns of social interaction of speech, which are based on the principles of social norms of verbal interaction and are one of six ways of responding in the dialogue — negotiation partners’ anticipations.

If we consider accusation as the first utterance in the dialogue, it is a completely independent speech act, i. e. the sender does not need an additional motivation to implement accusation. Accusation may illocutively stimulate a number of reactions, such as excuse, neglect of accusation, protest, objections, counter-accusation etc., which are respectively illocutively dependent.

The structure of the dialogue is built through the relations of illocutive impulses, which, however, are formed not only by the illocutive function of the expression, but also the general rules of speech acts functioning (principles of cooperation and Maxims of P. Grice, and principle of courtesy of J. Leach) [3, 87]. This means that certain types of reactions according to the laws of normal cooperative communication are followed by predicted responses expected by the interlocutor in a particular situation of communication.

At the pragmatic level, the analysis is directed toward reconstructing the complex speech act performed in advancing the argumentation, while at the logical level, the reasoning underlying the argumentation is reconstructed. In practice the logical analysis is instrumental for the pragmatic analysis.

Other cases where charges are illocutively dependent utterances or where excuse is not evoked by accusation illocutively have not been analyzed in the

research, although we came across the examples in the English-language children’s literature with the excuse functioning as a dependent speech act that is evoked not by accusation, but is a “self-evoked” utterance:

“Matilda!” She barked. “Stand up!” “Who, me?” Matilda said. “What have I done?” “Stand up, you disgusting little cockroach!” “I have not done anything, Miss Trunchbull, honestly I have not. I’ve never seen that slimy thing before!” (Dahl R. Matilda/R. Dahl. – Puffin, 1996. – P. 155.).

The utterance “*What have I done?*” urged the excuse “*I have not done anything, Miss Trunchbull, honestly I have not. I’ve never seen that slimy thing before!*”, taken by the same interlocutor and therefore are in self-evoking relations.

The compulsory measure of the second language expression of the pair members, which are evoked by the relations of forcing or self-forcing, can be strong or weak. Pairs like “question — answer”, “request-agreement — disagreement”, “accusation — excuse” are illocutively linked much more strongly than the “promise — promise to the notice of acceptance”. In this connection, in the pragmatically correct dialogue the dialogical unity of accusation/excuse will be expressed verbally, on the contrast to couples with a weak binding measure of the linguistic expression.

The following reaction-utterance and stimulus-utterance issues of connectivity are determined: 1) utterances coordination by their illocutive function; 2) relation of the utterance with the success of the previous speech acts; 3) orientation of the utterance to the presumption of the previous statements; 4) connection of the utterances based on the reference to the discourse implicatures.

If the utterances are interrelated by the conditions of the speech acts stimulus-response success, the reaction of the speaker is a denial or a doubt concerning this condition. Coherence of the utterances of the dialogical unity of accusation/excuse cannot be based on this type of pragmatic communication,

as in this case in response to accusation objecting of the accusation could be realized.

In terms of truth “M believes that P”, where P is a judgment, M is a speaker, the second proposition of the success of the statement — “M has a reason to believe that P”. When the listener questioned the truth of the statement of the speaker, then there are utterances linking through addressing to the conditions of success:

*“No wonder my breakfast toast was all nibbled round the edges this morning,” my grandmother went on relentlessly. “No wonder it had a nasty ratty taste. If you’re not careful, the Health people will be ordering the entire hotel to be closed before everyone gets typhoid fever.” “You are not being serious, madam,” Mr Stringer said. (Dahl R. *The Witches*/R. Dahl. – Penguin Books Ltd., 2016. – P. 22.).*

The sender accuses the recipient that he, being the hotel manager, is responsible for the fact that the hotel has rats. In response to this, the recipient calls into question the conditions of success of the speech act statement specifying that the sender does not treat seriously his words, that violates the terms of sincerity (“*You are not being serious, madam*”).

The connection of the reaction-utterance with the presumption of the previous statement suggests disagreement of the speaker with the position of the addressee. If the sender realizes charges based on such a connection, the corresponding stimulus-response may be misunderstanding or unwillingness of the recipient to identify the referent or disagreement with a particular characteristic of this reviewer, but not the excuse process:

*“Get those birds off my car!” Mr Hazell bellowed. “Cannot you see they’re ruining the paintwork, you madman!” “Paintwork?” Sergeant Samways said. “What paintwork?” He had stopped chasing the pheasants now and he stood there looking at Mr Hazell and shaking his head sadly from side to side. (Dahl R. *Danny the Champion of the World*/R. Dahl. – Witney: Scholastic. – P. 105.).*

The sender accuses the recipient of spoiling the paint of the car, with “There is paint on the car” being

a presumption. A recipient cannot (doesn’t want to) identify the referent in the utterance: “*Paintwork?*” *Said Sergeant Samways. “What paintwork?”*

Regarding the first and fourth types of the pragmatic connection of the dialogue utterances one could argue that such a relation can connect stimulus-utterance and utterance-reaction in the dialogic unity of accusation/excuse.

Matching utterances by the illocutive function is a “connection between speech acts, which include correlative utterances, i. e. natural connections, where the question must follow an answer” [4, 306]. O. V. Paducheva calls the illocutive function “the expression of communicative intention of the speaker”, and the researcher cites the examples of “question — answer”, “statement — confirmation/disagreement”, “motivation — the consent/refusal”.

Accusation and excuse are connected by the pragmatic connection of this type because the illocutive function of the speaker is to express dissatisfaction with the situation and to inform the listener about his responsibility for the situation. The listener in his turn has to admit his guilt and focus on improving the situation:

*“Please,” said the Roly-Poly Bird. “I have asked you before not to mention that subject. How would you like it if it was Monkey Pie they made every Wednesday and all your friends had been boiled up and I went on talking about it?” “I do beg your pardon,” said Muggle-Wump. “I’m so excited I hardly know what I’m saying. (Dahl R. *The Twits* / R. Dahl. – Puffin Books, 2017. – P. 34.).*

The sender is displeased with the recipient’s reference to the subject, unpleasant for him, but the latter has fully admitted his guilt, apologizing and explaining the reason of his behavior. The illocutive functions of the speakers are agreed by means of the pragmatic connection.

The connection of the utterances on the basis of addressing implicatures occurs when the interlocutor expresses his accusation not directly, but by means of the discourse implicatures (according to P. Grice).

The research allows to arrive at the following **conclusions**: in the dialogic unity accusation and excuse are interconnected by the utterances of the “stimulus-response” type and the excuse is illocutively prompted by the accusation. Accordingly, the accusation is an illocutively independent utterance and excuse — an il-

locutively dependent one. In a pragmatically correct dialogue the dialogical unity of accusation/excuse has a strong compulsory measure of linguistic expression. The accusation and excuse can be combined by means of the illocutive function and based on the reference to the discourse implicature.

References:

1. Арутюнова Н. Д. Феномен второй реплики или о пользе спора / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, – 1990. – С. 175–189.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, – 1999. – 896 с.
3. Баранов А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.
4. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Е. В. Падучева // Известия АН СССР. – Сер. лит. и языка. – М.: Наука, – 1982. – С. 305–313.
5. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля – К, – 2010. – 844 с.
6. Duncan S. On the Structure of Speaker – Auditor Interaction During Speaking Turns / S. Duncan // Language in Society. – 1974. – Vol. 3. – No. 2. – P. 161–180.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-22-25>

*Guluzadeh Nisa Fikret qizi,
Azerbaijan University of Tourism and Management
E-mail: matlabm@yandex.ru*

INTERRELATION OF IDEOLOGY AND DISCOURSE

Abstract: This article deals with the interrelation of ideology and discourse. Analyzing the interrelation of ideology and discourse, it becomes obvious that the relation is difficult and indirect. Discourse depends on ideological context, but does not always ideologically clear and discourse analysis does not always allow the interfering of ideological beliefs of people. Ideology, in return, not only expressed by discourse, but also reproduced by social practices.

Keywords: ideology, discourse, social beliefs, ideological discourse.

*Гулузаде Нуса Фикрет кызы,
Азербайджанский Университет Туризма и Менеджмента
E-mail: matlabm@yandex.ru*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕОЛОГИИ И ДИСКУРСА

Аннотация: Данная статья рассматривает взаимосвязь идеологии и дискурса. Рассматривая социально разделяемую репрезентацию групп, идеология определяется как формирование групп, их отношений и убеждений, который контролируется предвзятым мышлением индивида, что объясняет результат идеологического дискурса. Идеология образуется группами и принимается ее членами. Идеология не только выражается дискурсом и не подавляется им, но также выражается и принимается социальной практикой. При сопоставлении идеологии и дискурса, они приобретают структуру похожая на поляризацию между позитивным и негативным.

Ключевые слова: идеология, дискурс, социальное убеждение, идеологический дискурс.

С тех пор как люди начали выражать свою идеологию в основном через письмо и общение, дискурсивное исследование стало актуальным. С точки зрения теоритической структуры дискурсивно-идеологическая связь – это связь между дискурсом, сознанием и обществом. Но для понятия связи между идеологией и дискурсом необходимо суммировать теоритическую структуру, в которой это связь ясно видна.

Идеологию можно рассматривать как «идею», которая может являться системой убеждений и мнений. Ей необходимы когнитивные компоненты, которые могут определяться как понятие «убеждений» или «система убеждений» [5, 116]. Это система убеждений социально – разделяема

членами коллектива, хотя возможно что не всем она необходима. Идеология не может быть личным убеждением одного индивида, она не обязана быть «негативным» или в ней не обязано присутствие доминант. В разговорной речи «идеология» имеет отрицательный характер и в определенной степени ассоциируется с политикой. В научном контексте «идеологии» часто дается нейтральная характеристика как социально-культурной системой ценностей и поверий. Идеология это путь мышления, которая специфична определенной группе, коллективу и культуре.

Идеология является главным аспектом организации социального восприятия между членами социальных групп, организациями и т. д. Идеология

является как когнитивной, так и социальной категорией. Когнитивная репрезентация передается посредством дискурса и действия, социальная же в свою очередь указывает на социальный статус, а также интересы различных социальных групп. Эта концепция идеологии позволяет нам создать связь между макро-уровневым анализом групп, их социальной структурой и социальным формированием, и микро-уровневое исследование индивидуального взаимодействия дискурса.

Идеология более фундаментальное понятие, чем социально культурное знание или социальное отношение, так как она контролирует и организует социально разделяемые убеждения. Во-первых, они подготавливают почву для членов групп социально-разделяемой репрезентации. Во-вторых, они являются конечной основой дискурса и практики членов социальных групп. В-третьих они дают возможность членам групп организовать и управлять действиями в пределах интереса групп. Также, с одной стороны они действуют как часть социально-когнитивной и общественной структуры, а с другой стороны как часть дискурса и социального опыта. Например, феминистическая идеология может контролировать гендерное неравенство в обществе, социальная идеология может сыграть важную роль в общественных делах, и т. д., в рамках культурных ценностях общества (свободы, равенство, справедливости, т. д.) [5, 117].

Идеология — это социально – разделяемая репрезентация, которая имеет особую социальную функцию для групп. Одним из главных социальных практиков поддающихся влиянию идеологии являются язык и дискурс. Впервые понятие «дискурс» было введено М. Foucault, который дал следующее определение: «дискурсы являются практиками, которые систематически обрабатывают те объекты, которые они изображают» [3, 21]. Дискурс и язык, в свою очередь, играют особую роль в воспроизведении идеологии. Они, в свою очередь влияют на то, как мы понимаем, изучаем и изменяем

идеологию. Когда мы говорим как члены группы, то наш дискурс выражает идеологически основанные мнения. Мы все больше узнаем про наши идеологические мнения, читая и слушая членов других групп; изучая школьные книги, рассказы, газеты; при общении с друзьями и коллегами.

В дискурсе необходимо давать возможность действующим лицам для формирования общего мнения, основывающихся на наблюдениях и опытах. Он способен описать прошлые и будущие события, он может описать специфичность и всеобщность действия и убеждений в любом уровне. Идеологическая социализация проходит через дискурс. Дискурсивно объясняя и защищая приемлемость своей идеологии, одни группы вступают в интерактивное противостояние с другими членами групп или коллектива. Если выразить другими словами, дискурс способствует прямому и явному выражению идеологии [1, 115].

Идеология может быть приобретена групповой социализацией во многих социальных практиках, например, дома, в школе, на работе и т. д. Ребенок, подрастая и получая образование в соответствующих социальных группах, членами которого они являются, постепенно изучает основные элементы идеологии гендера, класса, религии и т. д. Каждая из этих групп более или менее подробная, пути обучения идеологии новым членам более или менее формализована и институционализирована разными формами дискурса, например, собрания, учеба в школе, книги и т. д.

В то время как в некоторых жанрах дискурса могут быть более или менее косвенно применены идеологии, дидактический идеологический дискурс является более явным, а именно, формулируя общее содержание идеологической схемы группы: кто мы, откуда мы, кто может быть членом нашей группы; что мы делаем и чего придерживаемся; что является нашей нормой и нашими ценностями; кто наши друзья и враги, какова наша сила, т. д. В нем приводятся причины и аргументы с точки зрения общих норм и ценностей, а также ввиду

интереса групп и членов этих групп [10, 133]. Итак, мы можем предположить, что идеологический дискурс может семантически ориентировываться на следующие темы, значения и подтексты:

1) самоутвержденное описание: оно типично для тех групп, чья идентичность это угроза, небезопасность или подавление, например, женщин, меньшинств, иммигрантов, т. д.;

2) описание деятельности: оно типично для групп, которые определяются тем, чем они занимаются, например, разные профессии (журналист);

3) нормативно-ценностное описание: главным в идеологическом дискурсе, являются значения, которые включают нормы и ценности, то есть что для нас является правильным и неправильным, хороши и плохим, верным и неверным;

4) описание позиции и отношения: то есть определение своей идентичности, деятельности и цели по отношению к другим группам;

5) описание источника: группы могут существовать, только тогда, когда они имеют доступ к общим и особым ресурсам. Идеологический дискурс будет больше фокусироваться на ресурсах, которые находятся под угрозой или имеют ограниченный доступ, а также могут привести к внутренне – групповому конфликту. Некоторые социальные группы, в первую очередь, определяют свои возможности и невозможности доступа к ресурсам [10, 147].

Итак, идеологический дискурс постепенно развивает общую идеологическую структуру групп. Это медленный процесс. Маленький ребенок имеет еще простое идеологическое понятие. Большинство идеологий выбираются и обучаются более подробно с подросткового возраста — когда они учащиеся и должен придать широкий смысл своим действиям и целям, а также миру, в котором они живут. Идеологический дискурсивный анализ не только раскрывает корень идеологии, но также систематически связывает структуру дискурса со структурой идеологии.

Необязательно быть дискурсивным аналитиком, чтобы понять является ли определенная информация «консервативным» или «общепринятым». Наши знания языка, дискурса, общества и идеологии позволяют нам сделать надежные выборы. Необходима более аналитически-ясное изучение дискурса. Более аналитически-ясное изучение дискурса, позволяет определить какие предположения дают развитие и выявления определенным выражениям и значениям дискурса. Некоторые дискурсивные структуры прямолинейны. С тех пор, как идеология является основой нашего социального заключения и идеологически контролируемые предложения часто являются утверждениями и выражениями такого мнения, как например «чужие», часто будут указывать на имеющиеся идеологические препятствия. Относительно идеологии, дискурсивная структура, с одной стороны всегда имеют двоичную функцию «принятия» и «исполнения», а с другой стороны более или менее влиятельное убеждение [9, 143].

Это не место для детализации процесса идеологического обучения, но если мы предположим, что такое приобретение будет происходить с помощью дискурса, то мы можем предположить, что это происходит после обратного процесса производства идеологического дискурса. Текст, а также как контекст повторной коммуникации одного и того же типа могут привести к обобщению и абстрагированию ментальных моделей к более общим групповым отношениям. Некоторые отношения в одной области могут быть подкреплены общими идеологическими положениями.

Итак, идеологии могут быть изучены путем обобщения ментальной модели (опыт, определенный случай) или идеологов различных типов (учителя, лидеры и т. д.). Некоторые идеологии стараются быть изучены более широко, такие как научная методология, религия и политическая идеология. Другие более скрыты и интегрированы в повседневную практику, таких как гендерные,

расавый и классовые идеологии. Они стараются стать явными в случаях конфликта, борьбы и сопротивления. Это будет одна из главных задач идеологического дискурсивного анализа, чтобы систематически исследовать структуру и стратегии этих различных типов идеологического дискурса и их роль в приобретении воспроизведении идеологий членами групп и группами в целом.

Идеологию можно определить как фундаментальное убеждение, которая лежит под социальной репрезентацией социальных групп. Эти репрезентации, в свою очередь, основываются на дискурсе и социальный опыт. Также предполагается, что идеология в основном определяется дискурсом, путем письменного и устного взаимодействия. С точки зрения идеологического дискурса, действия представителей групп должны быть объяснены, мотивированы и узаконены членами этих групп.

Рассматривая взаимосвязь дискурса и идеологии, становится ясно что связь между ними сложна и неопределенна. Дискурс в определенной степени зависит от идеологического контекста, но не всегда идеологически ясна и дискурсивный анализ не всегда допускает вмешательство в идеологические убеждения людей [4, 320]. Другими словами, концепт идеологии недетерминированный, члены групп не всегда обязаны действовать как все члены коллектива, так как идеологический дискурс контекстуально — изменяем. Не все дискурсивные структуры идеологически контролируемы и не только дискурсивные структуры имеют идеологическую функцию. Идеология выражается не только дискурсом, но также выражается и воспроизводится другими социальными практиками. Когда идеология и дискурс сопоставляются, то они приобретают структуру похожая на поляризация между позитивным и негативным.

Список литературы:

1. Apple M. W. Ideology and curriculum. – New York: RoutledgeFalmer. – 2004. – P. 226.
2. Gee J. P. Social linguistics and literacies. Ideology in discourse. London Bristol, PA; Taylor and Francis – 1996. – P. 281.
3. Blommaert J., Discourse. Cambridge: Cambridge University Press – 2005.
4. Michel Foucault The archaeology of knowledge and discourse on language Pantheon Books, – New York – 1972. – P. 246.
5. Larraín J. The concept of ideology. – London: Hutchinson., – 1979. – P. 256.
6. Lazar M. M. (Ed.). Feminist critical discourse analysis. Gender, power and ideology in discourse. Houndmills, Basingstoke, Hampshire New York: Palgrave Macmillan. – 2005. – P. 260.
7. Pütz M., Neff-van Aertselaer, & Van Dijk T. A. (Eds.). Communicating ideologies. Multidisciplinary Perspectives on Language, Discourse and Social Practice. Frankfurt: Lang., – 2004. – P. 259.
8. Teun A. Van Dijk. Discourse studies. A multidisciplinary introduction. London: Sage Volume 2: Discourse as Social Interaction, – 1997. – P. 432.
9. Teun A. Van Dijk. Ideology. A multidisciplinary introduction. – London: Sage, – 1998. – P. 390.
10. Teun A. Van Dijk. Discourse and ideology. A multidisciplinary introduction. Pampeu Fabra University, – Barcelona, – 2003. – P. 118.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-26-28>

Babanli Ilhama Muheammad,
 Baku State University
 E-mail: matlabm@yandex.ru

DERIVATIVE VERBS WITH LEXICAL MORPHEM – LA IN “THE BOOK OF DEDE KORKUT”

Abstract: The article is devoted to some questions of derivatives of verbs with lexical morphemes “la” used in the “Book of Dede Korkut”. It is noted that morphological word formation is the most productive method in the word-building process of the Turkic languages.

Keywords: verb, derivative verbs, Turkic languages, word formation.

Derivative verbs form the general part of the words expressing action that have been used in “The Book of Dede Korkut” sagas. As we know, morphological word-building is the most productive method in the word-building process of Turkish languages. The derivative words in the saga have also been created this way. Derivative verbs are created by the use of verb-building suffixes. In general, derivative verbs in Turkish languages including Azerbaijani language are created two ways: by adding verb-building suffixes to the nouns and by adding verb-building lexical suffixes to the verbs. For example, the verbs “*dinləmək* (to listen), *eşitmək* (to hear)” used in the saga are considered simple verbs today. But some researchers claim the verbs *dinləmək* (to listen) and *eşitmək* (to hear) to be historically derivative. According to M. Mirzaliyeva, “*de*” is historically the base form of the verb *dinləmək*. To this verb has been added reflexive suffix – *in* and the base form has been semantically changed [1, 180]. And E. Alekberova states, the expression “*din*” meaning “*səs-küy*” (noise) has been used in “The Book of Dede Korkut”. In Turkmen language, *din salmaq* means “*qulaq asmaq*” (to listen) [2, 56].

A. Damirchizade, one of the first researchers of “The Book of Dede Korkut” sagas in Azerbaijan, notes that there have been used 68 word-building suffixes in “The Book of Dede Korkut”. The researcher has presented the suffixes in general here without separating the verb-building suffixes [3, 56].

And these very characteristics make “The Book of Dede Korkut” stand out from the other monuments. For example, the verbs *yüklət* (to load), *qonaqlamaq* (to host, to have guests over), *quşlamaq* (to hunt birds), *yaş yaşlamaq* (to grow up), *boy boylamaq* (to grow tall), *casuslamaq* (to spy), *donatmaq* (to decorate) are lexical units that belong to the saga.

The derivative verbs that we come across most in “The Book of Dede Korkut” are the ones that are used with suffixes – *la* // – *lə*, – *lan* // – *lən*, – *laş* // – *laş*, – *at* // – *ət*, – *al* // – *əl*, – *ar* // – *ər* [4, 77]. In the same titled book of H. Mirzazade, the suffixes have been mentioned but there’s not an extensive information about them. Only in the books of XIII–XVI centuries, the verb-building suffixes – *la* // *lə*, – *ıq*, – *k*, – *uq*, – *ük* – are mentioned.

In the derivative verbs in “The Book of Dede Korkut”, especially the ones that are used as doubles such as *av avlamaq* (to hunt), *boy boylamaq* (to grow tall), *quş quşlamaq* (to hunt birds), *yaş yaşlamaq* (to grow up), the expression style of folk language is very strong.

As we already know, the verb-building suffixes are divided into two groups which are productive and non-productive. In fact, the suffixes that are considered non-productive, “... the history of weakening of their word-verb-building ability has started few centuries ago” [5, 68].

V. Aslanov has presented the morphological indicators such as – *la*, – *lan*, – *laş*, – *lat* as historically productive verb-building suffixes [6, 110]. In both

modern Azerbaijani language and “The Book of Dede Korkut”, one of the most productive lexical suffixes that has been used in the new verb-building process is the word-building morphem –la². As it is impossible to analyze and research all the verb-building morphological indicators within an article, we considered to present the research we did on the verb-building suffix from only one noun. This verb-building suffix from noun has been productive in all the periods of our language. This suffix is also widely used in Gokturk language. In the language of The Orkhon inscriptions, this suffix forms new verbs by being added to suffix nouns and imitative words. By the use of this suffix, there have been formed 35 verbs in Gokturk language. E. g. *sü* (army) – *sülə* (take army), *kılıç* (sword) — *kılıçlamak* (To cut with sword), *yağı-yağıla* (to be enemies), “Yabaş Tokuş beltirində yayladım” (I spent the summer by the river Yabash Tokush) [7, 237]. Turkish linguist Mustafa Oner states that this suffix is widely spread in the ancient turkish. E. g. *igle*, *bağışla* (*forgive*), *oğurla* (*rob*) [8, 53].

The verbs that are formed by this word-building suffix outnumber the other verbs. Here are some of them: –la // –lə: **casuslamaq (to spy)** – *Bunları kafərin casusu casusladı* (*The spy of giaour spied these*) [9, 196]; **xələtləmək** – to gift; to spend – (*Altun-altun ağcan xərcəylir olsam, mənim kafənim olsun*) (*If I’m spending loads of gold, let it be my shroud*) [9, 184]; **quşla, ovla, izlə, diünlə. Avlamaq**-to hunt. **Qarmalamaq**- to grab. *Kafər təkür onu qarmalayıb zərb etdi. Qazlıq qocayı qarmalayıb, tutub qələyə qoydular* [9, 36]. This word is also known as “qarmaqlamaq” in the dialects of azerbaijani language. We think, it is derivative. The base form is **qarma ~qarmaq** and –la is lexical suffix. As **Qarma** means “plunder”, the verb **Qarmala** is explained as “to plunder” in “The Ancient Turkish Dictionary” [10, 428]. **Yağmalamaq** – to rob, plunder. E. g., *Yatur ikən gəfillə beş yüz kafər qoyuldular, çapdılar. Yağmaladılar. Altun axçasın yağmalamışuz* [9, 99]. This word is only used in the Quba dialect of Azerbaijani language. F. Ahmedov writes that the word **yağma** has been randomly used

since the language of artists of XVIII centuries in Azerbaijan [11, 90]. According to E. Alekberova, the word **yağmala** origins from the word **yağma (plunder)** formed by the base form **yığ (to gather)**. The derivative words “xələtləmək, yağmalamaq” used in Azerbaijani dialects are also used in “The Book of Dede Korkut” [2, 56]. **Paralamaq, paralanmaq (to be divided into two parts)** – S. Aliyeva talks about these verbs under the name adopted verbs in “The Book of Dede Korkut” [12, 121]. *Varayın anı anası yanından alayın, qılıcla paralayayın. Altı bölük edəyin, altı yolun ayırında bırağayın* [12, 72]; *Ox keçmedi paralandı* [12, 30]; *Ol dəxi paralandı. Bir parəsi Dəpəgözün öginə düşdi* [12, 30]; *Gərdək paralanmış naib şəhid olmuş* [12,57]. The verb **paralanmaq**in Persian language means: 1. Piece, part, portion; 2. Number; 3. Few, little; 4. Divided, division etc. [13. 209]. **Casuslamaq (to spy)** – *Kafirin casusu casusladı, vardı kafirler azgını Şöklü Melik`e haber verdi* [14, 23]. As stated in “The Book of Dede Korkut” encyclopedia, **casuslama** (to spy) is usually referred to the enemy. “*Yarimasun-yarçimasun Evnik qalasının kafirləri bunları casusladı*”; *Məgər başı açuq Tatyən qalasından, Aqsaqa qalasından kafirin casusu vardı. Bunları görüb, təkürə gəldi.*

Bozlamaq. — is known to researchers as “to wail” in “The Book of Dede Korkut”. In the saga, besides “bozlamaq”, there also have been used units based on the same word such as “bozlatmaq”, “bozlaşmaq”, “bozlaşdırmaq”. E. g. *Ağa deyü nə ağlarsan, nə bozlar-san; ... ana deyü bozlatdılar; ... anasılə ağlaşdılar, bozlaşdılar; Qızıl dəvə gördüğündə bozlaşdıran.* A. Tanriverdi writes referring to V. Adilov: “The word “bozlatmaq” in the saga, when referred to a human, means “to wail” (Baba deyü ağlatdılar, “ana” deyü bozlatdılar) and when referred to a camel, means “to make bellow” (Dəvələrım bozlatdılar) [15, 38].

İsmarlamaq — according to A. Tanriverdi, means “to assign” in the saga [15, 56]. *Otuz toquz yoldaşın ismarladı.* The word “ismarlamaq” which is also used in some of our dialects, means “to deliver news” in the western dialect [16, 178].

Sovğulmaq//souğulmaq. The researches of A. Tanriverdi on this verb is very noticable. According to the researcher, the archaic verb *sovğulmaq//souğulmaq* used in different phonetical variants in “the Book of Dede Korkut” means “to increase, to drain, to dissappear”. E. g. *Qanlı-qanlı suların sovğulmuşdu, çağladı, axır; Aqındılı görklü suyun soğulmuşdı, çağladı, axır!* A. Tanriverdi states that in the western dialect this word is covered as the base morphem “so”, not “Sov//sou”. The researcher states this example. E. g. *Suyu soğdum; Mən səni bir el bilerəm, soğulmamış göl bilerəm* [15, 236].

Şorlamaq. E. Azizov states that this word means “to bleed excessively” in “The Book of Dede Korkut”: *Ağzunla yüzindən qan şorladaydım; Qara qanı şorladı*

gözünə endi; Burnından qanı düdük kibi şorladı. While talking about the use of the lexeme *şorlamaq* in the dialect lexicon, the author shows the word *şorlamaq* in Baku dialect as an example. E. g. *Tez ol bir şey götür, bağlayağ, qan gör necə şorliyin* [17, 255].

Of course, it’s not possible to talk about all the verbs formed with morphem – **la**² used in “The Book of Dede Korkut”. We only looked through some of the verbs formed with this suffix. We also find it necessary to give information about the lexical suffix – **la**² used in the derivative words. Besides being a verb-building productive morphological indicator, – **la**² also plays an important role in the forming of the other suffixes. There’s no precise opinion on the origion of this suffix.

References:

1. Mirzaliyeva M. The analysis of the ethimology of some verbs with suffix indicating meaning / The history of the turkish languages-comparative issues. – Vol. I. Baku: Kitab alemi, – 2004.
2. Alekberova E. The great sound of our language, “The Book of Dede Korkut”, Baku: Nurlan, – 2007. – 240 p.
3. Demirchizade A. The history of the literary language of Azerbaijan. – P. 1. Baku: Maarif, – 1979. – 267 p.
4. The historical grammar of azerbaijan language. Baku: Azerbaijan univeristy publishing, – 1990. – 375 p.
5. The history of Azerbaijan literary language, Vol. I. XIII–XVI centuries, Baku: Sherq-Qerb, – 2017. – 480 p.
6. Aslanov V. The researches on the history of azerbaijani language. Vol.II. Baku: Elm, – 2003. – 271 p.
7. Rajabli A. The morphology of Gokturk language. Baku: Baku University Publishing, – 2002. – 471 p.
8. Oner M. Today’s Kypchak Turkish. Ankara. – 1998. – 270 p.
9. The Explanatory Dictionary of The Book of Dede Korkut”. Red. A. Akhundov. Baku: Elm, – 1999. – 204 p.
10. Древнетюркский словарь. Под ред.: Надеяев В. М., Насилов Д. М. Тенишев Э. Р., Щербак А. М Ленинград: Наука, – 1969. – 676 с.
11. Ahmedov F. Vidadi’s role in the development of the XVIII century Azerbaijan literary language. Baku: Nurlan, – 2003. – 116 p.
12. Aliyeva S. The adoptions in the word-building of The Book of Dede Korkut. Elm ve tehsil, – 2014, – 216 p.
13. Arabic and Persian dictionary (for reading Azerbaijan classical literature), 2 volumes, – Vol. II, Baku: Sherq-Qerb, – 2005. – 472 p.
14. The Book of Dede Korkut encyclopedia, Baku: Yeni neshrlər, – 2000. – 622 p.
15. Tanriverdi A. The word world of Dede Korkut. Baku, – 2006. – 454 p.
16. The western dialects of azerbaijani language. Baku, – 1967. – 236 p.
17. Azizov A. The historical dialectology of azerbaijani language. Baku, – 1999. – 354 p.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-29-32>

*Katsion Iryna Oleksandrivna,
Kiev National Linguistic University
postgraduate student, the Faculty of Oriental Studies
E-mail: Katsion@i.ua*

COGNITIVE FEATURES OF CONCEPT LIFE IN TURKISH LINGUISTIC WORLDVIEW

Abstract: The article is devoted to the problem of the concept LIFE reconstruction as a part of the Turkish linguistic worldview. Its main cognitive features and their hierarchy are defined basing on semantically interpreted items collected from the Turkish lexicographical sources.

Keywords: concept, linguistic worldview, conceptual analysis, nominative field, cognitive features.

Modern linguistic researches focus on the mental sphere reconstructions of the different cultural community representatives. Detecting of such common categories is impossible without investigating the national linguistic worldview. A linguistic worldview is determined as the way of reality presentation in the framework of human's consciousness. It deals with the perception of this reality via the linguistic and national peculiarities of some language community and the outward things interpretation according to the national structural and conceptual rules [7, 156]. On the one hand, the way of reality conceptualization inherent in language is common and on the other — it is nationally specific one. As to the viewpoints of Y. Apresyan, "native speakers perceive the world via their own languages" [1, 39]. Thus, the linguistic worldview objectifies the way of national world perception via the language forms.

The concept analysis is one of the ways of the linguistic worldview items reconstruction. "Concept is a term that connects lexicographical and encyclopedic information, the narrowest and the widest word meaning, knowledge about the world and the subject that cognizes it" [3, 10]. It means that concept is a unit of the structured knowledge. The relationship between linguistic and conceptual worldviews is based on their inner structures similarities. The conceptual worldview can be organized as an ideal

cognitive models net while the linguistic one has the shape of thesaurus some parts of which are similar to semantic, associative and topical fields [5, 45].

Lexical, phraseological and paremian items or discourse are the conceptual verbalization ways at the language level. Therefore the conceptual analysis deals with the capturing and interpretation of these items' meanings. The aim of this analysis is the concept modeling and finding relationships with the other concepts. It is available not only by the description of every separate word's meaning, but taking into consideration the whole conceptual field and the relationships between its parts [2, 184].

The current research aim is devoted to defining the cognitive features of the concept LIFE in the Turkish worldview based on semantically interpreted items collected from the Turkish lexicographical sources by using the continuous sampling method. The object of study is the language units used for presenting the concept LIFE in the Turkish worldview. The scope of study is an ability of the collected units to verbalize the conceptual features of the investigated concept.

Realizing of life is an important part of the human's worldview. Life realizing phenomenon is connected to such global categories as time, space, motion, emotions etc. Like other abstractive global phenomena life has the cognitive nature displaying

all the relations and regularities that exist in the personal world and consciousness. The concept LIFE is a part of common humankind categories because of its representation in all the world cultures and languages. But the analysis of its parts in the certain language gives an opportunities to see the concept structuring principles, describe its inner meaning, define the verbalization level and to investigate the diversity of the concept presentation ways. Moreover it helps to outline the national linguistic expression features and shows the frequency and regularity of its using.

The main stages of the concept investigation are the forming of its nominative field, analysis and the semantical description of this field's items, the cognitive interpretation of the semantical description results and the cognitive features defining that presents the concept as a mental item. The concept nominative field is determined as the language units set that shows the complex nature of concept taking into consideration its ability to verbalization by the different language unit levels such as lexical and phraseological units, structural and positional sentence schemes, texts and text groups. Key word and its synonyms are the part of the nominative field. The thesaurus, synonym, explanatory, etymological and phraseological dictionaries are the background for the nominative field constructing. The semantical analysis of the glossary definitions is an important stage for the concept structure modeling because the lexical system represented in vocabularies shows the special features of the worldview.

The language units can be cognitively interpreted by gathering the similar meanings to the common one. The frequency of meanings represented in the collected language material is defined in this process. The most frequent meanings and the units number of one feature comparing to their general number are determined.

The cognitive features that are displayed in the shape of affirmations about the concept are formed using the analyzed cognitive interpreted material. If the feature can't be formed in the interpretational

process, it should be deleted from the future analysis due to its disability in the process of supplying the native speaker by the needed information [4, 202].

Despite this, after the analysis of all the language units of concept and its cognitive features forming, it is impossible to have the total concept description, but only its part. It happens because of the next reasons: concept is a mildly structured mental unit and its total language expression is impossible; concept always has its non-verbalized part of sense; concept has its age, gender, professional and individual parts that verbalize the concept not completely and sometimes its difficult to separate them; no researcher can define all the concept sides in the frameworks of community due to paying no attention to them in the investigation process; concept is a dynamic item that depends on the community condition in the concrete time period, thus every investigation is a synchronic description. In any case, modeling of the concept structure is a hypothetic model of this mental item and the investigator creates the concept structure using the indirect features [6, 164–165]. However, the conceptual studies keep being topical and give a scientific opportunity to form partly the concept sphere of any nation via its separated parts.

After the deep semantic analysis of all the collected language units, the hierarchy system of the concept cognitive features can be created. The cognitive feature goes first and after it, the percent of its linguistic units is situated. The language units semantic meanings go last:

Life is the main part of the human's worldview (28%):

Brings happiness (17); can be followed; valuable (15); important (13); can hide something; has important specialties; can be tiring; has no point; absent; can be noted; can be given to a person (4); person can complain on it; needs support (3); can be loved; can be not understood; kind of payment; can be sought; brings good feelings (6); ideology (3); way of self-expression (2); is given not to everyone; gift (3); insufferable; moment; is borrowed from God; activity; way of existence; autobi-

ography; completeness of physical and mental health; its value depends on quality (6); leads to consequences; source of inspiration; person treats life in different ways; can be lost easily; incentive for person; music (3); can give pleasure; illness; everyone feels it; the only one; should be understood; summation of all the done things.

The feature that shows the place of life in the human's worldview is the most frequent one. Such paradoxical life perception is only the one small part of the wide human's world. It can be explained by the Turkish mentality and their firm connection with the religious viewpoints. The Muslims believe that human being is a creation of the God and life is a gift that the human accepts from the God's hands, it should be merited. The confirming of such thoughts can be found in the phraseological and idiomatical dictionaries.

Life is a constant movement (23%):

Flows in different times (5); has different continuance (12); has the point of starting (8); has aim (4); irreversible (2); univocal (2); has its own way (14); can be finished (5); events in a concrete order (4); surrounded by the time frames (4); has an ability to finish unexpectedly (3); fast; connected with time.

The second feature that shows the life as a movement is one of the most common features in different worldviews. The connection between life and time, its flowing, limited borders, finishing etc. This feature can be noticed in the dictionary definitions that explain the life notion.

Life is a complex of dialectical unities (16%):

Illusion (2) – reality; all-round (12) – boring, empty; specific – routine (7); perfect – inert (3); serious – stupid (2); love, family (2), common (3) – private, lonely (4); own – social.

The third feature defines life as a complex of the dialectical units. Native speakers percept life in a contradictory way that can be connected with different subjective factors of each Turkish nation representative.

Life has an influence onto person (13%):

Has a moral part; not always pleasant; gives chance; determines the person's destiny (2); pleasant (2); asks

for efforts (5); gives clauses (2); gives destiny; not fair (2); teaches (10); asks for responsibility; should be merited; demanding; asks for courage; rude; gives choice; makes person appreciate past; gives own clauses; has prerogatives.

The feature that shows the relationship between life and person occupies the next fourth stage. It demonstrates that life can be different and has its positive and negative sides.

Life changes constantly (10%):

Flexible (7); changeable (2); depends on money (5); unpredictable (5); can change; depends on place; depends on person; can be planned (2); can't be understood; changes for good.

The fifth feature shows that life has an unpredictable nature depending on different subjective and objective factors. These feature language units can be met in the phraseological dictionaries, literary and publicistic texts.

Life is a complex of humankind values (7%):

Freedom (2); responsibility; heath (2); heroism; love (3); duty; difficult job; fighting (3); has sense (2); music (3).

Life as a complex of humankind values occupies the second last stage in the hierarchy of the cognitive features. The small amount of units is represented in the framework of this feature, but it has no lack of importance. It represents the relationships between the concept LIFE and the other elements of the Turkish worldview. The current net is unique for the concept system because it shows the Turkish native speakers perception of the investigated concept. The content of this feature can only be partly presented in the concept sphere of other nations. Such feature is met in the literary texts and idioms.

Life is a physiological process (3%):

Condition of body (4); scientific subject (2); has its own stages (4); special form of being.

Life as a physiological process is narrowly represented. Such result can be explained by only the scientific interest toward this feature comparing with the emotional side of life, its deepness and

essence. Moreover, life from this position is strictly determined as opposed to its spacious nature that is shown in the previous features. Such small amount of the semantical characteristics can be met in the topical texts and some of the dictionary definitions.

Conclusion

1. The semantic analysis is an important pre-stage before the cognitive analysis of the language units in the concept LIFE frameworks. The semantic analysis results are used as the basic material for the cognitive features defining in the Turkish worldview.

2. The cognitive interpretation of the language units shows that the role of life for a person is the most frequent feature (28%). The other features are the next ones: *life is a constant movement* (23%), *life is a complex of dialectic unities* (16%), *life has an influence onto person* (13%), *life changes constantly* (10%), *life is a complex of the humankind values* (7%), *life is a physiological process* (3%).

3. The defined cognitive features characterize life as a spacious process and help to build the Cognitive model of the concept LIFE in the Turkish worldview.

References:

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания, – 1995. – № 1, – С. 37–67.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека: [монография] / Н. Д. Арутюнова – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, – 1999. – 896 с.
3. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, – 2004. – 192 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М., – 2004. – 477 с.
5. Остапчук Я. В. Концепт UNDERSTANDING: когнитивные признаки и номинативное поле / Я. В. Остапчук / [Электронный ресурс] – режим доступа до статті: Nvmgu_filol_2014_11(2)_15%20(1).pdf
6. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Попова, Й. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, – 2007. – 315 с.
7. Штерн І. Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики: [енциклопедичний словник] / І. Б. Штерн. – К.: «АртЕк», – 1998. – 336 с.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-33-38>

*Radchenko Marina Vasilievna,
University of Zadar (Croatia),
professor, Department of Croatian and Slavic Studies
E-mail: radcenko@net.hr*

TRANSLATORY FEATURES OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS INTO CROATIAN LANGUAGE (BASED ON B. AKUNIN'S NOVEL "AZAZEL")

Abstract: Article analyses ways of translating phraseological units used in the novel *Azazel* by modern Russian writer Boris Akunin into Croatian language. Phraseological equivalents and analogues, descriptive translation, calquing etc. are described. Some features of translation of phraseological units caused by the close relationship of these two Slavic languages are discussed.

Keywords: phraseological units, translation, Russian language, Croatian language.

*Радченко Марина Васильевна,
Задарский университет (Хорватия),
профессор отделения кроатистики и славистики
E-mail: radcenko@net.hr*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА ХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Б. АКУНИНА «АЗАЗЕЛЬ»)

Аннотация: В статье анализируются способы перевода фразеологических единиц, используемых в романе современного русского писателя Бориса Акунина «Азазель», на хорватский язык. Рассматриваются фразеологические эквиваленты и аналоги, описательный перевод, калькирование и т. д. Выявляются некоторые особенности перевода фразеологических единиц, обусловленные близким родством двух славянских языков.

Ключевые слова: фразеологические обороты, перевод, русский язык, хорватский язык.

Как известно, фразеология является одним из активных эмоционально-экспрессивных средств воздействия на читателя. Передача фразеологизмов представляет значительные трудности при переводе художественных произведений, обусловленные национальным колоритом, образностью и экспрессивностью фразеологических единиц. Каждый переводчик художественного текста сталкивается с проблемой адекватного отражения фразеологизмов и их семантических,

стилистических, экспрессивных особенностей. Проблема перевода фразеологических единиц актуальна и для таких родственных славянских языков, как русский и хорватский. Хотя проблема перевода фразеологизмов привлекает внимание многих исследователей, разработка ее на материале русского и хорватского языков до сих пор ограничивается единичными работами.

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки создания классификаций,

разграничивающих различные виды соотношений фразеологии оригинала и перевода по степени их функционального и семантико-стилистического соответствия. Наиболее убедительной нам представляется классификация, разработанная российскими, чешскими и немецкими исследователями во главе с В.М. Мокиенко. Ученые выделяют пять основных типов межъязыковых фразеологических эквивалентов, которые представляют различные трудности для переводчиков: 1) полные эквиваленты, 2) частичные эквиваленты, 3) относительные эквиваленты, 4) фразеологические аналоги, 5) безэквивалентные фразеологизмы [1, 27–28; 2, 39–43]. Полные эквиваленты полностью совпадают по своей структуре, образной основе, переносному значению и функционально-стилистическому воздействию, ср.: рус. *засучить рукава* и хорв. *zasukati rukave*. Частичные эквиваленты совпадают по своей семантике и внутренней форме, однако отличаются друг от друга по одному из показателей (количество или состав компонентов, иная структура, стилистическая принадлежность или другие отличия, обусловленные системой и грамматическим строем языка перевода), ср.: рус. *как собак нерезаных* и хорв. *kao kusah pasa*. Относительные эквиваленты обнаруживают частичную замену образности, совпадая при этом по семантике, ср.: рус. *как сыр в масле кататься* и хорв. *živjeti kao bubreg u loju*. Фразеологические аналоги совпадают по семантике и стилистической принадлежности, однако имеют разную образность, ср.: рус. *яблоку негде упасть* и хорв. *pun kao šipak <koštica>*. Безэквивалентные фразеологизмы имеют ярко выраженный национальный характер, что вызывает наибольшие затруднения при попытках их перевода на другой язык, ср.: рус. *куда Макара телят не гонял* и хорв. *Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba*.

Материалом исследования для данной статьи явились нормативные фразеологизмы, извлеченные методом сплошной выборки из текста романа Б. Акунина «Азазель» (198 фразеологических единиц), и их хорватские соответствия из текста

перевода, опубликованного в 2004 г. (переводчик Игорь Булян). На основе проведенного анализа выделены основные способы перевода фразеологизмов в романе.

I. Перевод фразеологизмами, совпадающими по своему компонентному составу, семантике, стилистике и функции в тексте

Не вызывает затруднений перевод русских фразеологических единиц, имеющих в хорватском языке полные эквиваленты (59 фразеологизмов в тексте романа). К ним, в первую очередь, относятся общеславянские фразеологизмы, например, разговорный фразеологический оборот *держат язык за зубами* – ‘помалкивать о том, что нужно скрывать, опасаться неосторожных слов, высказываний’ [3] / *držati jezik za zubima*, ср.: *Стряпчему дали по пять тысяч каждый, чтоб держал язык за зубами* [4, 82] и *Činovniku smo dali svaki po pet tisuća da drži jezik za zubima* [5, 56]; разговорный экспрессивный фразеологизм *не поверить своим ушам* – ‘предельно удивляться услышанному’ [6] / *ne povjerovati svojim ušima*, ср.: – *Что?! – не поверил своим ушам* Фандорин [4, 79] и – *Što?! – ne povjeruje svojim ušima* Fandorin [4, 54]; *как на ладони* – ‘о том, что хорошо видно, совершенно ясно’ [7, 372] / *kao na dlanu*, ср.: *Бакалейная лавка «Брыкин и сыновья» выходила стеклянной дверью с изображением сахарной головы прямо на набережную, и мост отсюда был виден как на ладони — это Фандорин отметил сразу* [4, 39] и *Trgovina «Brikin i sinovi» gledala je staklenim vratima s nacrtanom glavom šećera točno na obalu i most se odatle vidio kao na dlanu — Fandorin je to odmah uočio* [5, 28] и др.

Сравнительно легко поддаются переводу интернациональные фразеологические единицы, заимствованные как в русский, так и в хорватский язык, как правило, из одного и того же источника, например: *троянский конь*/trojanski konj (‘коварные дары, приносимые с предательской целью, обманчивая услуга; тайный замысел’) – выражение восходит к одному из эпизодов древнегреческого эпоса о Троянской войне [7, 336], ср.: *Я про леди*

Эстер ничего такого сказать не хочу, она, наверно, и знать ничего не знает, но ее заведение могут использовать как прикрытие, как **троянского коня**, чтоб проникнуть в Россию! [4, 149] и *Ja ne želim ništa takvo reći o lady Astair, ona vjerojatno i nema pojma, ali njenu ustanovu mogu iskoristiti kao zaklon, kao trojanskog konja, kako bi prodrli u Rusiju!* [5, 98]; **О времена, о нравы!** [4, 16] и **О времена, о обычаи!** [5, 12] (с латинского: *O tempora, o mores!*) – восклицание, впервые употребленное римским государственным деятелем, оратором и писателем Цицероном, а в настоящее время используемое в речи как ироническая форма возмущения упадком общественной морали [8]; **потерять нить/izgubiti nit** ('забыть основную мысль разговора, рассуждения') – фразеологическая калька с французского языка [7, 471], ср.: *Vot здесь Елизавета Александровна покраснела, да так мило, что Фандорин на миг потерял нить, хотя сообщение девицы Пфуль, несомненно, имело исключительную важность* [4, 51] и *Tada je Elizaveta Aleksandrovna posrvenjela, ali veoma milo, tako da je Fandorin na čas izgubio nit, iako je izjava gospođice Pfull nesumnjivo imala izuzetnu važnost* [5, 35] и др.

II. Перевод фразеологизмами, которые совпадают по своей семантике и внутренней форме, однако отличаются по одному из показателей (компонентный состав, стилистическая окраска, использование иных грамматических форм и под.)

В русском и хорватском языках существует большое количество фразеологических единиц, являющихся частичными эквивалентами, например: **горячая голова/usijana glava** (синонимичные компоненты: **горячий** и **usijan** 'раскаленный') – 'пылкий, увлекающийся человек' [6; 9], ср.: *Вдруг свет погас, выстрел и ее крик! Ох, думаю, застрелил ее Эразм, горячая голова* [4, 216] и *Najednom se svjetlo ugasi, pusanj i njezin krik! Oh, mislim si, ustrijelio ju je Erazmo, usijana glava* [5, 141–142]; **смотреть не на что/nema ga što vidjeti** (порядок и состав компонентов) – 'о ком-либо или о чем-либо некра-

сивом, невзрачном' [3; 9], ср.: *А с виду — мальчишка, щенок, смотреть не на что* [4, 211] и *A najzgdled — žutokljunac, štene, nemaš ga što vidjeti* [5, 139]; **время от времени/s vremena na vrijeme** (различные грамматические формы) – 'иногда, временами' [6; 9], ср.: *Вагон мерно покачивался на стыках, поезд, время от времени порывивая гудком, мчался на головокружительной скорости ...* [4, 278] и *Vagon se ravnomjerno njihao na spojištima, vlak je, s vremena na vrijeme trubeći, jurio vrtoglavom brzinom ...* [5, 179] и др. Частичные эквиваленты используются при переводе 28 русских фразеологических единиц, встречающихся в произведении.

III. Перевод фразеологизмами, тождественными семантически и функционально

Значительная часть русских устойчивых выражений (48 фразеологических единиц) переводится на хорватский язык при помощи фразеологических аналогов, например, разговорные фразеологизмы **пойти по миру/spasti na prosjački štap** – 'обеднеть, разориться; нищенствовать' [3; 9], ср.: *Как начали в прошлый год коммерческие банки лопаться один за другим, так многие достойные люди по миру пошли* [4, 9] и *Kada su prošle godine trgovačke banke počele bankrotirati jedna za drugom, mnogi su ugledni ljudi spali na prosjački štap* [5, 8–9]; **грош цена (кому, чему)/ne vrijedi ni prebijene pare (što)** – 'никуда не годится, ничего не стоит' [6; 10, 205], ср.: *Московскому расследованию Бриллинга грош цена!* [4, 258] и *Brillingova moskovska istraga ne vrijedi ni prebijene pare!* [5, 168]; **не в службу, а в дружбу/učiniti što za ljubav** кому – 'сделать что-либо из дружеских побуждений, а не по обязанности' [3; 10, 162], ср.: *Вот что, Эраст Петрович, не в службу, а в дружбу, слетайте-ка к ним на Моховую* [4, 17] и *Ovako, Eraste Petroviću, meni za ljubav, skoknite do njih u Mohovu* [5, 13] и др.

IV. Описательный перевод применяется при переводе 54 русских фразеологических единиц

При переводе фразеологизма словом, словосочетанием или предложением эмоционально-

экспрессивная окраска и стилистическая принадлежность фразеологизма могут быть отражены в переводе. Так, некоторые разговорные или разговорно-сниженные обороты переводятся разговорными словами с грубоватой экспрессией, например: *скалить зубы* – ‘смеяться, хохотать; насмеяться’ [6] и *ceriti se* – ‘смеяться (оскаливая зубы); скалиться’ [11, 26]; *умом тронуться* – ‘слегка помешаться; стать психически ненормальным, душевно больным’ [6] и *šenući* – ‘сойти с ума, потерять рассудок, свихнуться’ [11, 593]. Ср.: *В любое пекло лез, и все ему ни о чем, только зубы скалил* [4, 211] и *U svaki raka je ulazio i sve ti je bio kao šala, samo se cerio* [5, 139]; *Десять дней промаялся, чувствую - умом могу тронуться* [4, 213] и *Deset dana sam patio, osjećam - mogao bih šenući* [5, 140] и др.

Однако эмоционально-экспрессивная и стилистическая окраска русского – как правило, безэквивалентного – фразеологизма далеко не всегда находит адекватное отражение в хорватском переводе. Нередко экспрессивно-стилистически маркированный фразеологизм переводится нейтральным словом, словосочетанием или предложением. Приведем несколько примеров перевода разговорных экспрессивных фразеологических оборотов с помощью нейтральных лексических единиц: — *Да вот, в толк не возьму...* [4, 35] и — *Pa evo, ne shvaćam...* [5, 25]; — *Честно говоря, ужасно голоден. Весь день караулил на почтамте, маковой росинки во рту не было* [4, 234] и — *Da budem iskren, užasno sam gladan. Cijeli dan sam stražario na pošti, nisam ništa okusio* [5, 153]; *Я как увидел, что они на тумбу залезли и оружие к голове приставили, так и обмер - ну все, думаю, будет как о прошлый год, опять никого в лавку калачом не заманишь* [4, 41] и *Kad sam vidio kako su se popeli na stupić i pištolj prislonili uz glavu odmah sam pretrnuo — mislim si, sve će biti kao i prošle godine, opet nitko neće ni priviriti u trgovinu* [5, 29]; — *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* [4, 26] и — *Eto što smo doživjeli!* [5, 18] и др.

Разговорный фразеологизм может быть переведен словом, относящимся к другому стилистическому пласту, например, к книжной лексике, ср.: ... *отец, горячая голова, пустил состояние на пустые прожекты, да и приказал долго жить* [4, 9] и ... *otac, usijana glava, potratio je imetak na beskorisne projekte, pa preminuo* [5, 8].

Одной из характерных особенностей романа Азазель, действие которого происходит в 1876 году, является широкое использование автором устаревших фразеологических единиц (25 фразеологизмов). Анализ показал, что подавляющее большинство устаревших фразеологизмов переведено на хорватский язык при помощи нейтральных слов или словосочетаний (24 фразеологические единицы). В качестве примера приведем нескольких фразеологизмов, зафиксированных в фразеологических словарях русского языка с пометой «устар.»: *отказаться от дома* (кому) – ‘переставать приглашать к себе в дом, не принимать у себя, обидясь на кого-либо за какую-либо вину, провинность, проступок и т. п.’ [6]; *с молодых ногтей* – ‘с самого раннего, молодого возраста’ [7, 477]; *милости прошу* – ‘в речевом этикете: выражение вежливого приглашения прийти, приехать в гости или войти, чтобы принять участие в беседе, в обсуждении чего-либо’ [6]. Ср. перевод данных фразеологических единиц на хорватский язык: — *И от дома откажу раз и навсегда!* [4, 66] и — *I zabranit ću ti pristup zauvijek!* [5, 45]; *Ничего, подумал Грушин, пусть с молодых ногтей приучается к аккуратности, сам потом спасибо скажет* [4, 8] и *Tako, pomisli Grušin, neka se od mladosti uči točnosti, poslije će se sam zahvaljivati* [5, 8]; *Он и поклонился, и дверку приоткрыл, и еще рукой приглашающий жест сделал – мол, милости прошу, но Фандорин не тронулся с места* [4, 40] и *I poklonio se, i vrata je otvorio, i još ga je pozvao gestikulirajući rukom – dobrodošli, ali Fandorin se ne pomaknu s mjesta* [5, 29].

V. Дословный перевод фразеологизма

Умелое применение переводчиком метода калькирования фразеологизма позволяет донести

до читателей не только образную основу фразеологизма, но и его эмоционально-экспрессивную окрашенность. Перевод романа содержит всего 9 случаев дословной передачи русских фразеологических единиц на хорватский язык. Дословная передача фразеологизма используется в тех случаях, когда в языке перевода нет фразеологизмов со сходной образной основой, семантикой и структурой. Успех дословного перевода во многом обусловлен близостью языков, что позволяет передать истинное содержание всего фразеологизма и яркость лежащего в его основе образа, который вызывает одинаковые ассоциации у носителей русского языка и у носителей хорватского языка. Так, например, калькирование применяется при переводе разговорных экспрессивных фразеологизмов *лезть в пекло* – ‘стремиться туда, где грозит опасность’ и *как без рук* (без кого, без чего) – ‘совсем беспомощен, в затруднительном положении’ [6]. Ср.: **В** любое **пекло лез**, и все ему нипочем, только зубы скалил [4, 211] и **U svaki pakao je ulazio i sve ti je bio kao šala, samo se cerio** [5, 139]; **Без него я как без рук** [4, 118] и **Bez njega sam kao bez ruku** [5, 78].

В некоторых случаях переводчик прибегает к дословному переводу, хотя в хорватском языке существуют фразеологические аналоги – устойчивые обороты, совпадающие по семантике и экспрессивно-стилистической маркированности с русскими фразеологизмами, например: *выйти сухим из воды/dobro proći, dočekati se na noge* [10, 78, 186]. Ср.: **Ты гляди, вот и сегодня ты сухим из воды вышел** [4, 211] и **Gledaj, i danas si izašao suh iz vode** [5, 139].

Дословный перевод фразеологической единицы может привести и к переводческой ошибке, например: *С этим господином шутки плохи* [4, 120] и *S tim gospodinom šale su loše* [4, 79]. Ср. эквиваленты фразеологизма *шутки плохи* (с кем, с чем) в хорватском языке: *nema šale s kim, s čim; nema labavo s kim, s čim* [10, 264, 153].

К переводческим ошибкам относится также перевод при помощи фразеологизма, который

в хорватском языке имеет совершенно иную семантику, чем русский фразеологический оборот, например: *Пока Фандорин ходил умываться, ему вспомнились события минувшей ночи, вспомнилось, как он, сломя голову, неся от дома Ипполита, как вскочил в пролетку к дремлющему ваньке и велел знать на Мясницкую* [4, 145] и *Dok je Fandorin išao na umivanje prisjetio se doživljaja prošle noći, sjetio se kako je navrat-nanos jurio od Ipolitove kuće, kako je uskočio iza kočijaša koji je drijemao i naredio mu da hita u Mjasnicku* [5, 96]. Русскому фразеологизму *сломя голову* – ‘очень быстро, стремительно (бежать, мчаться, скакать и т. п.)’ [6] соответствуют следующие хорватские фразеологические единицы, имеющие сходную образную основу и совпадающие по семантике и экспрессивно-стилистическому значению: *glavom bez obzira* (trčati, bježati); (trčati) *kao bez glave* [10, 97–98]. Ошибочно употребленное переводчиком устойчивое выражение *navrat-nanos* имеет значение ‘поспешно, наспех; как попало (делать что-либо)’, а в русском языке ему соответствуют фразеологизмы *на скорую руку, тяп-ляп* и под. [10, 182].

Проведенный анализ способов перевода нормативных фразеологических единиц из романа Б. Акунина *Азазель* позволяет утверждать, что значительная часть русских фразеологизмов имеет в хорватском языке фразеологические соответствия. Около 70% русских фразеологизмов (135 фразеологических единиц) переведено на хорватский язык с помощью фразеологических эквивалентов и аналогов. Распространенным способом перевода фразеологических единиц оригинала является также описательный; в редких случаях переводчик пользуется дословной передачей русских фразеологизмов.

При переводе текста романа на хорватский язык возникает целый ряд трудностей, вызванных несовпадением смысловых и стилистических объемов фразеологических единиц в разных языках, а также национальным колоритом фразеологизмов. Необходимо отметить, что на точность

перевода значительное влияние оказывает также личность переводчика, культура речи которого и знание им фразеологического фонда языков подлинника и перевода позволяет донести до читателей не только предметно-логическое, но и эмоционально-оценочное, образное содержание фразеологических единиц оригинального произведения. Качество перевода, несомненно, во многом зависит от своеобразия системы выразительных средств исходного языка и языка

перевода, стиля и жанра переводимого произведения. Передача таких свойств фразеологических единиц, как образность, эмоционально-экспрессивная окраска, а также стилистическая принадлежность вызывает определенные затруднения. Однако в целом можно говорить о достаточно высокой степени адекватности перевода романа Б. Акунина «Азазель» на хорватский язык, обусловленной прежде всего близким родством фразеологических систем сопоставляемых языков.

Список литературы:

1. Степанова Л., Мокиенко В., Малински Т. Русская фразеология для чехов. – Olomouc, – 1995.
2. Вальтер Х., Малински Т., Мокиенко В., Степанова Л. Русская фразеология для немцев. – Санкт-Петербург: Златоуст, – 1995.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Ответственный редактор В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, – 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://phrase_dictionary.academic.ru/ (дата обращения: 21.05.2017).
4. Акунин Б. Азазель. – М.: Захаров, – 2001.
5. Akunin B. Azazel. – Zagreb: Profil International, – 2004.
6. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель: АСТ, – 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 10.06.2017).
7. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И., Русская фразеология. Историко-этимологический словарь, – Москва. – 2005.
8. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид-Пресс, – 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords/ (дата обращения: 15.06.2017).
9. Hrvatski jezični portal. [Электронный ресурс]. URL: <http://hjp.znanje.hr/> (дата обращения: 18.06.2017).
10. Menac A., Fink Arsovski Ž., Mironova Blažina I., Venturin R. Hrvatsko-ruski frazeološki rječnik. Zagreb: KNJIGRA, – 2011.
11. Dautović M. Hrvatsko-ruski priručni rječnik. Zagreb: Školska knjiga, – 2007.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-39-42>

Rasulova Jamila Xosrov gizi,
 Azerbaijan University of Languages
 E-mail: matlabm@yandex.ru

CONCEPT "PATRIOTISM" IN MODERN AMERICAN, AZERBAIJANI AND RUSSIAN INAUGURAL ADDRESSES

Abstract: Political discourse is one of the most interesting and intriguing among the types of discourse with high degree of contextualization. Therefore it has many genres and subgenres such as political speeches, inaugural addresses, interviews, statements etc. I will focus on the inaugural addresses of American, Azerbaijan and Russian presidents and specifically on the concept "patriotism" in their inaugural speeches. The reason why I study concept "patriotism" in inaugurals is that although it has drawn attention of many researches its intercultural and interlingual approach has never been used to address this issue.

Keywords: inaugural address, presidents, political discourse, patriotism, speeches, language.

The political discourse has become an object of interest of researchers in the discourse studies, pragmatics and cognitive linguistics. This field of knowledge represents main principles, on which political communication is based on in any society or any culture. The public consciousness, the phenomenal creative abilities of participants, social economic factors and cultural identity all define political discourse (The role of figurative language in political discourse. Azad Mammadov, Misqar Mammadov, P. 115).

Thus the present study investigates the concept "patriotism" in inaugural addresses of American, Azerbaijani and Russian presidents mostly focusing on the ways of its representations in language. It deals with political, cultural and socio-economical factors, which determine the peculiarities of conceptualization of "patriotism" in political speeches of presidents.

In USA the analysis of political rhetoric has become an object of special researches throughout many decades. However, in the researches of Azerbaijani and Russian political discourse this field of study is apparently new.

The investigation of presidential addresses is closely related to the study of specifics of social-po-

litical rhetoric. Traditionally, inaugural discourse is an element of oratorical art aimed at persuasion and manipulation of public consciousness. R. Joyslyn characterizes an inaugural address as "riskless" rhetoric, because it doesn't consist any polemic statements, which can cause somebody's objection or disagreement Joyslyn [4, P. 316].

An **inauguration** is a formal ceremony to mark the beginning of a major public leader's term of office. The "inaugural address" is a speech given during this ceremony which informs the people of his/her intentions as a leader. In terms of the style, the particularity that the presidential inaugural addresses are delivered in the public place at a special moment determines its style which shares the features of both oral and written discourses (Zheng, 2001: 67–68). The main functions of inaugural address are integrating, inspiring, declarative and performative. Inaugural address of a president is a first formal speech delivered by a newly elected president to the nation. The inaugurals are designed not just to state the president's political visions and missions, but also to win as much support as possible from his audience for the president (Wilson, 1994:5–6). Presidential inaugurals are epideictic

speeches because they are delivered on ceremonial occasions Campbell and Jamieson [3] A number of linguistic forms, like deictic pronouns, metaphors are used to conceptualize “patriotism”. Such words with large semantics like *freedom, peace, hope, trust, human rights, proud, renewal, change, revolution, order, My fellow Americans, my friends, my fellow citizens* and others are used by Presidents in their speeches to raise the patriotic spirit of the nation. In the following example the necessity of the right choice which had been reached is shown: *We observe today not a victory of a party but a celebration of freedom...* (J. Kennedy, 1960). The deictic pronoun WE is used here to show the unity of the newly elected president with the nation. America and americans can have the following definitions *peaceful, peaceloving, responsible, conscious, brave etc.* It is necessary to point out that semantic and thematic centers in US president’s addresses change depending on the period and economical situation in the country.

No problem that we face today can compare with the need to restore the health of the American economy and the strength of the American dollar. The key to restoring the health of the economy lies in cutting taxes.

The historical period — the 1980-s., the economical situation in the USA was quite hard after the crisis, racial and interclass conflicts escalated.

For the most of the last 40 years, we have been preoccupied with the global struggle — the competition — with the Soviet Union and with our responsibilities to our allies. (R. Reagan’s inaugural address, 20.01 1981). Here the president indicates the external problems one of which is the “cold war”. The words with the largest semanting weight bearing the patriotic thought here are *freedom, progress, dream, suffering, struggle, anew etc.*

The address of President Reagan is summerized by triumphant appeal to American nation, with the aim to inspire patriotic feelings and the need to unite in struggle for the better future of America, as their predecessors did. *We have every right to dream heroic dreams. And, after all, why shouldn’t we believe*

that? We are Americans. God bless you, and thank you. (R. Reagan’s inaugural address, 20.01 1981)

Different linguistic forms, like deictic pronouns such as WE and OUR are used to conceptualize “patriotism”. Concept “patriotism” is widely used by current president of USA Barak Obama in his political speeches Barack Obama’s Inaugural Address [7].

We recall that what binds this nation together is not the colors of our skin or the tenets of our faith or origins of our names ... What makes us Americans — is our allegiance to an idea articulated in a declaration made more than 2 centuries ago. “We had this truth to be self evident, that all men are created equal... ..” Today we continue a never ending journey to bridge the meaning of those words with the realities of our time Inaugural Address by President Barack Obama [7]. A draw back to the past also makes up the basis of the inaugurals. *The patriots of 1776 didn’t fight to replace the tyranny of a king with the privileges of a few rule of a mob. They gave us a republic, a government of, any by, and for the people, entrusting each generation to keep safe and founding creed.* Here the deictic pronoun US and a lexeme PEOPLE represent the concept patriotism and bear reference to the nation and the country. According to Lakoff. “Metaphorical entailments can characterize a coherent system of metaphorical concepts and a corresponding coherent system of metaphorical expressions for those concepts.” Lakoff & Johnson [5, P. 9]. For example: *“This is the journey we continue today”* (Official text of Barack Obama’s inaugural address, 2009, Los Angeles Times,). *“Together, let us protect our country, support the men and women who defend us, and lead this world toward freedom”.* (Bush, Jan31st, 2006).

Lakoff (1993) defined “journey” metaphor as purposeful activity is travelling along a path toward a destination.

Inauguration of the presidents is apparently new field of study for Russian political discourse. It has been started since 1991 when the first president of Russian Federation Boris Yeltsin was elected. President of Russian Federation B. Yeltsin in his

swearing in ceremony mostly focused on such semantic centers like *president, power, state, work, production*. This was closely connected with the economical and social situation in the country after the collapse of USSR.

The concept patriotism in his speech was realized through such words like *благополучие граждан — prosperity of citizens, возрождение России — revival of Russia, радикальные реформы — radical reforms. Россия миролюбивое государство, народы России хотят трудиться и жить вместе. — Russia is a peace loving country, people of Russia want to work and to live together.* (Boris Yeltsin's inaugural address, 1991). Here in this text, lexeme PEOPLE includes all the nations and cultures living in Russian federation.

Since 2000 concept patriotism in the speeches of V. Putin has been realized through the idea of unity of the nation and a desire to revive the glory of Russia, serving for the sake of the motherland. Such words with large semantics like *revival — возрождение, а тая — человек, а citizen — гражданин, power — власть, history — история* were used to conceptualize patriotism. An idea that a new "great country" can be built up by the effort of every single person living here.

Считаю своей святой обязанностью сплотить народ России, собрать граждан вокруг ясных целей и задач. — My first duty to fulfill is to unite people of Russian, to gather the citizens around bright tasks and goals. (V. Putin's inaugural address, 2000).

Here a deictic pronoun OUR is used in the sense of "including everybody", i. e. taking all as one: *in our history, for our people, our Russia, the fate of our country* etc.

As we know the institution of presidency was first founded in 1787 in USA. Since that time it has been applied by the majority of countries worldwide as a form of governance and executive power. However for Azerbaijan the institution of presidency covers

quite a short period of time. It has been started since May 1991 after the collapse of USSR. It should be pointed out that inauguration of presidents is a very new genre for contemporary Azerbaijan political discourse. In Azerbaijan inauguration ceremonies were held only 5 times. Investigating the recent studies we clear out that inauguration as a genre of political discourse was started in inaugural addresses of Heydar Aliyev. In his first inaugural address he emphasized that he would safeguard national and cultural traditions and do his best for future prosperity and development of Azerbaijan.

The conceptual metaphor "patriotism" is also interesting as an object of study in American and Russian political discourse, as this notion is an essential element of both American and Russian political culture. There are different interpretations of patriotism even with those political cultures, depending on political ideology (A. Mammadov, 80). Conceptual metaphor patriotism in Azerbaijan political discourse is mostly aimed to unite people around one common interest and encourage them for joint success, based on the will of the people. It's clearly represented in Ilham Aliyev's second inaugural address in 2008. *Today, Azerbaijan's unequivocal policy — a bold policy, a policy based on the will of the people, a policy based on national interests — allows us to speak about the future of our country with greater optimism. There are sufficient factors to be optimistic about the future. The past 10 years show that when the notions of "people" and "nation" are in the foreground, then any problem may be solved. Our policy is based on national interests. Our policy is aimed at strengthening the independence.* (I. Aliyev's inaugural address, 2008).

The president in his speech tries to emphasize good opportunities of Azerbaijan for better future which is really achievable on certain conditions.

References:

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Москва: Гнозис, – 2004.
2. Sheigal E. I. Semiotics of political discourse. – Moscow, – 2004.

3. Campbell K. K., Jamieson K. П. – 1986. Inaugurating the Presidency // Form, Genre and the Study of Political Discourse – Columbia: S. Car., – 1986.
4. Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse – Columbia (S. Car.), – 1986. 9. Crystal D. DCBLOG.
5. Lakoff G., Johnson M. (1980). Metaphors We Live By. Chicago II: University of Chicago Press. Lang P. J., Greenwald M. K., Bradley M. M., Hamm A. O. – 1993.
6. Heydar Aliyev Heritage International Online Library URL: <http://lib.aliyev-heritage.org/ru/2773818.html>
7. Obama B. Inaugural Address, – 2013. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/01/21/inaugural-address-president-barack-obama>. (Дата обращения: 05.02.2015)
8. Obama B. Victory Speech, – 2008. URL.: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm>
9. Inaugural Addresses of US Presidents. Homeofheroes.com/presidents/inaugural/index.html
10. Inaugural Addresses of Russian Presidents. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches>

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-43-47>

*Sukhovetska Liudmyla Valentynivna,
Gorlovka Institute for Foreign Languages SHEE "DSPU" (Bakhmut),
postgraduate student, Romance and Germanic Languages Department,
E-mail: suh1v1974@gmail.com*

PRAGMATIC POTENTIAL OF LEXICAL REPETITION IN THE INCENTIVE UTTERANCES IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

Abstract: The article analyzes structural types of lexical repetitions in the incentive utterances used by the English-speaking electorate. The researcher has come to the conclusion that the pragmatic purpose of lexical repetitions, which are helpful in realizing incentive intention, is not only to make the speech emphatic and emotional, but also to add categorical effect to the speaker's motivation.

Keywords: lexical repetition, categorical motivation, incentive utterances, incentive intention, political discourse.

The problem of lexical repetition has been highlighted in different research papers. Taking into account that the phenomenon of repetition belongs simultaneously to the world of human being and to the world of the language the matter still remains challenging. It can be proved by the presence of nearly opposite approaches to the interpretation of lexical repetition, repeated elements and their interrelations in the structure of speech patterns, their functions and semantics.

From this perspective, the relevance of the paper is determined by the correlation between the pragmatic specification of lexical repetition and the speech intention of the utterer. The goal is to specify pragmatic potential of lexical repetition in the incentive utterances of the English-speaking electorate produced in political discourse. By incentive utterance we mean the utterance of any syntactic construction which is meant to represent incentive intention. Incentive intention realizes the will of the speaker to motivate the hearer or another person to do, not to do or to stop doing something.

The scholars involved into the study of imperatives (which are used as the key form to represent the incentive intention) assume that they are imbued with a varying degree of force of some kind

and name it "Force Exertion". They regard it as psychological influence the speaker is exerting on the addressee to cause the latter to realize what is said or "make the world fit the words" [1, 14]. We do not put a task to measure that force, but we are definitely sure that incentive utterances may demonstrate different categorical degrees. According to our hypothesis lexical repetition serves to be an effective means to transform a neutral motivation into a categorical one.

With reference to the world of a human being repetition is a psycho-physiological phenomenon, which is interpreted as an unnecessary duplication and serves to be a marker of poor, careless and inefficient speech user, low speech skills. In such situations the fact of repetition is not even comprehended as repetition by the speech producer. Such repetitions are not meaningful, as a rule they indicate age and mental peculiarities or psycho-physiological state of the speaker (cough, shock, fright etc.) [2, 61; 3, 407; 4].

In relation to the sphere of speech lexical repetitions are considered to be meaningful. They are used to accentuate speaker's modality or to realize some pragmatic tasks (to play for time, to manifest surprise or doubt, to attract attention, to express consent or dissent, to underline the main idea of something etc.). Repetition can be regarded as a way of fixing

the attention of the recipient upon the most important information, as a special determined item with a significant pragmatic potential [5, 66]. Pragmatic function of repetition is meant to emphasize subjectively meaningful information. The use of repetitions while realizing incentive intention can be accounted for their ability to provide speech with expression, emotions, dynamics, and persistence.

The analysis of empirical material showed *simple* or *identical repetition* of lexical items, the accumulation of which in the utterance indicates and intensifies the degree of categorical motivation. For example, the repeated adverb *very* in the metaphorically expressed motivation intensifies the desire of the speaker to see Hillary Clinton leaving the political arena of the USA: *Hillary Clinton is cracked, she should buy a dog and take it for a very very very long walk* (duncandunit, Guardian, Comments, 18 Jul 2016).

In the coming example the addresser motivates the Republican Party to take some positive changes. He succeeds to do it in a persistent way due to the repeated element *the party*, by which he focuses attention on what kinds of changes should be taken **be** by the party: *You want minorities to vote Republican, go back to being **the party** of Lincoln, **the party** of tolerance, **the party** that viewed minorities as equals, back to BEFORE you became **the party** of the racist southern strategy* (md04 Washingtonpost, Comments, 17 Aug 2016).

Simultaneous repetition of diverse lexical units (*time, game, greatest, same old*) within a short fragment of discourse realizing incentive intention creates profound arguments in order to encourage the American citizens to support the candidacy of Donald Trump at the President elections: *It's **time** to try something different because **same old, same old**, is NOT working! Trump is different! He's successful, and he takes risks! He's a **game** changer! **Time** to get America back in the "**Greatest** Country, **Greatest** Land of Opportunity", **game** again!* (michele10, Washingtonpost, Comments, 17 Aug 2016).

The research has discovered high level activity of lexical repetition within a very important semantic

component, which is called expression of will. It is worth mentioning that this component is mostly represented in the negative form. Multiple repetition of the word-combination *do not want it* along with a list of all kinds of employees in the National Health Service dynamically and effectively creates **an** the idea of complete absence of any supporters of the health care reform. The statement ends with a demand of referendum, represented in an interrogative form, which serves to be a kind of culmination of the emotionally colored and categorical motivation to scrap the reform launched by the Government: *Right, so let's get this straight. Doctors **don't want it**. Nurses **don't want it**. Patient groups **don't want it**. Hospital staff **don't want it**. Medical professionals **don't want it**. So aside from Lansley, Cameron and Clegg (and their cronies), who actually does want it? When's our referendum?* (bluebellnutter, Guardian, Comments, 9 Feb 2012).

Repeated negative form of the predicate of desire *do not want* in the following social demand expressively reveals the reasons why it is necessary to hold a referendum on the issue concerning future relations between the Great Britain and the EU: *The British people **don't want** the Euro. And we **don't want** Eurofederalism either...* (nineofdiamonds Guardian, Comments, 1 November 2012).

Another structural type of repetition used by the American electorate is called *frame repetition*. The negative pronoun *no one* which frames the incentive clause convincingly manifests absence of any desire to see D. Trump as President of the country: *Trump needs to go to Russia to be in Putin's cabinet. He's not needed or wanted here in America. Go away Donald, **no one** wants you here. **No one**.* (NM Mason, Washingtonpost, Comments, 17 Aug 2016). The public prohibition to enter into coalition with Scottish National Party also acquires categorical shade due to the frame repetition of the word-combination *No way*: ***No way** to a coalition with the SNP. **No way*** (richard, Guardian, Comments, 10 Feb 2015).

Lexical repetition as a stylistic device is mostly typical of the lively excited speech standard. It

reflects the emotional and evaluative attitude of the addresser to the matter under question. It is able to convey different emotions, approval, satisfaction, disappointment, surprise, anxiety, worry, regret, capture etc., every time performing the same emotional-expressive function. We agree with the opinion of scholars who emphasize that repetitions bring into the sentence not only different expressive shades that have some pragmatic orientation, but also increase the degree of categorical motivation [6, 40].

Thus, the anaphorically repeated element *It is totally unacceptable* imposes a categorical ban on combination of political activity with business interests and simultaneously expresses the speaker's indignation about such situations. In the final proposition the prohibition gradually turns into public demand to investigate similar facts among the politicians: ***It is totally unacceptable*** to have MPs on the take from privateers when they are supposed to be and are being paid to represent the electorate. ***It is totally unacceptable*** to have health ministers with conflicts of interests while holding office. ***This conflict*** is totally unethical and ***should be investigated***. (zardos, Guardian, Comments, 05 Jan 2015).

It's important to mention that the most frequently used repetitions of anaphoric type realize themselves within the predicative element of the imperative constructions like in the following examples: ***Stop*** the Tories taking money out of the NHS to line their own pockets. ***Stop*** the criminal privatizations as all privatization has led to costs rocketing. It will end with the NHS being unaffordable to all but the filthy rich. (zardos, Guardian, Comments, 05 Jan 2015); ***Stay strong Germany!*** And please Angela Merkel — take control of this debate. Get in there — play a little rough if you have to. Call out Tsipras on his lies. ***State*** the facts. ***State*** the truth. Now is not the time to muddle through! (AshRegister, Economist, Comments, 07 Jul 2016).

A thorough look at the lexical repetitions on the syntagmatic level has revealed two types of this speech phenomenon: *homogeneous repetitions* and *heterogeneous repetitions*. In the homogeneous rep-

etitions the repeated element is combined with the component of the same syntactic function, thus providing the motivation with dynamic impulse, tension, creating an effect of the endless semantic enumeration. As a result the degree of necessity to realize incentive intention of the speaker increases: *The only public sector workers in this country on a cushy number are the MP's ... **reduce their holidays, reduce their pension entitlements**, review and **reduce their expenses entitlements** and withdraw their proposed 10% pay increase and replace with a three year pay freeze, finally performance related pay would save the tax payer a fortune given the broken promises/missed targets of the coalition.* (VinceIncapable, Guardian, Comments, 10 Jan 2015); *Time to pull out the EU, **end the class system, end subsidies for the rich*** (awless, Guardian, Comments, 23 Oct 2014).

Heterogeneous repetitions adjoin elements of different syntactic functions. They turn motivation into a categorical one by specifying particular aspect of the desired action (time or manner of action): ***Ditch the bill — and ditch it tonight*** (frindsbury, Guardian, Comments, 24 Feb 2012); ***Repeal the despicable Lansley 2012 privatization health care act. Start cutting waste, management, the commissioning hoards, the trusts, every elite finger in the pie skimming money. Start with common sense, investment in community health care, training for the future, money to be devoted to care, people, staff.*** (Bluejil, Guardian, Comments, 05 January 2015).

Catch-repetitions in the incentive constructions help to keep the attention of the hearer upon the logic of the idea. Due to this logic a certain aspect of the motivated action (reason, manner, property of the referent mentioned by the speaker, etc.) becomes more emphasized. As a result the motivation sounds more categorical than a similar proposition without repetition: *We want an end to **MASS immigration. MASS immigration** is not the same as CONTROLLED immigration.* (att Tysoe, Mirror, Comments, 07 Jan 2014); *We have an underclass that exists mainly because it is funded by the taxpayer to do so and another group for*

whom work is less beneficial than welfare. This has to stop **and it will. And it will** be stopped with the approval of the majority (upnorth, Guardian, Comments, 25 Jan 2012); *Anyway, what we really need is an effective bicameral parliament and a functioning **head of state, a head of state** with limited constitutional powers, remote from policy making but enough clout to veto illegal and unconstitutional actions by politicians* (Obey The Pork Lord, Guardian, Comments, 24 June 2014).

The accumulation of various types of repetitions within a short fragment of discourse realizing incentive intention is an additional factor to intensify the categorical way of expressing the will of the speaker: *It's past time for the media to **cut this guy off*** (D. Trump). *No more debates, no more reporting what he says or does, no more apocalyptic commentary, no more outrage at whatever the latest stunt is that he dreams up, no more getting played by him... Just **cut him off***. (Jahtez, NYtimes, Comments, 19 Oct 2016). In the example given above a combination of the anaphoric repetition *no more* introduces details how to exclude the politician D. Trump from media space. This proposition is incorporated into the demand which already contains an epiphoric component *cut off*. Two types of repetition produce more expressive and more categorical motivation in contrast to a demand without any repetition at all.

It is believed that for a syntactic norm it is quite enough to use a lingual unite only one time. It seems that repetition of the unite carries nothing new to the denotative information about the subject-matter. It is even regarded as a redundant element in speech. Nevertheless, used in actual speech the repetition creates additional information of expressive, emo-

tional, and stylistic nature [7, 244]. On the one hand, in the process of perceiving information the repeated elements are characterized by the loss of novelty, on the other hand, the accumulation of numerously recurred elements may create successful atmosphere for effective foregrounding of the message conveyed by units which are not repeated. This is exactly the way the speaker succeeds to stress the necessity to insure British manufacturing and foreign investments from damage in his categorical demand: *Nobody who works for a living or indeed is unemployed wants Brexit either. **They don't want Brexit because they don't want investment in the UK to be damaged. They don't want Brexit because they don't want manufacturing in the UK to be damaged*** (kafkafan, Guardian, Comments, 24 June 2015).

Having analyzed 124 cases of lexical repetitions used in the incentive utterances we can stress on the following facts: the most frequently used kind of repetition is *anaphoric* (22% – 27 units); from the semantic point of view the repeated element, which occurs more often than others is *incentive action* (24% – 30 units); in terms of syntax the most frequently used repeated unit is *predicate of the imperative constructions* (20% – 25 units), which may be of a homogeneous or a heterogeneous type.

The analysis of the empirical material has confirmed that except for the emphatic and emotional functions that lexical repetition usually realizes in speech, repeated elements in the incentive utterances are used to intensify the will of the speaker to cause the hearer or another person to do, not to do or to drop doing something, thus making the whole motivation sound more categorical.

References:

1. Takahashi H. A Cognitive Linguistic Analysis of the English Imperative (With special reference to Japanese imperatives) / Hidemitsu Takahashi // Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, – 2012. – 242 p.
2. Raymond W.D. Word internal deletion in spontaneous speech: modeling the effects of extra-linguistic, lexical and phonological factors / W.D. Raymond R. Dautricourt E. Hume // Language Variatiobn and Change. – 2006. – Vol. 18. – P. 55–97.

3. Wong J. Repetition in conversation: a look at “first and second sayings” / J. Wong // *Research on Language and Social Interaction*. – 2000. – Vol. 33, – No. 4. – P. 407–424.
4. Harris C. L. Repetition blindness occurs in non-words / C. L. Harris, A. L. Morris // *Journal of Experimental psychology: Human Perception and Performance*. – 2004. – Vol. 30, – Iss. 2. – P. 305–318.
5. Крутько Т. В. Англomовна реклама у віртуальному просторі: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Т. В. Крутько. – Рівне, – 2006. – 218 с.
6. Карповская Н. В. Категории интенсивности в прагматическом аспекте / Н. В. Карповская // *Актуальные проблемы прагмалингвистики: Тез. науч. конф.* – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, – 1996. – 92 с.
7. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: [учеб. пособ.] / И. В. Арнольд. – [5 е изд., испр. и доп.]. – М.: Флинта: Наука, – 2002. – 384 с.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-48-53>

*Chekareva Yevgeniya,
V.N. Karazin Kharkiv National University,
Candidate of Philology, Associate Professor
Head of the History of Foreign Literature
and Classical Philology Department
E-mail: e.s.chekareva@gmail.com*

VERBALIZATION OF CONCEPTUAL SPHERE OF TIME IN THE SYSTEM OF NOUNS OF ANCIENT GREEK

Abstract: The article deals with the nouns of temporal semantics of Ancient Greek. The factors of forming of lexemes of such type are analyzed, and the most important of them are universal and ethno-specific peculiarities of time perception by native speakers. The connection between specific features of model of the world, which are typical for archaic type of thinking and environment perception, and their fixation in lexico-semantic system of Ancient Greek is determined.

Keywords: language picture of the world, noun, temporal relation, lexico-semantic groups.

Modern cognitive paradigm of linguistic study supposes studying of parts of speech considering the factor of reference that is widely understood as “correlation of a statement and its part with the reality, both extralinguistic (an object, events, situations) and linguistic (by other mentioning of the object, events, situations in the previous or following context). The reference can be identified mainly through names and name groups — actants in the sentence and predicate” [3, 86].

Each part of speech states its zone of reference [7, 34]. For noun it is determined by subject world. W. Croft notes that nouns realize reference to things (objects) [5, 57]. B. Heine, U. Claudi, Fr. Hünemeyer point out that designations of a person correspond to the first and the most specific nominations, they are followed by designations of objects (subjects, things) and only then, on their base, may appear designations of processes, places and characteristics [6, 54–55]. Y. Testelec writes that in the process of speech activity and communication the listener has to realize acts of reference identification. Besides it appears that some meaningful lexemes can usually provide reference identification without

participation of other meaningful lexemes, and some cannot almost ever. Nouns appeared to be the most reference-free lexemes as a result of perceptual differentiation of objects themselves (persons, subjects, physical bodies) and their parts (attributes) as well [4, 87–92].

The nouns of Ancient Greek form an integral system of units and play an important part in verbalization of temporal concept sphere of Ancient Greeks, forming time periods and intervals as certain matters.

Fulfilled analysis of lexico-semantic groups of nouns of temporal semantics gave a possibility to identify peculiar features of time concept sphere in lexical system of Ancient Greek. Organization as well as the content of particular lexico-semantic groups of proper and improper temporal meaning demonstrates integration of universal principles of the course of time and correspondent changes of objects in it with ethno-specific perception and assessment of some moments of time and durations.

It should be noted that it was the word *καίρος* that was interpreted by Greeks in a particular way as well as the concept designated by it. The opposition of two names of time in Ancient Greek is interest-

ing: χρόνος as chronological succession of actions of quantitative nature and καιρός as unexpected happy moment of time from qualitative nature. That means that χρόνος appears as a calendar, line time that counts minutes, hours consecutively. It is homogeneous, “old” time. However, καιρός embodies the idea of a new, young, eternal, renewable time that should be lived using it as full as possible. Compare for example: ὡς γὰρ ἡμεῖς εἰκάζομεν, οὐκ ἔκας χρόνου παρέσται ὁ βάρβαρος ἐσβαλὼν ἐς τὴν ἡμετέραν, ἀλλ’ ἐπειδὴν τάχιστα πύθηται τὴν ἀγγελίην ὅτι οὐδὲν ποιήσομεν τῶν ἐκεῖνος ἡμέων προσεδέετο. πρὶν ὧν παρεῖναι ἐκεῖνον ἐς τὴν Ἀττικὴν, ἡμέας καιρός ἐστὶ προβοηθῆσαι ἐς τὴν Βοιωτικὴν (Hdt. Hist. 8.144) — as we consider, in the nearest future a barbarian will attack our land, as soon as he learns that we reject all his demands, so, before their coming to Attica we should be in time to help Boeotia.

An aspect duration/briefness, stability/changeability played an important part in world-view picture of Ancient Greeks and found its realization in a wide system of lexemes with domination of units denoting long-time duration (e.g.: μῆκος, τό duration, continuance, length, endurance; χρονισμός, ὁ long stay; μακροβιότης, ἡ long life, longevity; πολυετία, ἡ many years; πολυχρονία, ἡ great duration; παράτασις, ἡ duration, continuance, length, endurance; διαμονή, ἡ constancy, persistency, steadiness, stability, duration, continuance, length, endurance; συνέχεια, ἡ continuity, perpetuity, constancy, persistency, steadiness, stability).

Among nouns denoting the moment according to fixed time lexemes with the meaning of “proper/improper moment”, which objectivise the idea of timeliness/impertinence that obviously had great meaning for ancient Greece native speaker. Concept “timeliness, proper moment”, for instance, is represented by 7 lexemes: ἐγκαίρεια, ἡ; ἐπικαίρεια, ἡ; εὐκαίρεια, ἡ; καλόν, τό; τύχη, ἡ; καιρός, ὁ; ἀκμή, ἡ.

In the system of nouns of Ancient Greek all the periods of age, formation and developing are expressed. Particularly, status and meaning of a base concept of “life” is emphasized in its verbalization in

14 lexemes, e.g.: αἴσα, ἡ; αἰών, ὁ; βία, ἡ; βίος, ὁ; ζωή, ἡ; σῶμα, τό; ἡμέρα, ἡ; κεφαλή, ἡ; βίος, ὁ; σῶν, τό; φέγγος, τό; ψυχή, ἡ; καταβίωσις, ἡ. Among periods of formation and developing denotations of period of one’s prime, maturity are paid special attention to (19 lexemes), e.g.: ἀκμή, ἡ; ἄνθος, τό; ὀπώρα, ἡ; ὦρα, ἡ; ἀρρενωπία, ἡ; συνετή, ἡ; ἀδροτής, ἡ. But there is no distinguishing line between youth and the period of maturity. Quite often the same lexemes unite both meanings that are distinguished only in the context. It is important to note that the age from 35 to 50 is especially important for Ancient Greeks as a period of a person’s prime from physical and spiritual point of view, which is characterized by maturity, thorough-out developing of a person, achieving of the highest points in different spheres of life. It is obvious that such evaluation of this period of life determined, correspondingly, a great number of lexemes denoting it.

The other periods are represented rather evenly: birth (8), e.g.: γένεσις, ἡ; γένος, τό; ἔξοδος, ἡ; γονή, ἡ; childhood (6), e.g.: παιδία, ἡ; ὀλιγοετία, ἡ; νηπιότης, ἡ; youth, adolescence (7), e.g.: ἡβη, ἡ; κουροσύνη, ἡ; ἐφηβεία, ἡ; νεότης, ἡ; old age (10), e.g.: γῆρας, τό; ἔσπερος, ὁ; βαθύ, τό; παλαιότης, ἡ; death (11), e.g.: πέρας, τό; τέλος, τό; τέρθρον, τό; τέρμα, τό; τελευτή, ἡ.

Some of the studied lexemes have a strong semantic connection with nature phenomena and processes, space characteristics and local identification of limits, as well as outer characteristics of objects: πέσημα, τό fall, drop/death; βαθύ, τό depth/advanced age; ἀρρενωπία, ἡ courageous appearance/maturity; τέρθρον, τό end, edge/death, decease; demise; φέγγος, τό day light/life; πέρασις, ἡ crossing, ferrying/passing away; ὀπώρα, ἡ fruit/maturity, bloom, blowing, blossoming, prosperity; ὄνυξ, ὁ nail/early childhood; ἄνθος, τό flower/bloom, blowing, blossoming.

Lexico-semantic group of age, periods of development and formation correlates with the group of nouns denoting persons due to their age. Such nouns have double space-time attribution, as, on one hand they take into account outer characteristics of persons due to a certain age, and on the other hand,

they contains information about relations between persons at temporal axis, linearly.

It should be noted that in this subgroup the concept “child” is a key one, it realize extremely important both to a person and to a collective body idea of continuation of life, family, ensuring and keeping the traditions of the past in future. In Ancient Greek such concept is realized in 32 lexemes, particularly: γέννημα, τό; γόνος, ό; θρέμμα, τό; νεοσσός, ό; όζος, ό; παίς, ό; σκύμνος, ό, ή; τόκος, ό; φέρμα, τό etc. As a whole the idea of “descendant”, “offspring”, “transmitter of life” is represented in the semantics of 50 nouns.

As to world-view of Hellenes lexico-semantic group of “phase of time, intervals and actions” is significant. In lexemes of this subgroup such important concepts as “beginning” and “end” and their reflection in the axis of human life – “life” and “death” – are verbalized. It is worth to note quantitative indices of analyzed units. The meaning “end, accomplishment, completion, fulfilment” contains in its structure 56 lexemes. Almost all of them can be used as well to denote the end of the life, that is, death. The idea of the beginning is denoted by 17 lexemes, which can also denote the birth, the beginning of life.

Lexemes with the meaning “beginning”/“end” are characterised by different semantic structure, denoting different aspects of marked limits at the time axis. For instance, subgroup “the beginning” includes units with the meaning of “birth” — απογέννησις, ή; απότεξις ή; γενεά, ή; γένεσις, ή; γενετή, ή; γονή, ή; “the beginning of the action” — πρώτα, ή; είσβολή, ή; αρχή, ή; αρχηγόν, τό; στοιχείωμα, τό; “the introduction, beginning” — προοίμιον, τό; προτέλεια, ή; φροίμιον, τό etc. The words denoting “attempts, undertaking”, that is, πείρα, ή; πρόβλημα, τό; πρώρα, ή; σπερματικόν, τό; προαναχώρησις, ή should be particularly noted. Words with such meaning contain the temporal component, denoting an action that began, that had its point at the time line as the beginning and may still be in a process.

Subgroup with the dominance of “completion” is characterised by bigger quantity and wide

semantics: άπάρτισις, ή/άπαρτισμός, ό/άποτελείσις, ή/άποτελεύτησις, ή/παντέλεια, ή/προσθήκη, ή/τέλος, τό/τέλειον, τό/τελειότης, ή/τελείωμα, τό/τελείωσις, ή as “the end”, αποβίωσις, ή/σκότος, ό/ώρα, ή as “death/the time of death”; διάλυσις, ή/ανάκωχή, ή/ανάστασις, ή/άπόστασις, ή as “destruction/stopping/disintegration”, απόλειψις, ή/καταστροφή, ή as “death/quitting”; έξοδος, ό as “stopping/disappearing/death”; τέκμαρ, τό/τέλσον, τό/τέρθρον, τό/τέρμα, τό “limit/aim”; τελευτή, ή/πέρας, τό as “ending/realization/end”; άπαλλαγή, ή/κατάπαυσις, ή/άτέλεια, ή as “stopping/release”; άποτέλεσμα, τό as “ending/result” etc.

This group appeared to be wider, as the concept “finishing” appeared to be the base for forming of numerous related concepts: “death”, “the end of life” of a person (άπόλειψις, ή), “ending” of an event, a phenomena or an action (διαπολέμησις, ή; άπαλλαγή, ή; άνακωχή, ή), “disappearing” (άφάνισις, ή/κρύψις, ή), “destruction” (άναίρεσις, ή), “liberation” (άνάλυσις, ή), “ending of the development”, “highest point” (άπάρτισις, ή; έξεργασία, ή), “extreme/limit” (έσχατον, τό), “accomplishment” (άνυσις, ή).

The usage of lexemes “death”, “collapse”, “destruction” in the meaning of “end” is absolutely correspond to the very reality of the life in the ancient time as it was severe, difficult, tough, full of wars, illnesses, nature cataclysms. That is why the end for Ancient Greeks usually associates with full stopping of existence, death. For a contemporary person death and ending are different, though sometime close concepts. As to Greeks, we can, for instance, find such expressions as “the death of a sun” in the meaning of “sunset” ήλιου φθινάσματα (from φθινάω — to perish), or φθινόπωρον as collapse όπώρα — the end of the summer, the time of harvesting. So in Ancient Greek lexico-semantic subgroup “finishing” includes units that express the idea of full realization, complete ending, finishing. The quantity of the units in the group, obviously, indicates a special comprehension by Greeks of short duration of existence, inevitability of the end and ending of any state, process, one’s own existence.

Ethno-specific features of language objectivation of concept sphere of time denote lexemes groups that name stage of a year, day cycle, marking important periods of agricultural calendar, events of socio-political life etc.

The names of seasons and months in Ancient Greek are strongly connected with the state of nature in a correspondent period, typical agricultural work, and with the names of the gods-protectors of the seasons.

It is interesting that often names of months of Ancient Greece calendar are made from names of particular celebrations that are devoted to concrete gods that were honoured in this exact month. The names of months include in a condensed form important information of history-cultural contains about customs and traditions of the people. For example, Ἑκατομβαιῶν as a name of a month is derivative from the word «ἐκατόμβη», that means a great ceremonial sacrifice of hundreds of bulls. Μεταγειτνιών is a derivative from the holiday Μεταγείτνια (Μεταγείτνια is a holiday of neighbours' changing), when there is a housewarming party. Γαμηλιών is a derivative from the holiday of γαμηλία (γάμος, ὁ — marriage, wedding) in honour of the marriage between Zeus and Here, a month of weddings, when marriages are celebrated. Πυανεψιών from the name of Athenian holiday Πυανέψια, when in honour of Apollo and Athena beans were cooked.

So, Ancient Greek names of months give information not only about particular period of a year cycle, but denote an object of worship in a certain region in a definite period of time, the character of addressing and asking a god (marriage, fertility, wealth, home prosperity etc.) that, as a whole, often meet general changes in the nature itself.

Denoting of a day cycle in Ancient Greek also has its specifics. The day was divided into six parts: three are of a day time (πρωΐα, ἡ morning; μεσημβρία, ἡ midday; δείλη, ἡ afternoon), and three are of a night period (ἑσπέρα, ἡ evening; μέση νύξ midnight; ἔως, ἡ (ἑσπέρα, ἡ evening; μέση νύξ πύβητις; ἔως, ἡ dawn). Also

there were such specific definition of time as ὄρθρος, ὁ the time of getting up; περιπλήθουσιν ἀγοράν when the agora is full of people; περιλύχνων ἀφάς when they light on the lanterns; περιπρώτων ὕπνον the time of the first dream. In army camps the night is divided into three (sometime five) guards — φυλακή, ἡ: the first is from sunset till the midnight, the second is from midnight till two a. m., the third is from 2 a. m. till sunrise. Of course, there were a division into hours, but as different seasons have different duration of hours, such division could not be ideally accurate.

The specific of organization of social-political life of Hellenes is revealed in the process of the analysis of lexico-semantic groups of nouns denoting holidays, rituals and rites. Temporal semantic of heortonyms is shown especially bright under the terms of their realization of a calendar function [1, 47–49]. Such functioning of names of holidays and rites is a universal ethno-cultural and ethno-language phenomenon. In Ancient Greek they appear to be very informative. Besides indication of a certain type of individual action, these lexemes contain satellite information of temporal nature, as holidays, rituals and rites are usually connected with the concrete time of realization and are different in their length. An important component is an indication of an object of worship (a certain god, i. e. Διονύσια, τὰ Dionysia, Φερρεφάττια, τὰ Ferrefattia (holidays in honour of Persephone); Λήγναια, τὰ Linea (Athenian holiday of viniculture in honour of Bacchus) or the very participants of the rite (i. e. βουφόνια, τὰ a holiday of a bull slaughter; γάμος, ὁ marriage, wedding ceremony; γενέθλια, τὰ birthday celebration). Ritual vocabulary has a special component as well, as a great number of holidays were introduced in different regions and districts of Ancient Greece and for a native speaker names of holidays or rites were sure to evoke an association with its localization (i. e. Ἴσθμια, τὰ Isthmian Games; Ὀλύμπια, τὰ Olympic Games; Παμβοιώτια, τὰ Pamboiotia (Boeotian holidays)). So, heortonyms of Ancient Greek in a compact form contain important information about time, place and actual participants of action.

There can be distinguished lexemes that have a characteristic of a period, indicating directly a season or a day time, i. e.: περίορθρον, τό a dawn; δειλη, ή/όψια, ή an evening, a time after a midday; ξαρ, τό/έωθινή, ή/ήοιή, ή/πρωϊα, ή a morning; ένδιον, τό/μεσημβρία, ή a midday; έσπερα, ή an evening; έωθινόν, τό early morning; ήμαρ, τό/ήμέρα, ή/ήμερία, ή day, daytime; νυχθήμερον, τό day and night, 24 hours; νύξ, ή night; σήμερον, τό today; δευτεραία, ή/έτέρα, ή/έπιουσα, ή tomorrow, the next day; ύστερα, ή/ύστεραία, ή tomorrow as a later day; έπισκότησις, ή/άμαύρωμα, τό solar eclipse; πανσέληνος, ή full moon; διχομηνια, ή a middle of a month that is full moon; αύξοσέληνον, τό/νουμηνια, ή a new moon; ένη, ή the day after tomorrow, the last day of the month as well; έτος, τό/ώρος, ό a year; ώρα, ή/ώραία, ή a season; χειμών, ό, χειμερινά, τά winter; θέρος, τό summer.

The group that gets temporal meaning through association, metaphorical transfer of meaning, attribute of the denoted time interval is considerably big: άκροκνεφές, τό twilight, dusk, a period between a sunset and night or at a period before the sunrise (is associated with this period because of characteristic “there is no sun, but it is not dark, the lack of light”; άμφιλύκη, ή before-dawn twilight (direct indication of a morning); φάσις, ή morning (*literally* appearance, rise); αύγή, ή morning (initial meaning — light; at the dawn sunlight appeared); φάος, τό/φώς, τό day (*literally* light); φέγγος, τό day (*literally* light, shining); φθίνασμα, τό sunset (disappearance, from φθίνω die); βουλυτός, ό twilight, evening (*literally* the time of unharnessing of bulls); δυσήλιον, τό/ζοφερόν, τό/ζόφος, ό/ήλύγη, ή/άμολγός, ό/σκότος, ό night (darkness, absence of sunlight); έκλειψις, ή eclipse (*literally* disappear-

ance); εύφρόνη, ή night (euphemism; *literally* benevolent); ήλιοκαΐα, ή/θερμόν, τό summer day (*literally* sun heat); ήλιος, ό day (*literally* sun, a day-long way of the sun); θάλπος, τό/άλεα, ή/είλη, ή/διάκαυμα, τό summer (*literally* warm, summer heat); δράγμα, τό harvesting (*literally* sheaf, handful); άροτος, ό/συγκομιδή, ή the time of harvesting (*literally* agriculture, ploughing) etc.

To sum up the analysis of lexico-semantic groups of nouns of temporal semantics we are to note a definite insufficiency of vocabulary of temporal semantics as a whole and an active part in denoting of time meaning in certain contexts of units of indirect temporal meaning when there is an often stratifying of temporal semantics onto the space one. The general types and characteristics of the space and objects in it appeared to be the base for temporal vocabulary that is a representation of peculiarities of changes in a state of an object in the space according to a particular time interval.

Some nouns can directly denote a concrete period of time or moment of time, event or state. There is also a big group of units that realize a function of naming a temporal aspect through a figurative meaning, association. The denotation of one moment may be formed by a complicated construction, in a descriptive way, on the other hand, the concentration in one lexeme of information of not only temporal but space, culture-historical etc. nature. A special nature of denoting of different aspects of temporal relations of Ancient Greek nouns is determined by realities of the very life of Ancient Greeks, peculiarities of social and life mode, set ideas of world organization and a person's place in it. Different time intervals, seasons, time of the day are defined and get their special names depending on occupation, profession.

References:

1. Bocharova I. V. Functional-semantic analysis of names of names of holidays in honour of Jesus Christ and the Blessed Virgin Mary (Funktionalno-semantichnyy analiz naymenuvan svyat na chest Isusa Khrysta ta Presvyatoyi Divy Mariyi) // Functional Linguistics: a collection of scientific works / ed. A. N. Rudjakov. – No. 5. – Simferopol, – 2013. – P. 47–50 (in Russ.).

2. Dvoreckij I. H. Ancient Greek-Russian Dictionary. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, – 1958. – V. 1 A–Λ. – 1028 p; – V. 2: – Μ–Ω. – 1905 p. (in Russ.).
3. Stepanov Ju. S. Indo-European Sentence (Indoevropskoe predlozhenie). – Moscow: Nauka, – 1989. – 247 p. (in Russ.).
4. Testelec Y. G. Observations of the Semantics of Opposition of “noun / verb”, “noun / adjective” (problem statement) (Nabljudenija nad semantikoj oppozicii «imja/glagol», i «sushhestvitelnoe/prilagatel’noe» (k postanovke problemy) // Parts of the Speech. – Moscow: Nauka, – 1990. – 267 p. – P. 77–95 (in Russ.).
5. Croft W. Semantic and Pragmatic Correlates to Syntactic Categories // Papers from the Parasession on Lexical Semantics / ed. by D. Testen, V. Mirshra, and J. Drogo. – Chicago: Linguistic Society, – 1984. – P. 53–70.
6. Heine B. Grammaticalization. A conceptual framework / B. Heine, U. Claudi, Fr. Hünemeyer. – Chicago: University of Chicago Press, – 1991. – 318 p.
7. Slaglevan U. Language, thought and perception. A proposed theory of meaning. – Paris: Mouton, – 1974. – 60 p.

Section 2. Literature

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-54-59>

Jianghua Han,
Research Institute for Languages and Cultures of Asia,
Mahidol University, Thailand
E-mail: hanjianghuathai@sina.com

POETIC THOUGHT AND MIND STYLE: THE RELATION OF POETIC METAPHOR AND LITERARY CREATION

Abstract: Poetry is a kind of literary art expressing human thoughts and emotions, and lyricism is the essential attribute of poetry. Because human emotions are abstract, in order to express these abstract emotions vividly, it needs the poets' poetic thought and poetic metaphors, which are constructed based on the poetic thought. Poetic thought provides a mode of thinking for the construction of poetic metaphor; and the poetic metaphor is the best way to achieve poetic thought. When the poets, under the guidance of poetic thought, construct poetic metaphor, they are bound to integrate into their own worldview, and will have different construal of level and perspective for the entity so as to have different prominent perspectives, and construct different poetic metaphors. And these different poetic metaphors happen to be able to reflect different poets' mind style.

Keywords: Poetic metaphor; Poetic thought; Mind style; Relationship.

Poetic metaphor has a close relationship with poetic thought and mind style. In this paper we will take the poetic metaphors that express the main characters' emotions in *A Dream of Red Mansions* as examples to make a detailed analysis of the relationship between "poetic metaphor" and "poetic thought and mind style" as well as the relationship between the artistic achievement in *A Dream of Red Mansions* and poetic thought and mind style.

1. Poetic thought and poetic metaphor

In daily life, the common way of thinking is logical thinking using concepts, judgments, and reasoning to reflect and understand the real world. However, poetic thought uses the mechanisms of everyday thought, but it extends them, elaborates them, and combines them in ways that go beyond the ordinary [1].

Poetic thought, also known as original thought, refers to a special way of thought common in childhood. Its characteristics include absence of a distinction between subject and object, use of the imagination to transition subjective emotional to the objective things, and the ability for the objective things to become the carrier of subjective emotions so as to create a main realm of integrating the mental concepts and entities [2]. In other words, poetic thought originates from reality but transcends reality. Many things which are impossible from the perspective of science or common sense of life can be possible in poetic thought. Poetic thought uses a means of integration beyond logic in which it integrates seemingly unrelated or contradictive entities, so as to create a realm of simulation and implied meaning.

Although poetic thought uses the mechanism of everyday thought, it is very different from everyday thought. First of all, the poetic thought is counterintuitive; it is not constrained by logical thinking and fixed thinking, but rather through the use of peculiar imagination to create a smart artistic conception of poetry. Poetic thought often uses peculiar imagination to create a magnificent, deep and far-reaching mood; the best means to achieve this purpose is the poetic metaphor. Let us take the poem *Chant White Begonia* in *A Dream of Red Mansions* as an example. From common sense we can know that, in any case, the ice cannot be possibly used to cultivate the soil of the white begonia. However, the poet uses jumping and fantasy thoughts to create such a seemingly unreasonable poetic metaphor, making the impossible things possible, so as to praise the pure white of the white begonia and to enhance the poetic mood. Later, the poem integrates the reality and fantasy by integrating the white of the begonia flowers and the white of the clothes. Through the image of a sad girl in boudoir who used the white gown of the goddess to wipe tears, the poet vividly presents Lin Daiyu's inner sadness. In this poem, from the flower to person, then from the person to goddess, all of these poetic metaphors are full of magnificent imagination and fantasy.

Another characteristic of poetic thought is that it will create artistic conception, which can fuse emotions and scenes. The artistic conception of poetry is neither the water without a source nor the wood without roots. The creation of poetic artistic conception must rely on the integration of subjective emotions and objective entities, leaving emotions with imagery and using imageries to convey emotions so as to create a lifelike artistic conception of poetry. Let us take the poem *Peach blossom* in *A Dream of Red Mansions* as an example.

This is a poem of the circumstances that excited the poet's feelings. The whole poem fuses emotions and scenes very well so as to make the imageries of the poem vividly. The whole poem uses gorgeous language

and strong emotions to show the inner sadness and pain of Lin Daiyu. Through the multifaceted comparison between the bright, colorful peach and the lonely person, the poet creates an aristocratic girl's self-image, full of worry, resentment and inability to extricate. Lin Daiyu uses the peach blossom to metaphorize herself, expressing her strong inner emotions. The line “泪眼观花泪易干，泪干春尽花憔悴 (As she gazes at the blossom her tears run dry, her tears run dry, spring ends, blooms fade away;)” is the self-portrayal of Lin Daiyu. Lin Daiyu burst into tears when she saw that the peach blossom expresses her inner depression. Lin Daiyu had been oppressed by feudal ethics and depended on the Jia family for a living; she is more and more lacking confidence for her ideal love. When faking the great and beautiful spring and blooming peach, Lin Daiyu's heart was deeply touched. Therefore, the poet (Lin Daiyu) uses the blooming peach to metaphorize herself, expressing that she wanted to break through the shackles and enjoy the spring sunshine. In the poem, the poet (Lin Daiyu) takes advantage of the scene of blooming peach to express her inner emotions of sadness and sorrow, showing a colorful personality.

We can understand the significance of poetic thought in poetry creation through the above analysis. Poetic thought is actually a kind of creative thought, which is beyond conventional thought. It requires the poet to jump out of everyday thought mode, thinking things that others do not think and writing things that others do not write, so as to make the poetry have a new insight and conception. At the same time, poetic thought is also an emotional thought that requires poems to express their true emotions. In addition, poetic thought is also a kind of image thought which requires poets to create fresh and lively imageries as well as graceful artistic conceptions within the poems so as to enhance the appeal of poetry. It can be seen that the way of thinking used in the creation of poetry will usually determine the success or failure of the creation of a poem. Furthermore, the best means of achieving the use of poetic thought in the creation of poetry is

poetic metaphor. Poetic metaphors have the characteristics of romance, obscurity, as well as personal touch. These characteristics are consistent with the requirements of poetic thought so that the two complement each other: the poetic thought are achieved through the use of poetic metaphor, and the poetic metaphor creates brilliance under the guidance of poetic thought.

2. Mind style and poetic metaphor

Mind style refers to consistent structural options, in agreement with cutting the present world to one pattern or another, thereby giving rise to an impression of a world-view [3]. In other words, the mind style is a linguistic representation of individual's mental cognition of the real world. General speaking, mind style is a description of the human worldview. Different people may have different worldviews, and individual worldviews will be based on a person's personal knowledge, prejudices, beliefs, disabilities, challenges, preferences, as well as how people process information.

In the creation of poetry, the poets are bound to integrate their worldviews into their poems and construct poetic metaphors based on their own worldviews. That is, different poets will choose different entities to construct poetic metaphors under the guidance of their own worldviews for the same given entity. At the same time when using the same entity to construct poetic metaphor, because of different worldviews, different poets will have different construals; the different perspectives or levels of construal will lead to a different focus of aspect and different highlight perspective of an entity so as to construct diverse poetic metaphors, thereby expressing different emotional experiences. Therefore, from this point of view, poetic metaphors often can reflect and embody the mind style of a poet. Here we take the poems of *Chant chrysanthemum*, white begonia, and crab, which are written by the three main characters of Jia Baoyu, Lin Daiyu and Xue Baochai in *A Dream of Red Mansions*, as the examples to analyze how the poetic metaphors reflect and embody the mind styles of the poets.

Each of the poets of these poems use the things, whether it be chanting chrysanthemums or white begonia, or crabs, to metaphorize people and use things to construct poetic metaphors to express their inner emotions. For the same entities (chrysanthemum, white begonia, and crab), three poets (Lin Daiyu, Xue Baochai and Jia Baoyu) construe the entities from different perspectives under the guidance of their own worldviews, and obtain their individual cognitions. Through the participation of poetic thought, the poets construct distinctive poetic metaphors thereby expressing their inner thoughts and emotions. In Lin Daiyu's poems of chrysanthemum and white begonia, the protruding features are that the chrysanthemum and white begonia open in the cold season and have an aloof character, unlike other flowers. The poet (Lin Daiyu) uses flowers to metaphorize herself, and uses the characteristics of flowers to express her own gentleman feelings to express her life attitude which is incompatible with the secular. Because Lin Daiyu has proud gentleman feelings and is not in cahoots with the secular, she opposed the imperial examination career and pursued free love. Her worldview does not match with the society that she lived in. Therefore, she felt lonely and depressed. For this reason, her poems often express the emotions of desolation, sadness, and grief, in addition to other feelings. Jia Baoyu is a wealthy idler; he opposed the feudal ethics, did not read Confucian classics, did not participate in the imperial examinations, and pursued the idea of equality for all. For this reason, the poems of Jia Baoyu mainly wrote about eating and drinking, so as to express his attitude of apathy toward political affairs. The poetic metaphors, which are constructed by Jia Baoyu, such as the poetic metaphors of “杯酒 (Wine and wine glasses)”, “离愁 (Parting melancholy)”, “贵妃 (Imperial concubine)”, and “西子 (Beauty)”, “冰作影 (Shadow of ice)”, all are related to his own enjoyment with feasting and other kinds of entertainment. Furthermore, this is in line with the identity of Jia Baoyu as a wealthy idler. Through the description of the things

that do not work properly in the eyes of secular, the poet (Jia Baoyu) expresses his deviant thoughts and ideas. However, Xue Baochai belongs to the orthodoxy of the feudal era; she was familiar with the ways of that world, was smooth and slick in establishing social relations, and respected the imperial examination. By using the flower to metaphorize a person, unlike the poems of Lin Daiyu and Jia Baoyu, the poems of Xue Baochai express the thought and emotions of following with the requirements of the times and accurate knowledge of her place in society. Furthermore, in the poem of the crab, Xue Baochai uses the crab to metaphorize the inferior man, and she scathingly criticized the inferior man. This fully reflects Xue Baochai's penetrating skill of dealing with things.

In short, for the same entities, the three different poets (Jia Baoyu, Lin Daiyu and Xue Baochai), construct different poetic metaphors from different perspectives so as to express different emotions, reflecting their different mind styles. Lin Daiyu has proud gentleman feelings and is not in cahoots with the secular, she opposed the imperial examination career and pursued free love. Jia Baoyu opposed the feudal ethics, did not read Confucian classics, did not participate in the imperial examinations, and pursued the idea of equality for all. Xue Baochai belongs to orthodoxy of the feudal era, she was familiar with the ways of that world, was smooth and slick in establishing social relations, respected the imperial examination, used a penetrating skill for dealing with things, followed the requirements of the times, and accurately knew her place in society.

Of course, these mind styles were assigned to these three characters by the author Cao Xueqin in the novel *A Dream of Red Mansions*. This is arranged by the author in order to create different types of characters. The mind styles of the characters in the novel are essentially the author's own mind style. The author Cao Xueqin is good at using chanting objects to construct the corresponding poetic metaphors to imply the personality characteristics of characters in the nov-

el *A Dream of Red Mansions*. This creates a large number of typical characters in their typical environments. Through the arrangement of mind styles for characters we can see the contradiction of Cao Xueqin's worldview. On one hand, he was against the decadent feudal rule; on the other hand, he also constantly had the thought of “补天 (repairing the heavens)”. The contradictory worldview of the author Cao Xueqin is displayed most vividly through the poetic metaphors in the novel *A Dream of Red Mansions*.

3. The relationship between poetic thought, mind style, and the artistic achievement of *A Dream of Red Mansions*

The novel *A Dream of Red Mansions* is called a poetic novel, it contains more than 200 poems which effectively participate in the characterization of the characters and the promotion of the plot. This is also because this novel shines with boundless radiance of poetic thought in the text. Through a large number of poetic metaphors, the author Cao Xueqin creates a large number of characters that have different mind styles which leave the readers with an unforgettable impression. The whole novel starts with an ugly stone, which is unfit to mend the azure sky. This ugly stone traveled in the world of the human and experienced the joys and sorrows, the partings and encounters, and the warm and cold treatment of human life; thereby forming the novel *A Dream of Red Mansions*. It can be summarized through the following except:

满纸荒唐言，一把辛酸泪！
都云作者痴，谁解其中味？

Cao Xueqin [6, P. 6-7]

Pages full of fantastic talk,
Penned with bitter tears;
All men call the author mad,
None his message hears.

(Yang Xianyi and Gladys Yang, 1999: 3)

It is the large number of fantastic and magnificent poetic metaphors that most vividly show the mind styles of the characters in the novel that leave a deep impression for readers. Each of the twelve beauties

of Jinling who appear in the novel *A Dream of Red Mansions* has her own unique mind style. This is also the success of this novel: characters which lack similar personality characteristics or mind style highlight different personality characteristics.

4. Summary

In this paper, we discuss the relationship between “Poetic thought and mind style” and “poetic metaphor”. Poetic metaphor have a close relationship with poetic thought and mind style. Through the analysis, we clearly know the significance of poetic thought in poetry creation. Poetic thought is actually a kind of creative thought which is beyond conventional thought; it requires the poet to jump out of everyday thought mode to think about things that other people do not think and to write things that others do not write so as to make the poetry have a new insight and conception. At the same time, poetic thought is also an emotional thought which requires poems to express the true emotions. In addition, poetic thought is also a kind of thought of imagery which requires that the poets create fresh and lively imageries and graceful artistic conceptions in the poems so as to enhance the appeal of poetry. Therefore, it can be seen that the way of thinking that is used in the creation of poetry will usually determine

the success or failure of the creation of a poem. Furthermore, the best means of achieving the use of poetic thought in the creation of poetry is poetic metaphor. The poetic metaphor has the characteristics of romance, obscurity, as well as personal touch. These characteristics are consistent with the requirements of poetic thought, and the two complement each other. Poetic thought is achieved through the use of poetic metaphor, and poetic metaphor creates brilliance under the guidance of poetic thought. In creation of poetry, poets are bound to integrate their worldviews into their poems and construct poetic metaphors based on their own worldview. For the same given entity, different poets will choose different entities to construct poetic metaphors under the guidance of their own worldviews. At the same time, when using a same entity to construct poetic metaphor, different poets will construe these entities in different manners due to different worldviews. These different perspectives or levels of construal lead to different focuses of aspects and different highlighted perspectives for an entity so as to construct diverse poetic metaphors which express different emotional experiences. Therefore, poetic metaphors often can reflect and embody the poet’s mind style from this point of view.

References:

1. Lakoff G., & Turner M. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. Chicago: The University of Chicago Press, – 1989, – P. 67.
2. Lin X.L. 林雪铃. 以“启发诗性思维”为导向的新诗教学设计及其实作成果分析, 文传学报 2009 年第 8 期. Translation: Lin X.L. New poetry teaching design and its achievements based “inspired poetic thinking”. Journal of Literature, – 2009. – 08.
3. Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik. Eine Einführung Tübingen: Niemeyer, – 1991, – P. 76.
4. Briggs J., & Monaco R. Metaphor: The logic of poetry: A handbook. New York: Pace University Press, – 1990.
5. Cai Y.J. 蔡义江. (2001). 红楼梦诗词曲赋鉴赏. 北京: 中华书局, – P.2247. (Translation: Cai, Y.J. Appreciation of poems in a dream of red mansions. Beijing: Zhonghua Book Company, – 2001. – P. 247.)
6. Cao X. Q. 曹雪芹 & 高鹗. – 1999. 红楼梦 (重印). 北京: 人民文学出版社. (Translation: Cao X.J. & Gao E. – 1999. A Dream of Red Mansions (Reprinted). Beijing: People’s Literature Publishing House).
7. Fanlo Piniés, M. The minds and mental selves of characters in prose fiction. Unpublished PhD thesis. Lancaster University, – 2006.

8. Geeraerts A. Theories of lexical semantics. – New York: Oxford University Press, – 2010, – P. 203–210.
9. Gavins J., & Gerard S. (eds). Cognitive poetics in practice. – London: Routledge, – 2003.
10. Lakoff G., & Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, – 1980, – P. 85–109.
11. Li F. Y., 李福印. 认知语言学概论. 北京: 北京大学出版社, – 2008. – 131–143. (Translation: Li F. Y. An introduction to cognitive linguistics. Beijing: Beijing University Press, – 2008. – 131–143).
12. Norbury C. F. The Relationship between theory of mind and metaphor: Evidence from children with language impairment and autistic spectrum disorder. *British Journal of Developmental Psychology*, – 2005, – 23, – P. 383–399.
13. Semino E. Mind style. *Elsevier Encyclopedia of Language and Linguistics*, – 2005, – P. 142–148.
14. Semino E., & Kate S. Metaphor and mind style in Ken Kasey's one flew over the Cuckoo's nest. *Style*, – 1996, – 30 (1), – P. 143–166.
15. Semino E. Mind style 25 years on. *Style*, – 2007, – 41 (2), – P. 153–203.
16. Semino E. A cognitive stylistic approach to mind style in narrative fiction. In Semino E. & Culpeper J. (eds) *Cognitive stylistics: Language and cognition in text analysis*. Amsterdam: John Benjamins, – 2002, – P. 95–122.
17. Stockwell P. *Cognitive poetics: An introduction* [M]. London: Routledge, – 2002.
18. Yuan W. A cognitive poetics of Kinaesthesia in William Wordsworth. Unpublished PhD thesis, University of Nottingham, – 2013.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-60-65>

*Isaieva Natalia Stanislavivna,
doctorant*

Ph. D. of Philology, Docent

Taras Shevchenko National University of Kyiv,

Institute of Philology,

Department of Languages and Literatures of Far East and Southeast Asia,

E-mail: inattalia@gmail.com

REINTERPRETATION OF THE MYTHOLOGICAL IMAGE OF NYUVA IN PROSE BEE SHUMIN 1990'S.

Abstract: the article presents an analysis of the reinterpretation of the mythologemes associated with the image of Nüwa in the works “The Birth Cycle” and “The Sky Stone”, written by modern Chinese writer Bi Shumin. The main attention is given to the analysis of the mythologemes: “goddess-mother- progenitor”, “woman-demiurge-guardian”.

Keywords: reinterpretation, mythology, Nüwa, Chinese female prose, Bi Shumin.

Исаева Наталья Станиславовна

докторант кафедры языков и литературы

Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии

кандидат филологических наук, доцент

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,

Институт филологии,

E-mail: inattalia@gmail.com

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА НЮЙВА В ПРОЗЕ БИ ШУМИН 1990-Х ГГ.

Аннотация: в статье представлен анализ реинтерпретации мифологем, связанных с образом Нюйва в повестях современной китайской писательницы Би Шумин «Череда рождений» и «Камень для починки неба». Основное внимание уделено анализу мифологем: «*богиня-мать-первопредок*», «*женщина-демиург-защитница*».

Ключевые слова: реинтерпретация, мифологема, Нюйва, китайская женская проза, Би Шумин.

Тенденция переосмысления национальных мифов появляется в женской прозе (вначале западной, а затем и китайской) во второй половине XX в. под влиянием феминистических теорий, стремящихся очистить культуру от искаженных концепций «женского». Развивается идея о зависимости составителей мифов от патриархального

мировоззрения, в результате чего устойчивые мифологические конструкции способствуют укреплению андроцентричной реальности [4, 548]. То есть все архетипные образы и символы отражают коллективное мужское бессознательное (а в канонизированных литературных обработках — мужское сознание). Критики-феминистки

(в частности М. Дейли, Л. Терел и др.) утверждают, что женщины были лишены своего «божественного имени» и призывают писательниц выявлять слова/символы женского прошлого и возвращать их к жизни как средство достижения власти [8, 189]. Таким образом, целью реинтерпретации мифов, по мнению Дж. Капути, является приобретение женщиной «власти над словами и символами» и новое осознание «женского начала (с точки зрения самих женщин)» [4, 547].

Феминистки также опровергают тезис о том, что мифы отражают представления о «женственности», и признают, что мифы формируют такое представление. Об этом свидетельствует и процесс «мужской» концептуализации мифов, когда последние становятся средством выражения «художественно-эстетических, религиозных, нравственных, философских и др. идей» [6, 46]. Речь идет о теориях возникновения и упадка матриархата, где царил культ женского божества — Великой Богини (или Великой Матери), описанных в работах Э. Ноймана, Р. Грейвса, А. Эванса, Дж. Фрэзера и др. Британская исследовательница Д. Перкисс критикует эти теории за обоснование закономерности возникновения патриархата, а также исключение женщины из сферы цивилизации и литературы [7, 568–570].

Внимание авторов-женщин в мифах привлекают прежде всего женские образы, которые по-разному трактуются феминистками. Дж. Капути, К. П. Крайс, М. Дейли культивируют образ Великой Богини как воплощение женской положительной свободы, а также наделяют женское словесное творчество магическим/ритуальным смыслом [4, 547]. Иных позиций придерживаются Д. Перкисс, Д. Харравей, которые видят в культе Великой Богини мужскую концепцию «феминности», подчеркивающую негативную «инаковость» женской природы (воплощение темной стороны человеческой психики) и отрицающую возможность реконструировать первоначальную женскую культуру через культ этой

богини. Противоречивые взгляды феминисток все же сходны в признании того, что патриархальные мифы укрепляют асимметрию гендерной реальности и искажают образы сильных строптивых богинь негативной символизацией. «Переписывая» мифы, авторы-женщины «часто переносят фокус повествования с героя на героиню», при этом их тексты «не только отражают реалии и опыт жизни, но и дают положительные образцы поведения» [7, 567].

В китайском мифологическом пантеоне наиболее ярким воплощением Великой Богини является Нюйва (女媧). Она связана с рядом мифологем, главные из которых: «*богиня-мать, первопредок человеческого рода*», «*женщина-демиург-защитница*».

Как *первопредок* Нюйва — зооантропоморфное существо, имеющее голову человека и тело змеи (эхо тотемизма). Она слепила людей из желтой глины — богатых, знатных и ученых, а затем, с помощью погружения веревки в простую глину сделала остальных — бедных и неучей [12, 126]. В позднечжоуском Китае (907–960) Нюйва приобретает статус первопредка всего человеческого рода [1, 385]. По мнению Л. Васильева, из этого подчас делают вывод, что «миф о Нюйва отражает матриархальные традиции» [2, 235]. В поздних конфуцианских и даосских канонах Нюйва сочетается с богом Фуси как братом или мужем. Э. Яншина подчеркивает, что, «хотя Фуси и оттеснил Нюйва, заняв место первочеловека в историзированной мифологии ..., в народных верованиях он подчиняется Нюйва и принимает на себя ее черты и характер» [12, 125].

Как *демиург* Нюйва после всемирного потопа (в текстах «Лецзы» и «Лунь хэн» Ван Чуна [12, 130], вызванного битвой духа воды Гунгун и духа огня Чжунжуна), залатала небо расплавленными камнями пяти цветов, отрубила ноги гигантской черепахе и подперла ими полюса небосвода, убила Черного дракона и спасла от гибели людей [11, 51–52]. Важно, что Нюйва становится центральным женским божеством космогонических

мифов и в начальный период эпохи Хань (II в. до н. э.) заносится в число наиболее почитаемых конфуцианских предков.

Образ Нюйва и связанные с ней мифологемы нашли отражение в прозе китайских писательниц 1990-х гг., а именно: повести Сюй Кун «Нюйва», повести Чень Жань «Чжипяньэр» (буквально «Лист бумаги») и др. Особого внимания заслуживают повести Би Шумин «Черда рождений» (毕淑敏 《生生不已》, 1995) и «Камень для починки неба» (《补天石》, 1995), в которых автор проектирует описанные мифологемы на судьбы представительниц своего поколения (Би Шумин родилась в 1952 г.) Своеобразие интерпретации мифа о Нюйва обусловлено спецификой жизненного опыта писательницы. Би Шумин на протяжении 11 лет (1969–1980) несла службу в рядах Национально-освободительной армии КНР (в Тибете) на должности офицера медицинской службы. После увольнения она продолжила врачебную практику в Пекине, постепенно сочетая ее с литературным творчеством (ее первый роман «Смерть в горах Куньлунь» был издан в 1987 г.). Известный китайский писатель Ван Мэн отметил, что образ мышления Би Шумин, а также модель ее творчества соединяют в себе добродетель/нравственность (道德), литературный талант и способности ученого [16].

Мифопоэтика произведений Би Шумин изучена в Китае недостаточно. Нам удалось найти лишь статью профессора Лу Хайинь «Архетипный образ Нюйва и героини прозы Би Шумин», в которой исследовательница утверждает, что образы матерей в прозе Би Шумин являются вариативным воплощением архетипного образа Нюйва, то есть «наиболее естественного, первичного и величественного образа Матери человечества» [15]. Однако, текстовый анализ показывает, что мифологема «богини-матери» является своеобразной формой (согласно Р. Барту), которую Би Шумин «наполняет» конкретным женским опытом и мировосприятием. Пафосное воспева-

ние материнства уступает место откровенному рассказу о таинственном и подчас трагическом телесном опыте рождения новой жизни.

Повесть Би Шумин «Черда рождений» основывается на идее материнства как телесной связи *мать-дочь*, спроектированной на репродуктивные способности женщины. Главная героиня произведения Цяо Сяньчжи (乔先竹) имеет ассоциативную связь с Нюйва через актуализацию символического значения лексемы 先 «*предки, старшее поколение*». Природу и сущность материнства она осмысливает после потери дочери Цзян Сяотянь (姜小甜), которая рано уходит из жизни вследствие страшной болезни. Перед смертью девочка упрекает родителей в том, что они не любили ее и всегда мечтали о сыне. Автор вводит мотив женской/материнской вины, актуальной для Китая в связи с демографической политикой «одного ребенка в семье». Душевные муки Цяо Сяньчжи, которая не успела сказать дочери о своей любви, раскрывают силу и ценность родственных отношений между женщинами. Героиня чувствует телесную/эмоциональную связь с дочерью и стремится «вернуть» ее, родив заново. Так реализуется вневременная функция материнства (наиболее близкая к мифологической) — обеспечение непрерывности рождения новой жизни, взаимозаменяемости процессов жизни и смерти.

Впрочем, Би Шумин описывает материнство в большей степени как биологический процесс и как природные сверхвозможности женского тела. Ожидая ребенка, героиня возрождается сама, приобретает невероятную силу и волю, которой подчиняется мужская логика и рационализм. Цяо Сяньчжи повторяет: «Я непременно должна еще раз родить ребенка. Это мое личное дело, и вы не должны советоваться с моим мужем»; «... рождение ребенка — это прерогатива женщин» [14]. Таким образом, в процессе рождения жизни автор отводит мужчинам минимальную роль, чем разрушает канонизированное

конфуцианством доминирование Фуси над Ньюва. Би Шумин уделяет исключительное внимание подробным описаниям психо-физиологических состояний женщины во время беременности и родов, подтверждая мысль Д. Перкис о том, что «тело часто указывает на истину, лежащую вне сферы культуры» [7, 574]. Одно из самых ярких описаний воспроизводит процесс родов путем синтеза женского эмоционального и профессионального врачебного опыта Би Шумин: «Схватки — это своеобразная принудительная, разрушающая тебя сила, она мобилизует часть твоего тела, неистово сопротивляясь ему всему. Матка в этот удивительный момент — могущественная владычица, управляющая всем. Она не прислушивается ни к кому, кроме ребенка, находящегося в темноте. Матка — это бунтарка женского тела, которая держится особняком и действует по собственному усмотрению» [14]. Персонализация женского детородного органа отражает доминирование биологической концепции материнства. Заметим, что проблема определения сущности материнства в связи с репродуктивными возможностями женщины до сих пор является предметом ожесточенных дискуссий в западном феминизме, в частности по вопросу: «является ли воспроизведение потомства источником женской беспомощности, или это источник наибольшей женской силы?» [10, 511]. Радикальные и либеральные феминистки (Дж. Аллен, С. Файерстоун и др.) склоняются к первому утверждению, рассматривая деторождение как биологическую «тиранию» и естественную основу зависимости женщин от мужчин [9]. В то же время Ф. Бункле придерживается «матриархального» подхода, при котором рождение ребенка — это источник присущей женщине власти. Контроль мужчин над женскими репродуктивными возможностями оценивается как сублимация их зависти к «женской пугающей творческой силе» [цит. по: 10, 512]. Убедительной, на наш взгляд, является позиция Дж. Б. Элштайн, которая опровергает идеи либе-

рального феминизма (в частности С. Ф. Эпстейн), упрощающие «бытие матерью» до социальной «роли» наравне с бытием клерка, ученого и т. п. Согласно Элштайн, «материнство — это сложная, многозначительная, хлопотная и радостная деятельность, являющаяся одновременно и биологической, и естественной, и общественной, и символической, и эмоциональной. Она несет в себе глубоко резонансные эмоциональные и половые императивы» [3, 222]. Несмотря на то, что в 90-е гг. XX в. в Китае активно усваиваются идеи западного феминизма, они мало касаются проблем деторождения, поскольку государственная политика «одного ребенка» положительно абсолютизирует эту единственную возможность. Поэтому, на наш взгляд, мнение Дж. Б. Элштайн совпадает с концепцией материнства в повести Би Шумин. Биологические репрезентации архаического материнского комплекса Ньюва отражают связь женского природного эмоционального начала с общественным и символическим.

В автобиографической повести «Камень для починки неба» Би Шумин переосмысливает мифологему «богини-защитницы-демиурга» при помощи женской дилеммы между общественным и частным, долгом и чувствами. Такая дилемма возникает с сюжетной линией произведения, отражая опыт автора службы в армии во время «культурной революции» (на проблемном уровне — самоопределение женщины в специфическом маскулинном пространстве). Проекция образа Ньювы на главную героиню повести Чжу Дуаньян (朱端阳) происходит на трех уровнях — мифологическом, историческом и психологическом. Все три уровня соединяет топос гор Куьнлунь (昆仑山), изображаемый как: 1) сакральное пространство — священная гора; 2) мужское пространство, где присутствие женщины является «иронией судьбы»; 3) пространство испытаний — отрезанный от цивилизации суровый край вечного холода. В повести командир женского отряда Юань Чжэнь (袁镇) излагает «мужской» вариант мифа о Ньюва. В нем сюжет о ремонте

богиней неба дополняется мотивом жертвенности: она добавляет в массу из расплавленных камней собственную кровь (поэтому во время утренней и вечерней зари небо приобретает красные оттенки). Юань Чжэнь требует от девушек, так же, как Нюйва, пожертвовать всем ради Родины, и прежде всего — своими чувствами (выстраивается тождество: кровь = чувственность = женственность). Такая трансформация мифа происходит в коммунистическом дискурсе маскулинизации женщины: «У женщин-военнослужащих <...> есть только один выбор: они должны путем строгой дисциплины закалять и ограничивать себя, пока не превратятся в таких же смелых и отважных воинов, как мужчины» [13, 95]. В этом контексте частично проявляется легендарный образ Мулань — женщины-воина, которая, переодевшись мужчиной, принимает соответствующую систему ценностей и модель поведения. Впрочем, официальный/мужской императив формирует имитативную позицию главной героини повести, а ее самовосприятие и идентификация с образом Нюйва происходит путем выхода за пределы мужской нормативности.

Максимальная концентрация чувственного восприятия мира и себя происходит во время восхождения Чжу Дуаньян на вершину Куньлунь. Откровенное восхищение величием горного пейзажа (который здесь является воплощением сакрального образа родной земли) проявляет в героине черты богини-защитницы. В высоком стиле этого отрывка автор не использует коммунистические клише, максимально интимизируя переживания героини. Для нее понятие «Родина» и «народ» не имеет отношения к абстрактным идеологическим лозунгам, это телесно ощутимая реальность ее бытия. Поэтому Чжу Дуаньян мысленно обращается к близким и родным людям: «Вы видите меня? Я — женщина-воин, которая стоит выше всех в этом мире! Я защищаю вас!» [13, 125].

В образе Чжу Дуаньян максимально проявляется феминная природа Нюйва, в легенде Юань Чжэня. Героиню постоянно беспокоит то, что

военная форма стирает признаки пола. Поэтому особое внимание уделяется описанию волос — единственного в этом контексте яркого атрибута женственности: «Чжу Дуаньян почувствовала волнение. Из всех девушек ее волосы были самыми завораживающими. <...> Она сняла заколку и водопад черных волос накрыл спину до самого пояса. Когда их вздымало дуновение ветра, волосы становились похожими на флаг» [13, 125]. Во многих культурах мира волосы воплощают жизненную силу и энергию, используемые в колдовских практиках. В китайской традиционной литературе «облако волос» является атрибутом женской красоты. Волосы Чжу Дуаньян — это воплощение женственности и свободы. В пользу последнего свидетельствуют символические образы водопада и ветра. Они в сочетании с топом священного гор Куньлунь притягивают ассоциации с древним китайским стилем мышления, жизни и творчества фэнлю («ветра и потока» 风流), признаками которого были «раскованность, даже эксцентричность поведения и внешнего вида», а также «сохранение внутренней свободы, внерефлективная чуткость к движениям дао в мистических глубинах человеческого духа» [5, 361]. Вряд ли Би Шумин стремилась воссоздать глубинные смыслы философии даосизма, но идея внутренней свободы героини разворачивается и дальше в ее размышлениях над проблемой подавления чувств.

Личная жизнь Чжу Дуаньян, ее драматические отношения с тремя военнослужащими выходят за пределы мифологем, связанных с Нюйва. Героиня осознает, что женщина не должна выбирать между чувствами и долгом: «Ее молодая душа неистово сопротивляется. Она чувствует, что суровые законы, как тесная одежда, не дают ей дышать. Как это возможно, что военным запрещено любить?» [13, 140]. В конце повести усиливается тождество **чувственность = кровь**, то есть чувства для героини являются тем самым источником жизни, что и кровь в легенде о Нюйва, поэтому жертва богини трансформируется в одиночество героини.

Выводы. Мифологемы, связанные с образом Нюйва, сохраняют в текстах Би Шумин свою первоначальную связь с матриархатом, признанную в китайском национально-культурном дискурсе. Женская реинтерпретация образа мифической прародительницы подчеркивает ее феминные качества, связанные с опытом материнства и созидания. Архаический комплекс материнства представлен автором как проявление сверхвозможностей женского тела, способного сотворить жизнь, из-

менить ценностную парадигму отношений между полами. Особое значение приобретает процесс «бесконечности рождений» как непрерывность женских связей (родственных, социальных, исторических). Женские созидательные возможности проявляются в эмоциональности (кровь Нюйва = чувственность Чжу Дуаньян) и внутренней свободе (волосы Чжу Дуаньян). Образ Нюйва в текстах Би Шумин воплощает силу и жизнестойкость первичной женской культуры.

Список литературы:

1. Бодде Д. Мифы древнего Китая // Мифологии древнего мира. – М.: Наука, – 1977. – С. 366–404.
2. Васильев Л. К. Культы, религии, традиции в Китае. – изд. 2-е., – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, – 2001. – 488 с.
3. Елштайн Д. Б. Громадський чоловік, приватна жінка. Жінки у соціалній і політичній думці. – К.: Альтернативи, – 2002. – 344 с.
4. Капути Д. Психический активизм: мифотворчество феминизма // Женщины в легендах и мифах / Под ред. К. Ларрингтон. – М.: Кросс-пресс, – 1998. – С. 547–565.
5. Китайская философия. Энциклопедический словарь / Под ред. М. Л. Титаренко. – М.: Мысль, – 1994. – 573 с.
6. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: становление греческой философии / Ф. Х. Кессиди; 2-е изд. – Спб: Алетейя, – 2003. – 360 с.
7. Перкисс Д. Женщины переписывают мифы // Женщины в легендах и мифах / Под ред. К. Ларрингтон. – М.: Кросс-пресс, – 1998. – С. 566–582.
8. Терел Л. Мова і влада // Антологія феміністичної філософії / За ред. Е. М. Джагер та А. М. Янг. – К.: Основи, – 2006. – С. 179–194.
9. Файерстоун С. Диалектика пола [Электронный ресурс]. – <https://teoriaevolutiva.files.wordpress.com/2013/10/firestone-shulamith-dialectic-sex-case-feminist-revolution.pdf>
10. Шанер Л. Дітонародження // Антологія феміністичної філософії / За ред. Е. М. Джагер та А. М. Янг. – К.: Основи, 2006. – С. 510–520.
11. Юань Кэ Мифы древнего Китая. – изд. 2-е. – М.: Главная редакция восточной литературы, – 1987.
12. Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии [пер. с кит. В. Ф. Сорокина и др.]. – М.: Наука, – 1984. – 248 с.
13. 毕淑敏. 补天石 / 毕淑敏著 // 藏红花. – 长沙: 湖南文艺出版社, 2013. – 84–157页.
14. 毕淑敏. 生生不已 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.bwsk.com/xd/b/bishuming/shenm/001.htm>
15. 芦海英. 女娲原型意象与毕淑敏小说女性形象的关联性 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://doc.qkzz.net/article/dda04400-68b9-4269-8cb5-c11c57d51b01_2.htm
16. 王蒙. 毕淑敏简介 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://wenxue.yjby.com/bishumin/46745.html>

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-66-72>

*Trunova Olena Sergiyivna,
postgraduate student,
Taras Shevchenko National University of Kyiv (KNU),
Postgraduate student, Institute of Philology
E-mail: elinna@ukr.net*

SYMBOLISM OF BAI HUA'S POETRY: TRADITIONS AND INNOVATION

Abstract: This article is devoted to Bai Hua's poetry, the art's steps of the poet and the use of images in his poems is analyzed. Creative direction of modern Chinese poet Bai Hua is identified and justified.

Keywords: Bai Hua, «misty poetry», symbolism, time-space, summer, nature.

*Трунова Елена Сергеевна,
аспирантка IV года обучения
КНУ имени Тараса Шевченко
Институт филологии Киев, Украина
E-mail: elinna@ukr.net*

СИМВОЛИЧНОСТЬ ПОЭЗИИ БАЙ ХУА: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Аннотация: В данной статье рассмотрена поэзия Бай Хуа, проанализированы этапы творчества поэта, а также использование образов в его стихотворениях. Обосновано направление творчества современного китайского поэта Бай Хуа.

Ключевые слова: Бай Хуа, традиции, «туманная поэзия», символичность, хронотоп, лето, природа.

Китайской поэзии, как никакой другой поэзии в мире, свойственно употребление художественных образов, которые олицетворяют в себе великое множество значений. В основе поэзии Бай Хуа лежит образ, который замещает ряд разнообразных событий и явлений. Поэтическим произведениям Бай Хуа присущи образы и символы, касающиеся общественно-политической и социальной проблематики, а также образы природы [6, 68]. Поскольку китайцам присущ анимизм, следовательно они верят в разнообразных духов и в одушевленность природы. С помощью таких образов, которые, в силу особенностей языка, при всей своей конкретности принимают значение некоторых общих символов, передаются чувства

и настроения. Так субъективное переживание в китайской лирике превращается в некое все-ленское состояние. Образность тут играет роль некой принципиальной недосказанности, многозначительного молчания, которые пронизывают все стихотворение. Таким образом достигается еще одна обязательная цель поэтического творчества — предание слову особой смысловой значимости: *весна* (春) — молодость, красота, *красные бобы* (红豆) — воспоминания влюбленных друг про друга в разлуке, *осень* (秋) — старость. В начале своего творческого пути Бай Хуа изучал Бодлера, который заявлял, что природа есть храм и что каждый живущий в этом храме может отыскать собственные метафоры. В отличие от тра-

диционных пасторальных поэтов и пейзажистов, Бай Хуа не изображает процветающие романтические пейзажи. Можно сказать, что слово «природа» в понимании поэта трактуется как «возникновение», «жизнь», «рост».

Творчеству Бай Хуа также присуща взаимосвязь пространственных и временных отношений — хронотоп. Он черпает образы и вдохновение в каждом сезоне, а каждое место, где он когда-либо бывал или жил, символизирует определенные эмоции в жизни поэта. Довольно интересным фактом является то, что из времен года Бай Хуа особо выделяет лето, хотя самым традиционным образом в китайской литературе всех времен считается весна, символизирующая начало новой жизни, любовь, красоту. Такой сезон, как лето, поэты не описывали в своих лирических произведениях, поэтому, можно сказать, что Бай Хуа этим образом привнес новизну в описание времен года. Такую приверженность к летнему сезону можно объяснить особенностями биографии поэта: летом он был близок к своим родителям, которые в это время года проводили отпуск вместе с сыном, а в остальное время — работали. Лето — погода поэзии Бай Хуа [5, 9]. Определенные события из жизни перерастают в метафоры, а лето является проекцией на поэтическое воображение автора и фокусируется на эмоциях, опыте, иронии, безрассудстве и желаниях. Проиллюстрируем это на примере отрывка из стиха «Прощай, лето» («再见，夏天») :

我来向你告诉，夏天
我的痛苦和幸福
曾火热地经历你的温柔
忘却吧，记住吧，再见吧，夏天！

Я пришел сообщить тебе, лето

Про мою тоску и блаженство

[Я] раньше горячо испытал [на себе] твою нежность

Давай забывать, давай помнить, давай прощаться, лето!

Еще один пример — строфа стихотворения

под названием «Лето еще так далеко» («夏天还很远») :

再不了，动辄发脾气，动辄热爱
拾起从前的坏习惯
灰心年夏一年

Каждый раз недолго раздражаюсь, недолго горячо люблю

Всплывают прежние дурные привычки

Унылый год, лето через год

Что касается топоса мест, то Бай Хуа часто «возвращается» в Цзяннань, место на правом берегу реки Янцзы, где он рос. Там он в полную силу ощущает природу и ее доброту, а также трансцендентность, что, в свою очередь, вдохновляет его:

«缠绵是否太空？

万种闲愁会是哪一种？

啊，细瘦的人儿，疲乏的人儿

你看一江春水向东流» («望江南»).

Сентиментальность тоже пуста？

Среди десяти тысяч печалей какая печаль есть печалью？

О, худой, усталый человек

Смотри, в реке весенние воды текут на восток» («Вид на Цзяннань»).

Кроме Цзяннаня, Бай Хуа также отмечает в своем творчестве такие города как Чунцин, Гуанчжоу, Сычуань и Чэнду. Чунцин — место рождения поэта, в Гуанчжоу и Сычуане поэт получил образование (он изучал английскую литературу в Институте иностранных языков в Гуанчжоу, а затем продолжил обучение по специальности «западная филология» в Сычуанском университете, где получил степень магистра), Чэнду — место проживания Бай Хуа в данное время. Каждое место, район, город, имеют свою культуру, которая влияет на поэта и формирует определенные стиль, жанр и манеру его стихотворений.

Бай Хуа — поэт-диссидент. Его взгляды на творчество отличаются от взглядов и творчества большинства китайских поэтов. Бай Хуа пропагандирует свободный стиль, настаивает на том, что стихотворение не должно быть отягощено

рамками определенного числа слогов в каждой стихотворной строке, тонами и метрикой, как это было необходимо в древней китайской поэзии. Как и китайское общество в целом, китайская поэзия, начиная с конца 70-х гг. XX в., совершила драматический скачок в развитии: от периода «невежества и закрытости» времен культурной революции китайское общество стремительно перешло к эпохе «реформ и открытости», и точно так же китайская поэзия от пустых политических лозунгов перешла к глубоко лирическим формам, от так называемого «революционно-романтизма» — к глубокому многообразию творческих стилей, от преобладавшего в лирике коллективистского «мы» — к подчеркнуто индивидуализированному «я» [2; 4]. Современный китайский поэт Бай Хуа принадлежит к группе «туманных поэтов» — течению, которое зародилось в 80-х гг. XX в. «Туманная поэзия» («朦胧诗») делится на три периода, и Бай Хуа принадлежит к третьему. Третье поколение поэтов наделило «туманную поэзию» новыми критериями. Молодые писатели сделали произведения более выразительными, благодаря креативным образам и формам [3, 424]. Новые стихи по большей части обладали свойствами поэзии модерна, и сильно отличались от китайской поэзии предшествующих времен, а потому получили название «туманных стихов» — стихов, которые не так просто понять, ибо истинный смысл их завуалирован, они в высшей степени загадочны [2; 6]. Основателями течения были китайские поэты, выступавшие против жестких ограничений в литературном творчестве во времена «культурной революции».

Помимо всего вышперечисленного, в лирических произведениях Бай Хуа ощущаются ностальгические воспоминания, где он описывает свое детство, оглядывается на прожитый опыт, тем самым демонстрируя попытки откровения и самоанализа. Такой стиль письма можно назвать личным, поскольку сюжеты стихотворений рассказывают о личной жизни поэта. Бай Хуа выра-

жает чувства с помощью персонализации — его характер неразрывно связан с его творчеством. В строках «小竹楼，白衬衫 / 你是不是正当年?» («Маленький дом из бамбука, белая рубашка/в самом ли ты расцвете жизни?») автор с ностальгией вспоминает о прошлом, а именно об отце, об их доме из бамбука и времени, проведенном вместе.

Хоть Бай Хуа и современный поэт, его творчество также неразрывно связано с традицией: «在清朝/安闲和理想越来越深/牛羊无事，百姓下棋/科举也大公无私 («在清朝»)». («Во времена династии Цин/порядок и мечты [были] все более глубокими/праздный скот, играет в шахматы простой гражданин/Кэцзюй (Отбор чиновником путём экзаменов на государственную службу (старая система государственных экзаменов для получения ученой степени и права поступления на должность). Использовалась в Китае до 1905 года) также справедливый» («Во времена династии Цин»). Он вплетает узоры традиционной культуры в современность, поэтому поэзию его следует рассматривать, опираясь на историческую духовную культуру. Некоторые стихи Бай Хуа манерой написания похожи на стихи ханьской и танской династий, но еще больше схожи с сунскими «цы» — стихотворениями, которые исполнялись под аккомпанемент *цинь* (китайской цитры). Поэт в своих лирических произведениях часто вспоминает династию Тан — «золотой век» китайской поэзии. Одно из таких стихотворений носит название «Ли Хоучжу» («李后主»):

遥远的清朗的男子
在977年一个细瘦的秋天
装满表达和酒
彻夜难眠，内疚
忠贞的泪水在湖面漂流
梦中的小船像一首旧曲
思念挥霍的岁月
负债的烟
失去的爱情的创伤
一个国家的沦落

哦，后主
 林阴雨昏，落日楼头
 你摸过的栏杆
 已变成一首诗的细节或珍珠
 你用刀割着酒，割着衣袖
 还用小窗的灯火
 吹燃竹林的风，书生的抱负
 同时也吹燃了一个风流的女巫

Далекий светлый мужчина

Худой осенью 977 года

Полный лирики и вина

*Всю ночь напролет не мог уснуть, переживала
его совесть*

Слезы верности и чести плыли по течению озера

Маленькая лодка во сне как старая мелодия

Вспоминаю ушедшее время

Долговой дым

Раны от потерянной любви

Упадок страны

О, Хоучжу

*Небо пасмурное, погода дождливая, солнце
на закате*

Перила, которых ты касался

Уже превратились в деталь стиха или жемчужину

Ты режешь ножом вино, режешь рукав одежды

А еще используешь оконный свет

*Ветер, подувший и зажегший бамбуковую рощу,
идеалы кабинетных ученых*

Также подул и зажег шаманку

Ли Хоучжу — последний император династии Южная Тан (937–976 гг.). В этом стихотворении он олицетворяет собой образ всей династии, которая начала приходить в упадок. Ли Хоучжу (второе имя императора — Лю Юй) правил до 976 года, пока династия Южная Тан не подверглась сунскому вторжению. Бывший император «всю ночь на пролет не мог уснуть» из-за переживаний за страну, в то время как «маленькая лодка во сне как старая мелодия» уплывает. Тут автор под уплывающей лодкой подразумевает исчезновение династии Южная Тан и все ее благие времена, которые сдувает «ветер». Он же зажег

«бамбуковую рощу», олицетворяющую в этом поэтическом произведении крепость и древность. Бамбук в китайской литературе символизирует жизненную силу, он по своей природе очень крепкий и может противостоять ветру. Однако в стихотворении мы видим, что роща горит, таким образом горят могущество династии, воспоминания о ней, и былой ее успех. Так же автор ставит под сомнение то, что «идеалы кабинетных ученых» династии Южная Тан будут в дальнейшем совпадать и пересекаться с идеалами последующих поколений. Из строки «ты режешь ножом вино, режешь рукав одежды» следует, что герой стиха понимает неизбежность разрыва с действительностью. Все вышесказанное подкрепляется такими образами, как «осень», «пасмурное небо», «дождливая погода», «солнце на закате», которые характеризуют конец династии и «золотой» эпохи.

Творчество поэта можно разделить на три этапа. На первом этапе (1980-е годы) Бай Хуа была присуща экспрессия: в период «весны» своей жизни он желал выразить чувства и душевное состояние. В статье под названием «Мои ранние стихи» («我早诗») Бай Хуа написал: «Ритм стиха и жизни формируются с помощью дыхания природы». Ранний период творчества поэта характеризуется символизмом. Он читал Бодлера и переводил французских символистов. С Бодлером Бай Хуа познакомил перевод, опубликованный издательством Китайского педагогического университета в журнале «Исследования иностранной литературы» («外国文学研究»), французского китаевода Франсуа Чена. В своей статье «Бодлер в Китае» («波德莱尔在中国») Бай Хуа цитирует комментарий Эллиота к стихам Бодлера: «Страдания в стихах Бодлера намекают не некоторое созидательное блаженство.» («波德莱尔所受的这种苦难暗示着某种积极的至福 (beatidue) 状态存在的可能性») [8, 110]. Именно символичность блаженного страдания и привлекла Бай Хуа к чтению Бодлера, поскольку

контекст его стихов кардинально отличается от контекстов стихов в Китае.

В последствии он стал увлекаться имажизмом, постмодернизмом, также планировал начать писать прозу, изучал устное народное творчество, жизнь китайского народа в древности, наблюдал и осознавал новую реальность. Сам автор позиционирует себя в ранний период творчества как «архаичного» символиста, поскольку он выступает классическим образцом на фоне современной китайской литературы, ведь культурной моделью стихов Бай Хуа является традиция. Образы, форма и лексика в некоторых его поэтических произведениях мало чем отличаются от тех, которые используются в прошлых столетиях. Некоторые образы очевидны, некоторые скрыты в символике и тропах. В такого рода стихах можно проследить интертекстуальные намеки на древние оды и культурные ссылки: «一个青年向深渊滑去/接著又一个青年/幸福就快报废了/一个男孩写下一行诗/唉, 一行诗, 只有一行诗/二十四桥明月夜» («广陵散») («Один парень соскальзывает в пропасть/А за ним другой... /Счастье скоро устареет,/А парень все равно рифмует поэзию/Одна строчка, только к сожалению одна строчка/Двадцать четыре моста в лунной ночи») («Древний напев Гуанлин»).

Кроме зарубежных писателей и поэтов на творчество Бай Хуа в некоторой мере повлияли и китайские. Огромное влияние поэт получил от Бэй Дао (北岛), а именно от поэтического произведения «Ответ» («回答»).

На втором этапе творчества (конец 1990-х годов) поэт начал ощущать мягкость, он ограничился в выражениях любовных чувств. Поэтический стиль стал более спокойным и умеренным, что указывает на зрелость поэта, например:

• «长夜里, 收割并非出自必要/长夜里, 速度应该省掉» («现实») («Долгая ночь, жать вовсе не необходимо/Долгая ночь, скорость нужно умерить» («Реальность»));

• «他要去肯尼亚, 他要去墨西哥/他要去

江苏国际公司/年轻时我们在规则中大肆尖叫/今天, 我们在规则中学习呼吸» («选择»)

(«Он хочет поехать в Кению, Он хочет поехать в Мехико/Он хочет посетить международную компанию Цзянсу/В молодости законы громко в нас кричали/Сегодня, мы учимся законам» («Выбор»))

На третьем этапе (начало 2000-х годов — наше время) Бай Хуа мучительно прощается с временами молодости, а также постепенно отходит от особенностей второго этапа и становится поэтом-реалистом:

• «啊, 这些无辜的使者/她们频频走动/悄悄叩门/满怀恋爱和敬仰/来到我经历太少的人生» («往事») («О, все эти невинные посланницы/они беспрерывно гуляют/тихо стучат в дверцы/преисполнены любовью и благоговением/приходят ко мне — человеку с малым жизненным опытом») («Былое»);

• «秋天深邃无涯/锁满怅惘/偶尔有一只鸟飞过/成群的鸟飞过/偶尔有一个少女叹息/成群的少女叹息» («在秋天») («Осень глубока и безгранична/Разочарование/Изредка птица пролетает/Стая птиц пролетает/Изредка молодая девушка вздохнет/Группа молодых девушек вздыхает» («Осенью»));

• «运行不已的春光啊/带走我蓦然远飞的年轻心思/北方、南方/到处是一样的经历» («活着») («Бесконечно вращающийся весенний пейзаж/Забрал мои молодые думы/Север, юг/Повсюду одинок, жизненный опыт переживается» («Быть живым»));

• «日子从这一页路过 / 注视受祝福的水果, 注视前途 / 倾听来自另一只耳朵 / 来自体内的阴影, 不灭的气候» («途中») («Дни покидают эту страницу/Наблюдают благословенные плоды и будущее/Другие уши услышат/Внутренние тени и погоду несдержанную» («В пути»)).

В стихотворении «Осенью» Бай Хуа описывает разочарование и одиночество, а в поэзии «Быть живым» мы видим антонимический образ — образ весны, которую поэт вспоминает

и «молодые думы которой забрал весенний пейзаж». В лирическом произведении «В пути» Бай Хуа использует образ «благословенных плодов», который символизирует будущее поколение. Все эти строки действительно подтверждают прощание поэта с молодостью, с весной и с прошлым.

За последние годы поэтические произведения Бай Хуа сформировались в такие сборники стихов, как: «Небожители рисуют на воде – 1642–1651» («水绘仙侣 1642–1651: 冒辟疆与董小宛»), «Исторические записи: 1950–1976» («史记: 1950–1976»), «Исторические записи от поздней Цин до КНР» («史记: 晚清至民国»). Используя принципы классического стихосложения в этих сборниках поэт одно за другим описывает исторические события. Трансформацию поэтической символики Бай Хуа можно проследить в его авторском «Десятилетнем собрании сочинений» («柏桦十年文选»).

В Поднебесной на протяжении веков происходила трансформация литературных стилей и течений, изменялась картина поэзии, форма стихов, а также их тематика. Внешняя форма стихов Бай Хуа не является канонической, то есть автор не придерживается строгих рамок древней поэзии (пяти-, шестисловное и восьмословное четверостишие). Творчеству Бай Хуа в основном не присущи страсть и очевидная сосредоточенность на внутреннем мире человека; его поэзия не носит романтический характер. Поэзия Бай Хуа глубоко символична, она фокусирует осмысленное автором и адресуется читателю в виде художественных образов.

Из всех искусств первое место удерживает за собой именно поэзия [1, 318]. В китайской поэзии человек и природа неразрывно связаны.

Особенно это прослеживается в древней литературе. Поэты друг за другом свидетельствуют развитие мысли и литературы китайского общества [4, 194]. В современной же литературе поэты и писатели говорят не только о природе и о человеке в этой природе. Появились военные, социальные, политические темы. Бай Хуа — поэт, который не только чтит традиции, но, в то же время, описывает и дает оценку событиям, на сегодняшний день происходящим в КНР. Он черпает образы для творчества из контекста древней литературы, а также обогащает лирические произведения индивидуальными символами. Ниже приведем цитаты современного китайского литературоведа Цзин Веньдуна о Бай Хуа. Цзин Веньдун называет Бай Хуа «особенным поэтом» («极其特殊的一位») [6, 184], «стихи его наполнены своеобразием, а эстетическая парадигма современна» («柏桦的诗歌的话语的独特性, 和他的美学范式在当代的标出性») [7, 24].

Творчество Бай Хуа переживало достаточно разные периоды, но в каждом из этих периодов можно увидеть традиционные образы весны и осени, а также временные и пространственные образы. Однако все же в его литературе больше непрозрачных и завуалированных образов, поскольку Бай Хуа является представителем «туманной поэзии». Представители этого течения пытаются по-новому выразить свои мысли, поэтому в поэзию они вводят новые образы, кардинально отличающиеся от традиционных своей эмоциональной новизной. В «туманных» образах Бай Хуа сочетается объективное и субъективное, история, повседневность и выдумка, и только лишь после детального анализа поэтических образов можно понять глубокий смысл лирики поэта.

Список литературы:

1. Кант И. Критика способностей суждения / Пер. Н. М. Соколова. СПб.: Изд. М. В. Попова, – 1898. – 390 с.
2. Лю Вэнь-фэй. Азиатская медь. Антология современной китайской поэзии. СПб: «Петербургское Востоковедение», – 2007. – 256 с.

3. Мурашевич Е. Г. Становление «туманной поэзии»: лирическое Я и Мы в творчестве Бэй Дао // Проблемы литератур Дальнего Востока. СПб, – 2014. – С. 421–427.
4. Эйдлиг Л. З. Китайская классическая поэзия // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. – М., – 1972. – С. 193–203.
5. Bai Hua. Wind Says. Hong Kong: “Zephyr Press”, – 2012. – 183 p.
6. 参见柏桦 «杜甫的新形象», 柏桦 «今天的激情»。上海: 上海人民出版社, – 2006 年版 – 255 页.
7. 敬文东: ««下午»的精神分析 – 诗人柏桦论»//江汉大学学报。人文科学版, – 2006 年第3期。 – 19–25 页.
8. 王恩衷译: «艾略特诗学文集»。国际文化出版公司, – 1989年版。 – 134 页.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-73-76>

*Tsepkało Tatiana Aleksandrovna,
Kherson State University
E-mail: tanuysya@ukr.net*

MYTHOLOGICAL SYMBOLS OF IMAGE OF THE MOON IN THE POETRY BY LINA KOSTENKO

Abstract: The mythological symbolic of the image of moon in poetry of the famous Ukrainian writer Lina Kostenko is investigated in the article. Individual-author's approach to interpretation of an archetypal image of moon, its influence on an art manner of the poetess and communication with an archaic mythical mentality of the ancient Slavs is considered.

Keywords: mythologema, the image of moon, worldview, myth poetics, myth creation, mythic mentality.

*Цепкало Татьяна Александровна,
Херсонский государственный университет
E-mail: tanuysya@ukr.net*

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ЛУНЫ В ПОЭЗИИ ЛИНЫ КОСТЕНКО

Аннотация: В статье исследуется мифологическая символика образа луны в поэтических текстах известной украинской писательницы Лины Костенко. Рассматривается индивидуально-авторский подход к трактовке архетипного образа луны, его влияние на художественную манеру поэтессы и связь с архаическим мифомышлением древних славян.

Ключевые слова: мифологема, образ луны, мировоззрение, мифопоэтика, мифотворчество, мифомышление.

Исследование мифологических структур в системе художественного мировоззрения художника является ключом для раскодирования глубинных смыслов авторского мифомышления, включающего в себя как мировые и этнонациональные культурные достижения, так и особенности индивидуального мировосприятия, которые формируются на рациональном опыте и объединяют в себе реальную и воображаемую действительность. Все компоненты мифосознания на чувственном уровне чаще всего реализуются в художественном творчестве. Основой для объяснения мироздания считаются древние представления и верования, в которых отража-

ются онтологические и аксиологические концепты на ментально-вербальном уровне.

Мифологические ориентиры поэтического творчества Лины Костенко в украинском литературоведении исследуются достаточно широко, однако целостного представления о мифомире художественного пространства поэтессы единичные научные исследования пока не дают. Так, А. Бидюк анализировала микрообразы, спроектированные по индивидуальному и коллективному бессознательному писательницы. О. Слоневская рассматривала античные мотивы и библейские образы и сюжеты в творчестве Лины Костенко. Я. Голобородько изучал

категории человека, судьбы, времени в поэтических рефлексиях автора. И. Ткаченко освещала мифологическую парадигму топоса степи в художественном мире поэтессы. Н. Криловец исследовала мотив осени в натурфилософской поэзии, а А. Ковалевский — украинский комплекс «верности-измены» в контексте лирико-эпических произведений Лины Костенко. Мифологема луны в поэтических текстах украинской поэтессы объектом исследования не была, но представляет собой важный компонент в построении авторской картины мира, обуславливает актуальность нашей научной статьи.

Луна в поэтических произведениях Лины Костенко чаще всего изображена в традиционном русле, воплощая в себе еще дохристианские верования и представления. Так, в поэме-балладе «Скіфська одісея» поэтесса не только знакомит читателя с бытом и жизнью древних скифов, но и акцентирует внимание на их вере и культуре:

Не визнають тут Зевса і Паллади.

Тут сповідають люди на Дніпрі

високий культ астральної тріади —

культ Місяця, культ Сонця, культ Зорі [4, С. 454].

«Небесные светила в славянском фольклоре приобрели антропоморфные черты, что свидетельствует об обожании их древними» [8, С. 42]. Кроме того, такой культ был связан с важностью для наших предков небесного огня, которому они поклонялись. Космический Огонь был частью зодиака и олицетворялся в триаде светил [3, С. 227].

Вони з вогню, у них душа нетлінна.

У них і серп — як місяць молодик [4, С. 455].

В художественных деталях поэтесса закладывает особый смысл. Например, упоминание о нетленной душе есть частью как языческого, так и христианского верования в загробную жизнь. А. Демченко утверждает, что «Сакральный фрагмент концепта *душа* в лирике Лины Костенко выступает конкретизированным, связанным с религией, с Библией» [2, С. 70].

Ночное светило в древности сравнивали как с различными предметами быта, так и с людьми. Если молодой месяц похож на серп, то полный — на бочку:

Тут і діжа в них, наче місяць вповні.

У них і місяць сходить, як діжа [4, С. 455].

Упоминается здесь также и о свадебном ритуале. Символом невесты была звезда, а символом жениха — лунарный образ [1, С. 306]:

Звуть молодого місяцем і князем.

У них дівчина сходить, як зоря [4, С. 455].

И даже в блюдах был закодирован глубокий символизм. «Чтобы Луна способствовала благополучию человека, ей приносили в жертву вареники, или, как их еще называют, вареные пироги, которые по форме напоминают Луну» [1, С. 306]. Именно такой смысл заложен в изображенном писательницей скифском ужине:

Коли ж вона внесла у друшляку

лунарний символ — ліпліні вареники,

то греки також прийняли цей культ

і стали вже навек його зволенники [4, С. 455].

Следовательно, поэтесса подчеркивает, что греческим путешественникам нравятся скифские традиции, которые сейчас можно считать и украинскими. Проводя параллели между древнегреческим и языческим миром, Лина Костенко не только воплощает идею исторической памяти, но и противопоставляет эти две культуры, о чем свидетельствуют гротескные зарисовки, скрытый смысл, аллюзии. Даже в названии слово «одиссея» употребляется с маленькой буквы и поэтому не воспринимается серьезно.

В стихотворении «І місячну сонату уже створив Бетховен...» сочетаются общепринятые народные представления и индивидуально-авторское видение этого образа. Так, в первой строфе сделан акцент на сравнении современного восприятия небесного светила и его исконных функций:

І місячну сонату уже створив Бетховен,

і тинь місяцехода вже зорям не чужа,

*а місяць все такий же: і молодик, і повен,
і серпик, і рогалик, і місяць, як діжа* [4, С. 86].

Всемирно известное музыкальное произведение немецкого композитора и планетохода для исследования Луны сегодня никого не удивляет. Но несмотря на новейшие достижения науки и искусства, астральное светило осталось таким же, как и миллион лет назад. И так же, как и наши предки, мы наблюдаем на небе все его фазы, которые трактуются автором в соответствии с древним мировоззрением. Кроме того, мифологема луны во второй строфе этого стихотворения символизирует вечность:

*А місяць все такий же, він — місяць, місяченько,
як вчора, позавчора і хтозна ще коли!*

*І добре, що над нами він висить височенько,
а то б уже й на ньому болото розвели!* [4, С. 86].

Уменьшительно-ласкательное обращение к небесному светилу характерно для украинских фольклорных произведений, о чем автор рассказывает в завуалированной форме. Также происходит четкое разделение мира на вертикальную и горизонтальную части. Высоко находится небесное светило, а потому оно касается вертикальной оси и является недостижимым для человека, который находится в горизонтальном пространстве, то есть на земле. Таким образом, топографическая оппозиция «земля-небо» реализует в себе материальную и духовную сферу соответственно. Подтверждением этого является последняя, третья строфа:

Ходили б там на ньому п'янички петельгузі.

Питали б його зорі, чого він не блищить.

*Стоїть над нами Всесвіт у золотій кольчuzі,
і повен місяць сходить над нами, ніби щит* [4, С. 86].

В отличие от антропологической теории, здесь на первый план выходит ночное светило, которое стоит в центре мироздания и нивелирует роль человека во Вселенной.

Космичность мышления Лины Костенко проецируется на личную сферу, что приводит к гар-

монизации микро- и макрокосма. Например, в стихотворении «Юдоль плачу, Земля, моя планета ...»:

*Страждаю, мучусь, і живу, і гину,
благословляю біль своїх тенет.*

*Цю грудочку тепла — у Всесвіті — людину!
І Всесвіт цей — акваріум планет* [5, С. 275].

Констатируем здесь децентрализацию человека в алгоритме мироздания, где он является только комочком тепла по сравнению с масштабностью космического пространства, в котором даже планеты воспринимаются не больше аквариумных рыбок.

Такой мировой порядок нашел свое продолжение в стихотворении «Заходит солнце за лаштунки лісу...»:

*І цілу ніч дивися хоч задурно
у те склепіння, де горить Персей,
жонгує космос бриликом Сатурна,
і Всесвіт крутить всю цю карусель.*

*Ірже Пегас, виблискує Корона,
і Волопас пасе своїх Телят,
і мерехтять у сяйві Оріона
химерні сальто Діви і Плеяд* [5, С. 193].

Мифологизированные образы созвездий дополняют астральную систему миропорядка, которая издавна воспринималась персонифицированной. «Древние названия созвездий — отголосок фантазии человека, его представлений об окружающей среде и первые попытки отгадать звездные узоры» [6, С. 43]. Отождествление себя с частью галактики сопровождается переносом на небесную сферу личных чувств:

Летить Нептун, і я з ним налітаюсь.

Не бійтесь, зорі, я не розіб'юсь.

*Я теж тут причепилась і катаюсь,
страждаю, мислю, плачу і сміюсь* [5, С. 193].

Такое сочетание микро- и макрокосмических ритмов является отражением антропного принципа взаимодействия человека и Вселенной, согласно которому земная жизнь является обязательной для закономерного функционирования

поднебесной, структура которой берет свое начало из личностных универсалий и продолжает свое формирование во вневременном континууме, составляя собой вечность:

*І все кружляє в дивній круговерті,
саме в собі шукає опертя.*

І є природа. І немає смерті.

Є тільки різні стадії буття [5, С. 193].

Онтологические основы трансцендентного пространства реализуются и через лунарный образ в стихотворении «І не минає, не минає!»:

Куди забігти? Аморе, амо...

На карті місяця теж моря [5, С. 259].

Рассматривая астральное светило как один из вариантов, где лирическая героиня могла бы спрятаться сама от себя, она переносит на него свои личные переживания и экзистенциальные настроения. Рассказывая о любви, которая разрывает ей душу, она использует латинское его определение:

Я по-латині: аморе, амо!

Невже від цього рятунок немає? [5, С. 259].

Такое лаконичное описание высоких и чистых чувств позволяет читателю понять их глубину, поскольку через все произведение звучит их сравнение с морем:

А море, мамо,

а море, мамо, теж не минає [5, С. 259].

Омонимичная созвучность и игра слов как семантико-стилистическое явление подчинены единой цели — опозитизировать любовные страдания и одиночество лирического персонажа. Также такая аллитерация является средством эвфонии в поэтическом тексте, благодаря чему упрощается восприятие и понимание произведения. Мифологема моря здесь играет важную роль, поскольку выступает символом любви, времени и даже бытия:

Море Кризисів.

Море Ясності.

Море Дощів [5, С. 259].

Итак, архетипический образ луны в поэзии Лины Костенко изображен в соответствии с этноментальными основами украинского народа, отражая архаичные верования, традиции и ритуалы. Отличаясь особым мифологическим типом мышления, Лина Костенко осуществляет редукцию мифа, в котором ночное светило является частью онтологической модели мира. Перенос личностную сферу на макрокосмический уровень, поэтесса отчасти идентифицирует человека со вселенной.

Список литературы:

1. Войтович В. Українська міфологія. – Вид. 2-ге, стереотип. – К.: Либідь, – 2005. – 664 с.
2. Демченко А. Репрезентація концепту «душа» в поетичній творчості Василя Стуса та Ліни Костенко / *Materialy VII Międzynarodowej naukowopraktycznej konferencji «Nauka i ino-wacja – 2011» Volume 10. Filologiczne nauki. Polito-logija.* – Przemysł: Nauka i studia, – 2011. – С. 68–72.
3. Знойко О. Міфи Київської землі та події стародавні: [наук.-попул. вид.]. – 2-ге вид. – К.: Молодь, – 2004. – 336 с.
4. Костенко Л. Вибране. – К.: Дніпро, – 1989. – 558 с.
5. Костенко Л. Річка Геракліта: Вірші; упоряд. та передм. О. Пахльовської; післямова Д. Дроздовського; худож. С. Якутович. – К.: Либідь, – 2011–336 с.
6. Слов'янський світ. Ілюстрований словник-довідник міфологічних уявлень, вірувань, обрядів, легенд та їх відлунь у фольклорі і пізніших звичаях українців, братів-слов'ян та інших народів / Упорядник О. А. Кононенко. – К.: Асоціація ділового співробітництва «Український міжнародний культурний центр», – 2008. – 784 с.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-77-80>

Shevchuk Olena Volodymyrivna,
 Odessa National Academy of Food Technologies
 Lecturer, Department of Ukrainian Studies and Linguodidactics
 E-mail: mi1981lena@gmail.com

NOVELS BY V. KULAKOVSKYI IN TERMS OF THE SPIRITUAL HERITAGE OF UKRAINIAN LITERATURE

Abstract: The article analyzes the historical novels by V. Kulakovskiy as a formative factor of spirituality. Historical novels help the reader to understand better the processes not only in the history of Ukraine, but also in Ukrainian culture. An “ardent” love for Ukraine, patriotism, dedication to the people who rose against the Polish nobility — that is the leading idea that pervades the works of Kulakovskiy.

Keywords: historical novel, historical character (figure), spirituality, tradition, patriotism, culture, symbol, dialogue.

A person should know the history of the people whom he lives among; there is a need to encourage the development of historical memory of ethnoses while referring to individual pages of the past, the role of historical figures in a certain period, as the orientation of an individual in social space and time is implemented through the interpretation of historical heritage, which is indispensable for the development of human consciousness and the assertion of national dignity.

The appeal to historical and historical-cultural heritage inclines to the idea that turning periods in the history of society played a crucial role in its spiritual life. Such periods inspire a reassessment of the basic philosophical attitudes, the most important life approaches, strengthening of human spirituality.

“Historical consciousness suggests the opposite stream of thought — that is back from the present to the past, moving the past and a former present away, into the time perspective, so that events to be perceived as historical, they need to be seen at retrospective, from the standpoint of the present, and, therefore, from prospects for the future” [1, 53].

Historical novels help the reader to understand better not only the processes in the history of

Ukraine, but also in Ukrainian culture. They outline the idea of state independence of the Ukrainian people. Works on historical themes teach people being true patriots, to defend the honor and independence of their country.

Problem of historical events and figures in the literature deserves special attention as it contributes to the affirmation of national spirituality, reveals the potential of the historical novel as a mean to preserve the historical memory of people.

We will try to analyze historical novels by Vitalii Kulakovskiy in the context of spiritual heritage of Ukrainian literature.

Vitalii Kulakovskiy was born in Kyiv in 1924. He graduated from the Kiev Teacher Training Institute (1949), Ph. D. in History (1968). In 1981 he was admitted to the Union of Writers of Ukraine and from 1969 to 1984 he was in charge of the scientific edition specialized in the history of towns and villages of the Ukrainian SSR. Creative heritage of the writer make the stories “*Let Russia be famous*” (1965), “*Hey huk, mother, huk*” (1972) and “*Rivers are in flood*” (1985, both stories co-authored with P. Sitcheko), “*The Golden Galley*” (1989,); historical novels: “*Severin Nalivajko*” (1978), “*Maksym Kryvo-*

nis" (1983), "Martyn Pushkar" (1987), "Wild Field" (1988). Novels "Volodymyr Monomakh" and "Ivan Sirko" (1992) were published after the author passed away (in 1990). Vitalii Kulakovskiy published textbooks "The Fascinating History (an Ancient East)" (1965), "The Fascinating History" (1969, based on materials of national history), etc. He also is an author of articles on figures of Ukrainian literature and culture, as well as on the history of Ukraine.

In the title of his novels Vitalii Kulakovskiy puts the name of the historical figure — an outstanding representative of his era and also represents a certain period in Ukrainian history: it could be either the reign of Volodymyr Monomakh, or national liberation struggle of 1594–1596 against the Polish-Lithuanian expansion led by Severyn Nalyvaiko, or the Liberation war of 1648–1654 under the command of Bohdan Khmelnytskyi and his colonels — Maksym Kryvonis, Ivan Sirko and Martyn Pushkar.

"Ukrainian heroes are speakers of grief and labor of many generations. They complete a repetition and enlighten traditions, their personal creativity is always a cordial melody woven into a powerful chanting of the race" [3, 146].

Historical novels by V. Kulakovskiy are not just the presentation of documentary material, but also natural combination of literature and history, the picturesque image of the epoch, real historical events and persons depicted, panoramic reproduction of scenes of the popular struggle. Events of the National liberation war led by Bohdan Khmelnytskyi at the turn of Middle Ages and modern times have acquired an epoch significance in the history of the Ukrainian people. The liberation war had decisively influenced the spirituality of the Ukrainian nation and led to new qualitative changes in its public consciousness. The author comprehended these very important and crucial in the historical fate of the nation events as a meticulous scholar of history and a talented writer.

In his article "Half a Century Before the Reunion" (on the first novel by Vitalii Kulakovskiy "Severyn Nalyvaiko"), Ivan Soldatenko gave such an

assessment of the work: "The Author truly depicts this or that situation, focusing on main and defining issues. The novel's characters are forged in hard tests. It helps to convey better their lofty ideals, passionate love to the native land, hatred of the enemy, deep and bright faith in the victory that would bring freedom and happiness to working people. "Severyn Nalyvaiko" is a successful attempt to outline one of the glorious historical pages in the struggle of Ukrainian working people for their liberation" [4, 13].

Passionate love to Ukraine, patriotism, dedication of the people that rose against the Polish nobility — that is the leading idea pervading the works by Kulakovskiy on events of the Liberation war. Let us consider in detail the first novel of the writer devoted to the designated theme — "Maksym Kryvonis" (1983).

In the novel, the author created a considerable number of characters (both historical and fictional). The writer conveys an inner world of characters through the external elements of the portrait, behavior, movements and actions. Some of them appear on pages the work only a few times, but the other main characters play an active role. The protagonist of the novel is of the kind, the first Colonel of the liberation army, who personified the strength and invincibility of the national spirit, — Maksym Kryvonis.

Events of the novel originate in the fall of 1647. Already in the exposition, the author depicts Maksym Kryvonis, tells on his meeting with Bohdan Khmelnytskyi and introduces the reader to the situation in Ukraine on the eve of war. The writer talks about the social origin of Maksym Kryvonis, mentions the circumstances that forced the main character to take up the sword: death of his brother, masters taking his land away, abuses of landlords. That warm and sadly way that Kryvonis recalls his home and the past helps to understand more deeply the hidden corners of his soul, because by the expository portrait characteristics the Colonel appears strict and formidable, with "shaggy eyebrows", "long nose" and "red-gray scar". The author revealed the role of Maksym Kryvonis in

the preparations for the uprising, showed the passionate strength of his word that could rise people and led them into battle: “Do not listen to your masters. Do not listen to village constables like slaves, but come to me. Your parents didn’t know the masters’ laws on these watered with your blood fields... And you will never find a better way to break free if now rise in arms and drops the masters’ yoke, and thus will gain freedom by your blood... Come on, rise everybody and all together, and let us get our freedom, now or never” [2, 182–183].

Maksym Kryvonis is an expert in military affairs, so no wonder Bohdan Khmelnytsky instructs him to form rebel groups. Bohdan Khmelnytsky respects Kryvonis and listens to him, confers with him, trusts him with his plans, listens to advices of the wise leader, the one wise in words and in decisions. Bohdan Khmelnytsky and Maksym Kryvonis are old friends, their talk calm and reasonable, there are no conflicts or divergences of views between them. So they were depicted in folklore (e. g., in the song “*Be not surprised, good people*”). Right in conversations with friends and colleagues there reveals the character of Kryvonis: his keen intellect, knowledge of tactics of warfare. Discussing an ambush in the Walnut Grove serves as a striking evidence on this: “At dawn Potocki is going to run. He’ll go to Bohuslav through the Walnut Grove. Before the ravine, there extends a small grove. The road through it is narrow, uneven and confused. A steep descent to the ravine is behind the grove. The slopes are also forested... What if dig the road over at the narrowest point... and put the cannon on the opposite hill and place the Cossacks along the road» [2, 167].

Let us pay attention to the language of the main character. In almost every conversation of Maksym Kryvonis we could find proverbs and sayings: “takes the wolf, takes, and there, the wolf will be taken”, or “sheaf without a hayband is straw” (En.: A headless army fights badly), “they are running so that the horse will not catch them up”, “not a bone in the truck.” His talks to his colleagues and the people in a

simple and straightforward manner, but at the same time his voice is ruthless and mocking in dialogues with the Polish nobility. Irony and sarcasm play an important role in his contempt for landowners. With his every word Kryvonis tries to prick the worst of the enemy; he drove the situation to the ridiculous one when the captain Zavitovskiy tried to talk on the “knight’s honor”. In every word of Kryvonis we feel an amazing force, and this force causes the enemy to be embarrassed, while losing their cockiness.

“Characterizing the dialogues and monologues in drama and the epic is a powerful mean of revealing the psychology of characters. This living direct verbal action can hold and transmit the whole inner world — from subtle mental motion until the struggle of opposing ideas and moral principles” [5, 30].

The author has created the image of a strong-willed and strong-minded personality, the hero inextricably linked with the people, the hero who was the bearer of national liberation ideas and to the last breath defending the right to freedom and independence of his state. It was death from the plague, but not Polish supremacy, that stopped the desperate and the brave warrior. The author recalls that on November 14, 1648, the army led by Bohdan Khmelnytsky lifted the siege of Zamosc and moved to the Sub Dnepr region, and in the meantime Kryvonis caught plague, plus wounds received at the battle of Pyliavtsi turned things worse. But even being on deathbed, Maksym Kryvonis, as a true warrior and a patriot, thought about the people, the state, on everything he lived and fought for: “Brother... friend... Here comes my last hour... and I make my will for you, father: don’t put up with the nobles... Hit them... crush them, until they die as an evil ghost... My native land!.. In this moment, I see your bright dawn, your waters... Oh, here again!.. You hear, father? Something’s buzzing... So scary... Buzzing? Oh, no, it’s booming! Comes closer and closer... That is the thunder of upcoming victorious battles!” [2, 268]. Those battles with victories and defeats, full of losses of close friends and the

bitter pain of despair. Those battles for the future cloudless life and happy smiles of the next generation, who will live without knowing the meaning of the landlord bondage. It all sounded in the words of Kryvonis as a testament to those who remained to continue his work: to Bohdan Khmelnytskyi, his companions, the son of Maksym and, of course, the people of Ukraine.

“In a social “faith” — in love for the nation — people become the source of salvation, and national heroes — a manifestation of the national genius, a parade of common ancestors, ensamples and the

ones to be identified with them. Within the people, within the nation, when identifying themselves with such heroes, people feel an important link in an endless chain from the past to the future, therefore, it means eternal” [1, 142].

The power of the character of Maksym Kryvonis in that passing through centuries, the figure of a Cossack Colonel in the history of Ukraine has become a symbol of rebelliousness, desire of freedom and patriotism for many generations of Ukrainians, and therefore the link between the past and the future will not be lost.

References:

1. Andrusiv S. Modus of national identity: the Lviv text of 1930-ies of the XX century – Lviv, – 2000. – 340 p.
2. Kulakovskiy V. Maksym Kryvonis. – K., – 1998. – 560 p.
3. Yu. Lipa. Mission of Ukraine. – Lviv, – 1992. – 272 p.
4. Soldatenko I. Half a century before the reunion // Ukraine. – 1979. – No. 47 – P. 13.
5. Fesenko V. Within the depths of human existence. – Odessa. – 2005. – 640 p.

Section 3. Philology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-81-86>

*Litvinova Natalia Viktorovna,
Krivoi Rog State Pedagogical University,
teacher, the Faculty of Foreign Languages, German Department
E-mail: litvinova.natalia.kr@gmail.com*

DIE ENTWICKLUNG DER LEXIKALISCH — SEMANTISCHEN WORTGRUPPE MIT DER BEDEUTUNG «MENSCH, MANN» IN DER DEUTSCHEN SPRACHE

Abstrakt: Im Artikel wird die Evolution der lexikalisch-semantischen Wortgruppe mit der Bedeutung «Mensch, Mann» in drei Entwicklungsperioden der deutschen Sprache erforscht. Das Ziel der Forschung ist, die Transformation der Wörter einer bestimmten thematischen Gruppe im Entwicklungsprozess der Sprache zu zeigen.

Schlüsselwörter: die Bedeutung, das Lexem, die Periode, der Wortschatz, die Wurzel, die Ersetzung, der Bedeutungswandel, die Bedeutungserweiterung.

Der lexikalische Bestand (Wortschatz) einer beliebigen Sprache repräsentiert den unbeständigsten Teil des Sprachsystems, da einerseits die Veränderungen im lexikalischen System der Sprache viel schneller als in der Phonetik und der Morphologie vor sich gehen und andererseits die Lexik dem Einfluss anderer Sprachen in einem viel größeren Ausmass unterliegt, als dies bei Phonetik und Morphologie der Fall ist.

Im lexikalischen Bestand der germanischen Sprachen sind drei Hauptschichten zu unterscheiden: der germanische Wortschatz indogermanischer Herkunft, d. h. solche Wörter, die mehr oder weniger genaue Entsprechungen in den anderen indogermanischen Sprachen haben; der gemeingermanische Wortschatz ohne Übereinstimmungen außerhalb der germanischen Sprachen und schließlich der entlehnte Wortschatz.

Zum Wortschatz des ersten Typs (indogermanischer Herkunft) gehören im Althochdeutschen die

am meisten beständigen Wörter, wie sie in jeder beliebigen Sprache den sogenannten Grundwortschatz bilden [7, 117–118].

Zu diesem Typ im Deutschen gehören die thematischen Gruppen, die zu der ältesten und der gebräuchlichsten Lexik gehören, „die die wichtigsten Bereiche der sprachlichen Welt Darstellung bei den alten Germanen bildet“ [1, 405]. Sie haben ihre Bedeutungen im Entwicklungsprozess der Sprache fast nicht geändert, aber wurden von bestimmten semantischen Änderungen beeinflusst, sowie die Bedeutungserweiterung, die Bedeutungsverengung usw. Zu einer dieser Gruppen gehören die Bezeichnungen des Menschen. Der Begriff ‘der Mensch’, der sehr vielseitig ist, wird in der Regel mit der Vorstellung von ‘der Frau’ und ‘dem Mann’ verbunden. Die Lexik dieser thematischen Gruppe dient zum Forschungsobjekt in den Arbeiten von V. Lewizkij und V. Taranets, in denen die Herkunft und die ety-

mologische Bedeutung der Wörter der obengenannten Gruppe erforscht werden.

In dieser Arbeit wird die Semantik der lexikalisch-semantischen Wortgruppe mit der Bedeutung 'Mensch, Mann' erforscht und wird der Versuch angestellt, den Bedeutungswandel der Wörter einer bestimmten thematischen Gruppe im Entwicklungsprozess der Sprache zu zeigen.

Durch die Analyse der Wörterbücher der althochdeutschen Periode wurde die Wortgruppe bestimmt, für die die Bedeutungen 'Mensch, Mann' als Hauptbedeutungen gelten: *man* (*n*), *mennisgo* (*-co*), *gomo*, *gomman/comman*, *fers*, *wer/wër*, *wiht*. Betrachten wir den Bedeutungswandel jeder lexikalischen Einheit im einzelnen.

Als die älteste Bezeichnung des Begriffs '**der Mensch**' in den germanischen Sprachen diente das Lexem **guma* 'Mensch, Mann', ae. *guma*, as. *gumo*, ahd. *gomo*, aisl. *gumi*. Dieses Wort bezeichnete synkretisch zwei Begriffe, die vielleicht in alten Zeiten als das Ganze: 'Mensch/Mann' bezeichnete. Die Vergleichenung **guma-* mit der gleichen Wurzel in anderen indogermanischen Sprachen zeigt, dass ihm außerhalb der germanischen Sprachen in vielen Fällen die Wörter mit der Bedeutung 'Erde' entsprechen: lat. *homo* 'Mensch', *humus* 'Erde', gr. *chtón* 'Erde', awest. *zā*, *zəmo* (Genitiv) 'Erde', lit. *žmonės* 'Leute', ukr. *земля* (< aslaw. **zemja*), het. *tekan*, toch. *A tkam* 'Erde'. Da die Beziehung der Begriffe 'Mensch' und 'Erde' auch in anderen (z. B., in semitischen) Sprachen beobachtet wird, ist zweifellos, dass die etymologische Bedeutung germ. **guma -*, lat. *homo* 'irdisch, aus der Erde' ist. Solcher Begriff entstand wahrscheinlich in der semantischen Opposition 'Mensch/irdisch' — 'Gott/himmlisch'. In germanischen Sprachen der Gegenwart ist die Wurzel **gum-* nur in relikten Formen in solchen Zusammensetzungen wie z. B. nhd. *Bräutigam* und engl. *bridegroom*, schwed. *brudgum* erhalten geblieben. Allmählich wurde die Wurzel **gum-* in den germanischen Sprachen durch die andere Bezeichnung 'Mensch/Mann' verdrängt: got. *manna*, aisl. *maðr*, ae. as. *man*, ahd.

man; < germ. **mann* – (<**manu-*). Der Vergleich mit ai. *mānu-h* 'Mann, Mensch; der Kluge', lat. *mens, mentis* 'Vernunft', russ. *муж* (< aslaw. **možь* <**mongjo-*) lässt die etymologische Bedeutung 'denkende, klug > Mensch' (ieur. **menə* – 'denken') rekonstruieren. Später wurde im Deutschen von der Wurzel **man* – das Adjektiv *mennisco* 'menschlich' gebildet, dessen substantivierte Form zum Substantiv *der Mensch* wurde. Die ursprüngliche Bedeutung germ. **mann* – war offensichtlich 'Mensch' (nicht 'Mann') [1, 407–408].

Im Althochdeutschen hatte das Wort *man* folgende Bedeutungen I. 1) der Mensch, die Leute; 2) der Mann (als Gegensatz nach dem Geschlecht — Mann — Frau); 3) der Mann (als Gegensatz nach dem Familienstand — Ehemann — Ehefrau; 4) der Kämpfer; 5) der Diener; 6) der Anhänger; II. als unbestimmtes Pronomen *man* [9, 155].

Im Mittelhochdeutschen wird die Bedeutungserweiterung der lexikalischen Einheit *man* beobachtet und sie hat schon 9 Bedeutungen: 1) der Mensch (hieraus kommen Ableitungen *ie man* 'irgendein (Mann), jemand'; *nie man* 'niemand'; 2) der bejahrte Mensch des männlichen Geschlechts, der Mann (als Gegensatz nach dem Geschlecht — Mann — Frau) und als Gegensatz nach dem Familienstand — Ehemann — Ehefrau: *waz mannes* — 'Was für ein Mann? Wer?'; 3) der tapfere, mutige Kämpfer; 4) der Mann (als Gegensatz nach dem Familienstand — Ehemann — Ehefrau); 5) der Liebling, der Liebhaber; 6) der Bräutigam; 7) der Sohn; 8) der Bote, der Diener; 9) der Vasall [8, 133]. Im Schachspiel kommt das Wort *man* in den Bezeichnungen aller Schachfiguren mit Ausnahme von den Bezeichnungen der Königin und des Königs vor. In dieser Periode der Sprachenentwicklung wird *man* nicht nur als Substantiv, sondern auch als unbestimmtes Pronomen (auch mit dem Artikel) gebraucht. Neben der Form *man* existierten auch die Formen *men*, *me*, die in den unbetonten Positionen gebraucht wurden und die Varianten *wan*, *wen* (besonders im Alemannischen).

Gerade in dieser Periode wird die Tendenz «der Bedeutungsschichtung» des Substantivs *man* beobachtet. Dabei beginnt die Bedeutung ‘Mann’ (als Gegensatz nach dem Geschlecht — Mann — Frau) über die Bedeutung ‘Mensch’ zu dominieren.

Im Frühneuhochdeutschen hatte das Wort *man* fast alle Züge, die für das Substantiv *der Mann* im Neuhochdeutschen charakteristisch sind. Gerade in dieser Zeit beginnt sich die Schreibweise *man* mit zwei Buchstaben — *nn* herauszubilden: *60 mann, ein frommer mann, dem gmeinenn mann*.

In der deutschen Gegenwartssprache hat das Substantiv *der Mann* folgende Bedeutungen:

1. Das Wort *der Mann* bezeichnet den erwachsenen Menschen des männlichen Geschlechts, den Mann: *er ist der Mann in besten Jahren* und wird auch in der Sportterminologie für die Bezeichnung der Sportarten gebraucht: *im Eislauf der Männer*. Beim Gebrauch in derselben Bedeutung kann das Substantiv *der Mann* ins Ukrainische oder ins Russische nicht mit einem Wort übersetzt werden, sondern wird durch andere Wörter ersetzt. Aber die ursprüngliche Semantik wird dabei erhalten geblieben: *alter Mann* ‘der Alte’, *junger Mann* ‘1) der junge Mensch, der junge Mann; 2) umgs. der Lehrling (im Betrieb), ein starker/kräftiger Mann ‘Athlet, Kraftmensch’, ein tapferer/beherzter Mann ‘der Kühne, der Tapfere’.

2. Das Substantiv *Der Mann* wird für die Bezeichnung des Familienstandes ‘der Mann, der Ehemann’ gebraucht: *ein treusorgender Mann*.

3. Der Gebrauch des Wortes *der Mann* in der Bedeutung ‘der Mensch’ (überwiegend von dem Mann) ist erhalten geblieben: *der gegebene Mann* ‘der Mensch, der passt’, *ein feiner Mann* ‘ein sehr gut erzogener Mensch’. Wenn *der Mann* im Satz in der betonten Position steht, wird es dann nicht übersetzt: *der Mann kann etwas* ‘er ist ein guter Fachmann’. Das Substantiv *der Mann* kann in der verallgemeinerten Bedeutung *der gemeine Mann* ‘das gemeine Volk’ gebraucht werden. Wie in der ersten Bedeutung kann *der Mann* bei der Übersetzung durch ein anderes Wort ersetzt werden. Dabei wirkt auf die Bedeutung

des Substantivs das Adjektiv, das vor ihm steht: *der erste Mann* ‘die Person, die die größte Bedeutung hat, die hervorragendste Persönlichkeit’, *der starke Mann* ‘der Diktator’. Sind verbreitet die Wortverbindungen *Mann* + Substantiv im Genitiv und *Mann* + Substantiv mit den Präpositionen *mit/von*, mit deren Hilfe der Charakter des Menschen beschrieben werden kann, womit er sich beschäftigt, seine Soziallage, das Niveau seiner Entwicklung: *ein Mann mit Humor* ‘der Mensch mit dem Humorgefühl’, ein Mann der Feder/von der Feder ‘1) der geistig Schaffende; 2) der Literator, der Journalist’, *ein Mann von Welt* ‘Weltmann’, *ein Mann von Rang und Würden* ‘der Mensch mit der hohen Dienstlage’, *ein Mann des Volkes* ‘1) der Mensch aus dem Volk; 2) der Mensch, der die Gedanken und die Hoffnungen des Volkes ausdrückt, der Mensch, dem das Volk vertraut’, *ein Mann von Kopf* ‘ein kluger Mensch’.

4. Nach den Zahlwörtern, wenn es einen Hinweis auf die Menschenmenge gibt, wird Singular in der Bedeutung des Plurals gebraucht: *hundert Mann* ‘hundert Menschen’, *alle Mann an Bord*.

5. Im Plural, wo statt des Substantivs *Menschen* das Substantiv *Leute* in der Bedeutung ‘der Soldat, der Gemeine, der Matrosse, der Arbeiter’ gebraucht wird.

6. Im veralteten und poetischen Stil wird die Pluralform *Mannen* ‘der Kämpfer, der Vasall’ gebraucht.

7. Das Wort *Der Mann* hat auch die Bedeutung ‘der Partner’ (im Spiel): *uns fehlt der vierte Mann* ‘uns fehlt der vierte Spielpartner’.

8. Der Ausdruck *alter/toter/Mann* hat Bedeutungen a) ‘der Grubenbau, der nicht mehr erarbeitet wird’, b) ‘der Torpedo, der nicht explodierte’.

9. In der Marineterminologie bedeutet der Ausdruck *blinder Mann* ‘der Gehilfe des Steuermanns’.

10. Das Substantiv *Der Mann* wird auch bei der Anwendung *lieber/guter Mann* ‘sehr geehrter Herr’ gebraucht, kann auch für den Ausdruck der Empörung — *Mann Gottes!* ‘Ach du!’ oder als Erstauenruf *mein lieber Mann!* umgs. ‘Ach du meine Güte’ gebraucht werden.

Das Wort *der Mann* wird als Komponent in vielen zusammengesetzten Substantiven gebraucht, z. B.: *Bergmann, Dunkelmann, Edelmann, Kaufmann, Landsmann* usw. [2, 439; 6, 578].

Das synonymische Lexem *mennisco/mannisco* hatte im Althochdeutschen die Bedeutungen 'der Mensch, die Leute' [9, 156].

Im Mittelhochdeutschen hatte das Substantiv *mensche/mensch* schon 4 Bedeutungen: 1) 'der Mensch, die Leute'; 2) 'das Mädchen, junges Mädchen; die Liebhaberin; 3) der Mensch, der dienstlich beschäftigt ist (vergleiche im Russischen 'im Dienst sein'; der Diener oder die Dienerin, der Arbeiter); 4) das Menschengeschlecht' [8, 138]. Also man kann über die Bedeutungserweiterung des Wortes *mensche/mensch* sprechen.

Im Frühneuhochdeutschen hatte das Substantiv *mensch* dieselben Züge wie im Neuhochdeutschen.

In der deutschen Gegenwartssprache hat das Wort *der Mensch* folgende Bedeutungen:

1. der Mensch; die Person; die Leute.

2. *familiär* (zum Ausdruck des Erstaunenrufs, der Unzufriedenheit) *Mensch, was soll das? 'hör mal zu, was soll das bedeuten?, wie darfst du das machen?'* ♦ *Mensch Meier! familiär, scherzhaft 'hol's der Teufel!, da haben wir die Bescherung [den Salat], wen ich sehe (als Erstaunenruf)'*

In den Wörterbüchern gibt es auch das Substantiv **des sächlichen Geschlechts** *das Mensch*, das die Bedeutungen *grob* 'der Lump; die Dierne' hat [2, 591].

Die lexikalischen Einheiten *gomo* 'der Mann; der Mensch; die Leute; der Held', *gomman/comman* 'der Mann; der Ehemann; der Mensch; die Leute' und *fers* 'der Mann' wurden nur im Althochdeutschen gebraucht. In den nächsten Entwicklungsperioden der deutschen Sprache sind sie nicht mehr gebräuchlich. Was das althochdeutsche Lexem *gomo* betrifft, so ist es im Deutschen als Komponent des Substantivs *der Bräutigam* erhalten geblieben.

Noch als eine alte Bezeichnung des Begriffs '**Mann**' in den germanischen Sprachen diente die

Wurzel **wer-*: got. *wair* 'Mann', ae., as., ahd. *wer* 'Mann, Mensch', aisl. *verr* 'Mann, Ehemann' // *het. vir* 'Mann, Held', ai. *vīrah* 'Mann', lit. *výras*; < ieur. **uīros/uiros* 'Mann, Mensch'. Wahrscheinlich ist das indoeuropäische Wort die Ableitung von der Wurzel **uej-* 'winden, fechten, verbinden'. Solche semantische Entwicklung 'fechten, verbinden > Körper (> Mensch)' wird auch in anderen Fällen beobachtet (verg. russ. *крепкий*, lat. *corpus* 'Körper', ai. *krpā* 'Gestalt, Schönheit', ahd. *href* 'Leib' und auch 'Korb' [1, 409–410].

Im Althochdeutschen hatte das Substantiv *wer/wēr* die Bedeutungen 'der Mann, der Mensch'. Im Mittelhochdeutschen sind dieselben Bedeutungen erhalten geblieben aber nur in den Wörtern *wērgēlt* 'die Geldstrafe für den Mord (die Zahlung für den Mann, den Ehemann)', *wērwolf* 'der Mensch (*wēr*), der gleichzeitig der Wolf sein kann', *wērlt* 'das Zeitalter, das Jahrhundert, das Jahrtausend; die Welt, die Erde als Wohnort der Menschen und als Gegensatz zum Meer; das Menschengeschlecht, die Menschheit, das Volk, die Leute; das irdische, sündige Leben als Gegensatz zum geistlichen und himmlischen Leben' [8, 313–315].

In den schriftlichen Denkmälern des Mittelhochdeutschen wird die lexikalische Einheit in der Bedeutung 'der Mann, der Mensch' nicht mehr gebraucht. Man kann vermuten, dass gerade in dieser Periode die Verdrängung *wēr* als Resultat der Verallgemeinerung durch *Mann* — *Mensch* geschah.

In gegenwertigen germanischen Sprachen ist die Wurzel **wer* in folgenden Wörtern erhalten geblieben: engl. *world* 'Welt', as. *weorold* 'das Weltall, die Jahrtausend, das Leben, die Menschheit'.

Im Neuhochdeutschen kommt das Substantiv *wer* in den Wörtern *das Wergeld* 'die Geldstrafe für den Mord des Menschen', *der Werwolf* 'Mensch-Wolf', *die Welt* '1. das Weltall; das Universum; die Erdkugel; 2) das Weltall; die Menschheit, die Menschen; 3) die Welt (von Etwas); die Umgebung, der Bereich; 4) die Welt, die Gesellschaft; 5) die irdische (sündige) Welt, diese Welt' und das Fragepronomen

wer [2, 958]. Das Wort *die Welt* ahd. *weralt* war eine Zusammensetzung, wo als die erste Komponente *wer-* ‘Mensch’ und als die zweite Komponente *ald* – ‘Alter’ gelten.

Also, das althochdeutsche *wer* ‘der Mann, der Mensch’ wurde allmählich durch das synonymische *Mensch* verdrängt. Die hohe Stufe seiner Abstrahierung versetzte dieses Wort in die Kategorie des Pronomens *wer*.

Das Lexem *wiht* hatte im Althochdeutschen folgende Bedeutungen: ‘1) das Wesen (besonders der Hausgeist, der Zwerg, (der gute) Hausgeist, der Kobold (in der germanischen Mythologie); 2) Mensch (geringschätzig); Leute (ohne Unterschied des Geschlechts); 3) ein Ding, etwas’ [9, 290].

Im Mittelhochdeutschen hatte das Substantiv *wiht* dieselben Bedeutungen: das Geschöpf, das Wesen, das Ding, etwas. Es gab auch zwei Substantive *der*, *das wicht* mit der Bedeutungen — lebendes Wesen, das Wicht (von Menschen, Tieren, Dämonen, Kobolden, Zwergen [8, 321].

In der deutschen Gegenwartssprache wird das Substantiv *das Wicht* mit folgenden Bedeutungen gebraucht: ‘1) *umgs.* der Knirsp; der Bursche, der Kerl; *ein armer Wicht* — ‘armer Mann, der Unglückliche’ 2) *verächtlich* der Typ; der Lump; *ein erbärmlicher Wicht* — ‘die Nichtigkeit’; *ein feiger Wicht* — ‘der Feingling’ 3) der Zwerg, (der gute) Hausgeist, der Kobold (in der germanischen Mythologie).

Das Wort *das Wicht* wird als Bestandteil in folgenden Substantiven gebraucht: *das Bösewicht* — ‘1. *veralt.* der Missetäter 2. *scherzhaft* der Wildfang, der Schelm, unartiges, verzogenes Kind, mutwilliges

[ausgelassenes] Kind’ und *das Wichtelmännchen* — ‘der Zwerg, (der gute) Hausgeist, der Kobold (in der germanischen Mythologie)’ [2, 960].

Also, mit jeder Periode bekam das Wort *das Wicht* neue Bedeutungen. Die ursprünglichen Bedeutungen sind erhalten geblieben aber wurden auf die letzte Stelle versetzt.

Anhand der Angaben der Wörterbücher drei Sprachperioden (ahd., mhd., nhd.) und durch die Analyse der originellen althochdeutschen und mittelhochdeutschen Sprachdenkmäler sind wir zu Schlussfolgerungen gekommen, dass die erforschten Lexemen im Prozess der Sprachentwicklung bestimmte Abänderungen erfuhren:

- die Bedeutungserweiterung (Mann, Mensch, Wicht);
- der Gebrauch der Einheiten, die nicht mehr gebräuchlich sind, als.

Komponente anderer Wörter mit der Erhaltung oder mit der nicht wesentlichen Änderung der ursprünglichen Bedeutung (*gomo*, *wer/wër*, *wiht*);

- die Ersetzung eines Wortes durch ein anderes in einer bestimmten Bedeutung (*gomo* durch *man* in der Bedeutung ‘der Mensch’; *man* durch *mensch/mensch* in derselben Bedeutung);

– die Verdrängung einiger Wörter durch Synonyme auf die Peripherie der lexikalisch-semantischen Wortgruppe (*wer* durch das synonymische *Mensch*) und die Versetzung in eine andere grammatische Kategorie (das Substantiv *wer* zum Pronomen *wer*);

- die Verschwindung einiger Einheiten in der nächsten Entwicklungsperioden der deutschen Sprache (*gomman/comman, fers*).

References:

1. Левицький В. В. Основи германістики / Віктор Васильович Левицький. – Вінниця: Нова Книга, – 2006. – 527 с.
2. Москальская О. М. Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / О. М. Москальская. – М., – 2003. – Т. 1. – 860 с., Т. 2. – 656 с.
3. Розина Р. И. Человек и личность в языке / Р. И. Розина // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., – 1978. – 286 с.
4. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – Berlin, – 1993. Band 2. – S. 821–1665.

5. Köbler Gerhard. Taschenwörterbuch des althochdeutschen Sprachschatzes / Gerhard Köbler. – München-Wien-Zürich, – 1994. – S. 399.
6. Langenscheidts Großwörterbuch. – Berlin, – 1997. Band 1. – S. 1076, – Band 2. – S. 1177.
7. Lewizkij V., Pohl Heinz-Dieter. Geschichte der deutschen Sprachen / Lewizkij Viktor. – Winnyzja: Nowa Knyha, – 2010. – S. 254.
8. Lexer Matthias. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / Matthias Lexer. – [34. Aufl.]. – Leipzig, – 1974. – S. 343.
9. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch / Rudolf Schützeichel. – [3. Aufl.]. – Tübingen, – 1981. – S. 309.
10. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch / Gerhard Wahrig. – [7. Aufl.]. – München, – 2000. – S. 1451.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-17-3-87-90>

*Filonenko Nataliya Georgyivna,
Kyiv National Linguistic University,
Associate Professor of the Spanish and French Philology Department
E-mail: fng@ukr.net*

SYMMETRY IN THE SYSTEM ORGANIZATION OF PREDICATE CONSTRUCTIONS WITH CIRCUMSTANTIAL COMPLEMENTS IN XXI CENTURY FRENCH NOVELS

Abstract: The article deals with the features of the self-organization of texts on the basis of an analysis of system dynamics and quantitative data on the use of predicate constructions with the complement of circumstantial significance in the novels of four French writers that are Goncourt Prize winners of the 21st century.

Keywords: predicate, complement, circumstance, literary text, symmetry.

*Филоненко Наталия Георгиевна,
Киевский национальный лингвистический университет,
Доцент кафедры испанской и французской филологии
E-mail: fng@ukr.net*

СИММЕТРИЯ В СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОНСТРУКЦИЙ СКАЗУЕМОГО С ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМ ДОПОЛНЕНИЕМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ XXI ВЕКА

Аннотация: В статье изучаются признаки самоорганизации текстов на основе анализа системной динамики и количественных данных употребления конструкций сказуемого с дополнением обстоятельственного значения в романах четырех французских писателей лауреатов премии Гонкур XXI столетия.

Ключевые слова: сказуемое, дополнение, обстоятельство, художественный текст, симметрия.

Современные филологические исследования в ракурсе изучения динамики речемыслительной деятельности поднимают вопрос о спонтанном возникновении языка в результате саморазвития психических функций человека [1]. В русле этой дискуссии возникла концепция синергетической природы и самоорганизации текста за счет внутренней динамики его систем, в частности и синтаксической [2].

При определении закономерностей синтаксической системной самоорганизации текстов современной французской художественной прозы

анализ позиционной динамики показывает, что синтаксическая система современного французского художественного прозаического текста основывается на таких самоорганизационных динамических доминантах как повтор и симметрия. Этот вывод подтверждается данными, полученными нами при изучении употребления конструкции сказуемое + обстоятельственное дополнение, которая является одной из наиболее часто используемых единиц. Уточним, что обстоятельственное дополнение фактически представляет собой обстоятельство, выраженное именной

группой. Найденные нами обстоятельства в этом типе конструкций могут быть такой семантики: места, времени, цели, условия, причины, образа действия, степени, причем установить закреплённость семантики за конкретным предложением невозможно. Следовательно, основным для определения семантики обстоятельства является не формальный критерий, а смысловой. Отметим тот факт, что именно из-за разнородности семантики пределы группы обстоятельств размыты. В. Г. Гак акцентирует на том, что обстоятельства занимают переходное место между дополнением и атрибутом, и выделяет специфическое агентивно-инструментальное дополнение [3, 292], которое условно можно было бы назвать обстоятельством образа действия.

Обстоятельственные именные группы могут присоединяться к глаголу, как с помощью предлога, так и без него, например:

“Mais ma tante m’a dit que cette histoire, elle l’avait entendue la première fois de la bouche de son arrière grand-mère” [4].

В приведенном примере имеются две обстоятельственные группы: первая “la première fois” — без предлога, вторая “de la bouche de son arrière grand-mère” присоединяется с помощью предлога *de*. А. Борилло подчеркивает, что в подобных конструкциях именно простые и составные предлоги, которые могут выполнять функции темпоративов или локативов, формируют адвербиальное значение, что подтверждается их общей этимологией с некоторыми существительными [5].

Обстоятельственные группы могут быть однородные и неоднородные, например: “[...] qui se plaignait sans cesse d’être à l’agonie et téléphonait au beau milieu de la nuit au moindre rhume, au plus petit symptôme de faiblesse [...]” [6]. Несмотря на один и тот же предлог *à*, который используется в трех обстоятельствах в приведенном примере, только два обстоятельства “au moindre rhume” и “au plus petit symptôme de faiblesse” являются однородными.

Изучение динамики конструкции сказуемое + обстоятельственное дополнение в романах Л. Годе “Le Soleil des Scorta”, Ж. Феррари “Le Sermon sur la chute de Rome”, М. Уэльбека “La Carte et le Territoire” и Ж. Леруа “Alabama song” проводилось на основе количественного анализа системы всех конструкций сказуемого с учетом авторского структурирования этих произведений. Именно процентный подсчет обеспечивает объективную оценку состояний синтаксической системы, поскольку главы различны по объему, как предложений, страниц, так и синтаксических конструкций. Доля конкретного типа конструкций в главе определяется по суммарному количеству всех типов конструкций в этой же главе.

Общее количество конструкций сказуемое + обстоятельственное дополнение в романе Л. Годе “Le Soleil des Scorta” составляет 1145 единиц, то есть 11,8%. По десяти главам распределение употребления этих конструкций происходит следующим образом: 10,5%; 7,2%; 12%; 15,5%; 12,3%; 12,7%; 11,6%; 12,5%; 20,2%; 11%.

В симметричных относительно серединной главы второй и девятой главах наблюдаются соответственно наименьшая и наибольшая концентрации. Это свидетельствует о том, что система данных конструкций организована по принципу симметрии. В обеих этих главах расположены по две точки бифуркации. Разница между наивысшей и низшей плотностью является достаточно большой и составляет 13%.

Суммарное количество этих конструкций в романе Ж. Феррари “Le Sermon sur la chute de Rome” составляет 1208 единиц. Процентные показатели использования автором этих конструкций в разделах укладываются в такую последовательность: 16%; 15,2%; 14,4%; 12,7%; 18,5%; 16,8%; 18,6%. Средний показатель 15,5% приближен к аналогичному показателю в романе Л. Годе “Le Soleil des Scorta”.

Динамика повторов этой конструкции указывает на уплотнение ее использования в первой

и последней главах и разрежения в четвертой срединной главе, что подтверждает справедливость предположения о симметричном устройстве системы этих конструкций. Резкое увеличение употребления данных конструкций от четвертой до пятой главы указывает на критические состояния системы в середине произведения. Разница между минимумом и максимумом — 5,9%.

Наивысшая плотность этих конструкций определена в пятой и седьмой главах, а минимум — в четвертой. Медленное снижение концентрации этих конструкций от первой до четвертой глав меняется скачкообразным увеличением до максимума на относительно коротком отрезке текста в пятой главе и остается высоким до конца произведения с небольшим снижением в шестой главе. Такое поведение синтаксической системы свидетельствует о близком расположении пиковых зон употребления этих конструкций, что вызывает ее нестабильность. Отметим, что именно в четвертом разделе содержится наибольшее количество сверхдлинных предложений, а также самое длинное предложение романа, в котором насчитывается 64 пропозициональные пары подлежащее + сказуемое. Резкое падение в срединной главе и последующее резкое возрастание употребления анализируемых конструкций подтверждает гипотезу о том, что симметрия — один из принципов самоорганизации синтаксической системы романа Ж. Феррари “Le Sermon sur la chute de Rome”.

Количество конструкций исследуемого типа в произведении М. Уэльбека “La Carte et le Territoire” — 2159 единиц, что соответствует показателю 16,4%.

Высший структурно-синтаксический уровень романа М. Уэльбека “La Carte et le Territoire” отмечен такими количественными показателями: пролог — 15%; первая глава — 16,2%; вторая глава — 16,2%; третья глава — 15,8%; эпилог — 19,5%. Средний показатель — 16,4%, разница между минимумом и максимумом использования — 4,5%.

Приведенные данные дают основания сделать вывод о том, что в первом и последнем структурных разделах (прологе и эпилоге) отмечены наименьшее и наибольшее количества употреблений конструкций сказуемого с обстоятельственным дополнением. При изучении конструкций другого типа, а именно сказуемое + дополнение (прямое и не прямое), наблюдается зеркальная тенденция, то есть наименьшее количество обнаруживается в эпилоге, а наибольшее — в прологе. Таким образом, конструкции этих двух типов являются взаимно равновесными. Итак, на высшем уровне структурирования романа они формируют не осевую, а центральную симметрию синтаксической системы целого текста.

В пяти главах романа Ж. Леруа “Alabama song” на структурно-синтаксическом уровне глав, деленных на разделы, динамические характеристики конструкций сказуемое + обстоятельственное дополнение показывают, что система этих конструкций в первой главе наиболее нестабильна, поскольку высокая плотность этих единиц во втором разделе и разреженность в шестом являются самыми значительными во всем произведении. Кроме того, эти разделы являются симметричными.

Во второй главе динамика свидетельствует о том, что, хотя система и не строго симметрично организована, но очевидно стремится к центральной симметрии. В третьей главе разница между минимальным и максимальным показателями составляет 2,6%, что свидетельствует о стабильном функционировании этих конструкций, так же как и в четвертой главе. В пятой главе количественный анализ употребления конструкций показал тяготение системы к симметричной организации с выраженной стабильностью и постепенными изменениями плотности.

На структурно-синтаксическом уровне целого текста показатели динамики функционирования подсистемы рассматриваемых конструкций формируют такой ряд данных: 12,7%; 15,2%;

12,3%; 11,4%; 11,1%. Средний показатель романа — 12,6%. На этом уровне принцип симметрии не является доминантным в организации синтаксической системы.

Итак, отрезки текста с максимальными и минимальными количествами употребления конструкций, в романах М. Уэльбека “La Carte et le Territoire” и Л. Годе “Le Soleil des Scorta” расположены симметрично с осями в срединных главах. Также, можно утверждать, что симметрия

является одним из ведущих принципов самоорганизации синтаксической системы романа Ж. Феррари “Le Sermon sur la chute de Rome”, однако нельзя сделать подобный однозначный вывод о романе Ж. Леруа “Alabama song”, в котором отмечается лишь определенная тенденция к симметрии. Таким образом, центральная и осевая симметрии являются одним из системных принципов самоорганизации французских романов XXI столетия.

Список литературы:

1. Черниговская Т. В. Нейронауки и лингвистика: как совместить парадигмы / Т. В. Черниговская // Междисциплинарность в науке и образовании. – СПб., – 2001. – С. 112–116.
2. Москальчук Г. Г. Структурная организация как аспект общей теории текста / Г. Г. Москальчук // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 1. – Т. 1. – С. 73–81.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / Владимир Григорьевич Гак. – М.: Добросвет, – 2000. – 839 с.
4. Rahimi A. Syngué sabour. Pierre de patience / Atiq Rahimi. – P. O.L éditeur, – 2008. – 160 p.
5. Borillo A. Il y a prépositions et prépositions / A. Borillo // Travaux de linguistique. – 2001. – No. 42/43. – P. 141–155.
6. Ferrari J. Le sermont sur la chute de Rome / Jérôme Ferrari. – Actes Sud Editions, – 2012. – 201 p.

Contents

Section 1. Linguistics.....	3
<i>Hakobyan Anoush Vahanovna</i> FUNCTIONAL SPECIFICITY OF UNION ЕСАИ.....	3
<i>Gabibullaeva Nigar Fikret qizi</i> METAPHORICAL REPRESENTATION OF IDEOLOGY IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE.....	7
<i>Gadimova Leyla Shovlat</i> “LOVE” CONCEPT IN SHAKESPEARE SONNETS	12
<i>Gerasymiv Liliya Yaroslavivna</i> THEORETICAL BACKGROUND OF STUDYING ACCUSATION AND EXCUSE IN A DIALOGIC UNITY	18
<i>Guluzadeh Nisa Fikret qizi</i> INTERRELATION OF IDEOLOGY AND DISCOURSE	22
<i>Babanli Ilhama Muheammad</i> DERIVATIVE VERBS WITH LEXICAL MORPHEM –LA IN “THE BOOK OF DEDE KORKUT”	26
<i>Katsion Iryna Oleksandrivna</i> COGNITIVE FEATURES OF CONCEPT LIFE IN TURKISH LINGUISTIC WORLDVIEW	29
<i>Radchenko Marina Vasiliivna</i> TRANSLATORY FEATURES OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS INTO CROATIAN LANGUAGE (BASED ON B. AKUNIN’S NOVEL “AZAZEL”)	33
<i>Rasulova Jamila Xosrov gizi</i> CONCEPT “PATRIOTISM” IN MODERN AMERICAN, AZERBAIJANI AND RUSSIAN INAUGURAL ADDRESSES.....	39
<i>Sukhovetska Liudmyla Valentynivna</i> PRAGMATIC POTENTIAL OF LEXICAL REPETITION IN THE INCENTIVE UTTERANCES IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE.....	43
<i>Chekareva Yevgeniya</i> VERBALIZATION OF CONCEPTUAL SPHERE OF TIME IN THE SYSTEM OF NOUNS OF ANCIENT GREEK	48
Section 2. Literature.....	54
<i>Jianghua Han</i> POETIC THOUGHT AND MIND STYLE: THE RELATION OF POETIC METAPHOR AND LITERARY CREATION	54
<i>Isaieva Natalia Stanislavivna</i> REINTERPRETATION OF THE MYTHOLOGICAL IMAGE OF NYUVA IN PROSE BEE SHUMIN 1990’S.....	60
<i>Trunova Olena Sergiyivna</i> SYMBOLISM OF BAI HUA’S POETRY: TRADITIONS AND INNOVATION	66

<i>Tsepkalovna Tatiana Aleksandrovna</i> MYTHOLOGICAL SYMBOLS OF IMAGE OF THE MOON IN THE POETRY BY LINA KOSTENKO	73
<i>Shevchuk Olena Volodymyrivna</i> NOVELS BY V. KULAKOVSKYI IN TERMS OF THE SPIRITUAL HERITAGE OF UKRAINIAN LITERATURE	77
Section 3. Philology	81
<i>Litvinova Natalia Viktorovna</i> DIE ENTWICKLUNG DER LEXIKALISCH — SEMANTISCHEN WORTGRUPPE MIT DER BEDEUTUNG «MENSCH, MANN» IN DER DEUTSCHEN SPRACHE.	81
<i>Filonenko Nataliya Georgyivna</i> SYMMETRY IN THE SYSTEM ORGANIZATION OF PREDICATE CONSTRUCTIONS WITH CIRCUMSTANTIAL COMPLEMENTS IN XXI CENTURY FRENCH NOVELS.	87